

Феномен бессмертия существует

Примирение науки и религии

Создатель Шерлока Холмса о жизни после смерти

А. Конан-Дойль

ЗАГАДКА ЖИЗНИ И СМЕРТИ

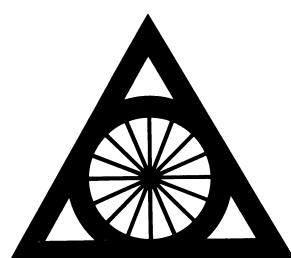
Онтологический детектив

Размышления о Религии, Спиритизме и Бессмертии

*композиционный перевод с английского,
комментарии и общая редакция*

Йог Раманантара

Третье, переработанное издание

МОСКВА – 2021

*Настоящая публикация подготовлена к печати Йогом Раманантатой.
В издании сохранены характерные особенности
авторской орфографии, пунктуации и стиля.*

КД 62
Конан-Дойль, Артур

Загадка жизни и смерти. Онтологический детектив. Составление, редакция, перевод с английского Йога Раманантаты., 2000. – стр.

Сэр Артур Конан-Дойль (1859 – 1930) – крупнейший английский писатель, тонкий мыслитель, общественный деятель, публицист, доктор медицины и доктор права – почти 50 лет жизни посвятил изучению Спиритизма – учения, разрешающего загадку жизни и смерти, а также – все трудности философии и религии и кладущего конец противостоянию науки и религии.

Эта книга открывает русскому читателю совершенно неведомую ему сторону жизни и творчества Артура Конан-Дойля. На её страницах Конан-Дойль предстаёт как тонкий мыслитель, которого глубоко волнуют фундаментальные проблемы Бытия: душа, бессмертие, Бог, религия, психические исследования, прогресс человечества, его судьба и предназначение.

© Йог Раманантата: общий замысел, составление и отбор материала, редакция, перевод с английского, комментарии, 2021 г.

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Эта книга открывает русскому читателю совершенно неведомую ему сторону жизни и творчества Артура Конан-Дойля. На её страницах Конан-Дойль предстаёт как тонкий мыслитель, которого глубоко волнуют фундаментальные проблемы Бытия: душа, бессмертие, Бог, религия, психические исследования, прогресс человечества, его судьба и предназначение.

Сэр Артур Конан-Дойль (1859 – 1930) – крупнейший английский писатель, тонкий мыслитель, общественный деятель, публицист, доктор медицины и доктор права – почти 50 лет жизни посвятил изучению Спиритизма – учения, разрешающего загадку жизни и смерти, а также – все трудности философии и религии и кладущего конец противостоянию науки и религии.

Создатель знаменитого сыщика Шерлока Холмса и других полюбившихся читателям персонажей обладал блестящим, дедуктивным умом, острым, как бритва. Именно эти качества своего ума он использовал при критическом исследовании Спиритизма, а также, убедившись в его истинности и во всеуслышание заявив о своей горячей ему приверженности, – при дальнейшем его развитии. Сила анализа, тонкость и глубина его мыслей поражают современного исследователя своей актуальностью и всесторонним проникновением в предмет.

Надо сказать, что публицистическое наследие Конан-Дойля невероятно велико. Оно охватывает собой широчайшую тематику, отражающую весь круг незаурядных интересов этого выдающегося человека в самых различных областях науки, общественной жизни и духовных исканий: от медицины до оккультных явлений. Между этими двумя полюсами помещаются история, политика, право, военное дело, криминалистика, религия, философия, искусство и многое другое. Во всех этих своих публикациях он снова и снова выступает как человек, наделённый могучим здравым смыслом и самостоятельностью суждения, как человек, чьи взгляды и идеи, направленные на совершенствование его соотечественников, вполне заслуживают того, чтобы быть услышанными и нами. Полное издание его работ в этом жанре, насколько нам известно, в самой Англии всё ещё не было осуществлено, и тем более оно ждёт своего издателя и переводчика у нас, в России. Мы, таким образом, закладываем здесь лишь первый камень той интересной литературоведческой и философской работы, которую нашим филологам предстоит ещё совершить в будущем.

Сейчас мы предлагаем вниманию русской читающей публики квинтэссенцию мировоззрения Конан-Дойля по проблемам религии, Спиритизма и бессмертия. Всё это собрано в результате кропотливого труда со страниц многочисленных произведений нашего автора (как самых больших, так и самых малых) и затем переведено и тщательно отредактировано. Данное собрание представляет собой совершенно новое и оригинальное произведение, которое мы с чувством законной гордости и надеждой, что оно не будет бесполезным, выпускаем в свет. Несомненно, что даже те, кому хорошо известен затронутый здесь предмет, не потеряют напрасно времени, знакомясь с этими бесценными мыслями.

П.А. Гелевá

Москва. 2004 г.

СОЧИНЕНИЯ СЭРА АРТУРА КОНАН-ДОЙЛЯ О СПИРИТИЗМЕ

THE NEW REVELATION, OR WHAT IS SPIRITUALISM. НОВОЕ ОТКРОВЕНИЕ, ИЛИ ЧТО ТАКОЕ СПИРИТИЗМ.

THE VITAL MESSAGE. ЖИЗНЕННОВАЖНОЕ ПОСЛАНИЕ.

HISTORY OF THE SPIRITUALISM. ИСТОРИЯ СПИРИТИЗМА (2 тома).

THE CASE FOR SPIRIT PHOTOGRAPHY. ФАКТЫ В ПОЛЬЗУ СПИРИТИЧЕСКОЙ ФОТОГРАФИИ.

THE EARLY CHRISTIAN CHURCH AND MODERN SPIRITUALISM. РАННЕХРИСТИАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ И СОВРЕМЕННЫЙ СПИРИТУАЛИЗМ.

EDGE OF THE UNKNOWN. ГРАНЬ НЕВЕДОМОГО.

INDEPENDANT TESTIMONY AS TO THE MEDIUMSHIP OF FLORENCE COOK. НЕЗАВИСИМОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО КАСАТЕЛЬНО МЕДИУМИЗМА ФЛОРЕНЦИИ КУК.

IN QUEST OF TRUTH. В ПОИСКАХ ИСТИНЫ.

THE LAND OF MIST. ЗЕМЛЯ ТУМАННАЯ.

LETTERS TO THE PRESS. ПИСЬМА В ПРЕССУ.

MEMORIES AND ADVENTURES. ВОСПОМИНАНИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ.

AN OPEN LETTER TO THOSE OF MY GENERATION. ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ЛЮДЯМ МОЕГО ПОКОЛЕНИЯ.

OUR AFRICAN WINTER. НАША АФРИКАНСКАЯ ЗИМА.

OUR AMERICAN ADVENTURE. НАШИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ В АМЕРИКЕ.

OUR REPLY TO THE CLERIC PRESS. НАШ ОТВЕТ ЦЕРКОВНОЙ ПРЕССЕ.

OUR SECOND AMERICAN ADVENTURE. НАШИ НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ В АМЕРИКЕ.

“PHENEAS SPEAKS” (Direct Spirit Communications in the Family Circle Reported by Sir A.C.Doyle). «ГОВОРИТ ФИНИЙ» (Прямые сообщения духа в одном семейном кружке в изложении сэра А.Конан-Дойля).

PSYCHIC EXPERIENCES. (SURVIVAL). СОХРАНЕНИЕ ДУШИ ПОСЛЕ СМЕРТИ ТЕЛА. (ОПЫТЫ В ИССЛЕДОВАНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПСИХИКИ).

THE ROMAN CATHOLIC CHURCH. РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ.

SPIRITUALISM AND RATIONALISM. СПИРИТИЗМ И РАЦИОНАЛИЗМ.

THE SPIRITUALIST'S READER (compiled by Sir A.C.Doyle). СПИРИТУАЛИСТИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ (составлено Артуром Конан-Дойлем).

THE TRUTH OF SPIRITUALISM (Verbatim Report of a Public Debate between Sir A.Conan Doyle, M.D.;L.I.D; and Joseph McCabe, Held at the Queen's Hall, London, on March 11, 1920. Revised by Both Disputants). ИСТИННОСТЬ СПИРИТИЗМА. (Дословная запись публичного диспута, имевшего место в Куинз-холле, Лондон, 11 марта 1920г, между сэром Артуром Конан-Дойлем, доктором медицины, доктором права, и Джозефом Мак-Кабом, удостоверенная обоими участниками).

THE WANDERINGS OF A SPIRITUALIST. СТРАНСТВИЯ ОДНОГО СПИРИТА.

WHAT DOES SPIRITUALISM ACTUALLY TEACH AND STAND FOR? НА ЧЕМ СТОИТ И ЧЕМУ УЧИТ СЕГОДНЯ СПИРИТИЗМ?

A WORD OF WARNING. ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ.

LEON DENIS, “THE MYSTERY OF JOAN OF ARC”, transl. from the French and with a Preface by A.C.Doyle. ЛЕОН ДЕНИ, «ТАЙНА ЖАННЫ Д'АРК», перевод с франц. и предисловие А.Конан-Дойля.

THY KINGDOM COME. ПОСМЕРТНОЕ ПОСЛАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ.

СТАТЬИ

ALLEGED POSTHUMOUS WRITINGS OF GREAT AUTHORS. (1922), “The Fortnightly Review”.

IF I COULD PREACH JUST ONCE. (1923)

IS SIR OLIVER LODGE RIGHT? YES! (1917), "The Strand Magazine".
THE LAW OF THE GHOST. (1919), "The Strand Magazine".

СБОРНИКИ И КНИГИ ДРУГИХ АВТОРОВ
С ПРЕДИСЛОВИЯМИ А.КОНАН-ДОЙЛЯ

THE UNDISCOVERED COUNTRY. A Sequence of Spirit Messages describing Death & The After-World. Selected from Published and Unpublished Automatic Writings. 1874 – 1918. Edited by Harold Bayley, with an Introduction by Sir Arthur Conan Doyle.

LIFE AFTER DEATH. By J.M. Wilson, Canon of Worcester, with replies by Sir A.Conan Doyle.

THE LIFE BEYOND THE VEIL. Spirit Messages received&written down by the Rev. G.Vale Owen. Introduction by Sir Arthur Conan Doyle.

MY RELIGION – A SIMPOSIUM. By Sir Arthur Conan Doyle, Arnold Bennett, Hugh Walpole, Rebecca West and other authors.

PSYCHIC EXPERIENCES OF A MUSICIAN. By von Reuter. With a Preface by Sir A.Conan Doyle.

SPIRITUALISM. ITS HISTORY, PHENOMENA, &DOCTRINE. By J.Arthur Hill, with an Introduction by Sir Arthur Conan Doyle.

THE EVOLUTION OF SPIRITUALISM. By Harvey Metcalfe, with a Preface by Sir Arthur Conan Doyle.

AN AMAZING SEANCE AND AN EXPOSURE. By Sidney A.Mosley, with an Introduction by Sir Arthur Conan Doyle.

THE CASE FOR AND AGAINST PSYCHICAL BELIEF. Edited by Carl Murchison. (Contributors include: Sir Oliver Lodge, Houdini, etc. Contains Chapter 2 by Sir Arthur Conan Doyle, entitled "The Psychic Question As I See It").

D.D.HOME. HIS LIFE AND MISSION. By Madame Douglas Home. Edited and with a Preface by Sir Arthur Conan Doyle.

АВТОР ШЕРЛОКА ХОЛМСА И ЕГО ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН О СПИРИТИЗМЕ ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

Человек, посвятивший себя этим исследованиям, занят в жизни делом,
не заставляющим раскаиваться.

Платон

Наверное, нет человека, который бы не читал Конан-Дойля, но нет и человека, который бы прочитал всего Конан-Дойля. Это, при всём желании, невозможно даже в Англии.

Так уж повелось, что большинство российских читателей, заслышав имя Конан-Дойля, про себя радостно отметит: «А, это автор знаменитого Шерлока Холмса!» И только. Таким образом оказывается, что чуть ли не самая важная сторона духовной жизни писателя – его научные и философские искания, его бурная общественная деятельность – остаётся неведомой русскоязычному читателю. И действительно, произведения эти в русском переводе никогда не издавались, а в статье «брежневской» Б.С.Э., посвящённой Конан-Дойлю, об этом не сказано ни слова. И только в «сталинской» энциклопедии говорится, что он «в последние годы жизни проповедовал мистицизм и спиритизм». Причём сказано это таким тоном, который подразумевает, что на старости лет почтенный писатель «несколько умом тронулся». Оставим это смещение акцентов на совести авторов энциклопедии, ныне покойных, и поговорим об этой стороне жизни и творчества сэра Артура Конан-Дойля – человека, мыслителя, учёного и писателя.

Читатель, возможно, недоумевает: Конан-Дойль – тот самый Конан-Дойль, отец Шерлока Холмса, этого педантичного, скрупулёзно-точного детектива, который не верит ни во что, кроме анализа и доказательства, наблюдательности и дедукции, который соединяет материальные улики с логикой и здравым смыслом и преобразует в научное исследование романтическую погоню за ворами и убийцами? И это он-то вдруг поверил в спиритические сказки и принял их популяризировать; возможно ли такое? Однако не будем спешить с выводами Да, это тот самый Конан-Дойль, который, подобно своему герою, прежде чем притти к окончательному решению (т.е. примкнуть к спиритическому движению), накапливал и накапливал доказательства и улики в течение терпеливого и кропотливого расследования, гораздо более длительного, чем самое сложное дело сыщика с Бейкер-стрит, поскольку расследование это продолжалось без малого пятьдесят лет.

Сэр Артур Конан-Дойль обладал блестящим, дедуктивным умом, острым, как бритва. Именно эти качества своего ума он использовал при критическом исследовании Спиритизма, а также, убедившись в его истинности и во всеуслышание заявив о своей горячей ему приверженности, – при дальнейшем его развитии. Сила анализа, тонкость и глубина его мыслей поражают современного исследователя своей актуальностью и всесторонним проникновением в предмет.

В целом же недоумение иных читателей вполне можно понять, ведь если они воспитывались и выросли в лоне материалистической и марксистской идеологии, то многие вещи должны были выпасть из круга их внимания или выглядеть суевериями. Поэтому вначале, по необходимости, немного коснёмся вопроса о том, что, собственно, такое «спиритизм».

«Спиритизмом» в XIX веке называли религиозно-философско-научное движение, которое возникло в результате ознакомления людей с особого рода феноменами, так называемыми «спиритическими манифестациями». Надо однако признать, что такой взгляд весьма поверхностен и отдаёт марксистским подходом, который всякое возникшее в обществе явление пытается объяснить историческими причинами и вписать его во временной поток. По отношению к Спиритизму такой подход был бы совершенно неверен. Дело в том, что движение, возникшее в XIX веке, правильнее было бы именовать не «спиритизмом», а «неоспиритизмом», «новейшим спиритизмом», ибо «спиритизм» не есть какое-то изобретение XIX века, с ним же и закончившееся. Спиритизм, строго говоря, существовал всегда по той простой причине, что природа человека всегда была тою же и, стало быть, связанные с нею

явления и законы существовали всё то время, что существует человечество. Сведения об этих явлениях доносят дошедшие до нас древнейшие, древние и средневековые памятники письменности. Все эти явления естественным образом вписывались в жизнь людей и были одной из её естественных составляющих. Но понимание их природы было вотчиной магов, мистиков, оккультистов, жрецов и духовенства (вернее сказать, той части последнего, которая ещё владела эзотерическим знанием). Когда же наступил так называемый «век просвещения», то человечество просто почувствовало и осознало себя в совершенно новом качестве. Но одной из особенностей этого ощущения и самосознания было нежелание со стороны передовых умов эпохи признать реальность, стоящую за мистикой и оккультизмом. Так им тогда было удобнее, и это ограничение, действительно, в какой-то мере было необходимо. Но тем не менее, из-за одного только игнорирования, явления, существующие объективно, исчезнуть не могли. И вот, когда они вновь заявили о себе, а случилось это в 1847 году, в Соединённых Штатах (феномен сестёр Фокс), тогда началось их рационалистическое осмысление и освоение, получившее название «спиритизма», от латинского слова *«spiritus»*, что значит «дух».

В двадцатом веке к вещам этим изменился подход и сдвинулась точка отсчёта (как раз это обстоятельство вполне можно объяснить историко-социологическими причинами), однако явления изучаются – и это называется уже «парapsихологией». Сейчас, по завершении этого века механического суеверия, мы переживаем такую пору, когда всё становится на свои места и возможно будет также понять ошибочность парapsихологии и её методов, и тогда Спиритизм снова станет называться «спиритизмом» и наконец займёт в жизни человечества подобающее ему место. Такова история вопроса.

Сэр Артур Конан-Дойль впервые публично заявил о своей вере в общение с умершими в статье, которая появилась в журнале *«Light»* от 21 октября 1916 года. Это заявление для многих прозвучало тогда как гром среди ясного неба. Но первый спиритический сеанс, на котором он присутствовал – надо сказать, с сильно скептическим настроем ума – состоялся в конце 1886 года, когда Конан-Дойль был ещё только начинающим практиковать врачом. Интерес же его к психическим феноменам обозначился за несколько лет до этого первого опыта.

«Когда в 1882 году я закончил своё медицинское образование, то, как и большинство врачей, я оказался убеждённым материалистом во всём, что касалось нашей участи. И в то же время я никогда не переставал быть ревностным теистом, поскольку, на мой взгляд, никто ещё не дал ответа на вопрос, заданный звёздной ночью Наполеоном профессорам-атеистам во время его египетского похода: «Скажите-ка, господа, кто создал эти звёзды?»... Но когда я подходил к вопросу о наших хрупких личностях, переживающих смерть, мне казалось, что многие аналогии, наличествующие в природе, отвергали сохранение личности после смерти тела. Так, когда свеча догорает, свет гаснет; когда провод обрывается, прекращается ток; и когда гибнет тело, сознание исчезает». Чтобы объяснить это противоречие между верой в Бога и отрицанием выживания души после смерти тела, он пользуется поэтическим образом: «Разбитая скрипка не издаст ни звука, хотя бы музыкант и остался прежним».^{**}

Однако природа его ума – научного по складу – была далека от того, чтобы замкнуть этот ум в пределах проторенных путей; она, напротив того, постоянно направляла и подстёгивала его любопытство и наблюдательность. И вместо того, чтобы отрицать пока для себя непонятное, он всегда стремится его понять и объяснить. Среди психических феноменов, которыми в ту пору увлекаются в Англии, он выделяет один, который считает нужным изучить лично. Речь идёт о телепатии. Можно вспомнить, что эта форма общения равным образом была близка и жильцу с Бейкер-стрит, 221Б, который как бы читал мысли своего собеседника с притворным равнодушием, только подчёркивавшим его мастерство.

«Помогать мне в моих исследованиях вызвался г-н Болл, весьма известный в городе архитектор. Множество раз, сидя позади него, я чертил графики, тогда как он, со своей стороны, чертил почти то же самое; так я констатировал, что, без сомнения, могу передавать свою мысль без посредства слов».

* “The New Revelation”, New York, George H.Doran Company, 1918.

** “Memories and Adventures”, Boston, Little, Secker&Warburg, 1926.

* “Memories and Adventures”.

Это открытие несколько пошатнёт материалистические убеждения Конан-Дойля, и когда к концу 1886 года семья одного из пациентов предложит ему принять участие в «сеансе столоворчения», он это приглашение примет. И всё же против такого рода опытов он пока что останется весьма предубеждён. Тем более что проводились они в полумраке – условие, как понятно, способное облегчить медиумам любую мистификацию, а надо сказать, что некоторые из них к тому времени уже были пойманы на месте преступления с поличным.* Феномены наблюдавшегося телекинеза повергают Конан-Дойля в смущение: он опасается, как бы его партнёры не приписали их его вмешательству, тогда как у него те же подозрения возникают в отношении их. По окончании этих первых попыток он весьма близок к тому, чтобы думать, как то впоследствии напишет его друг д-р Эдмонд Локард: «Мир загробный, если рассматривать его только как пляску мебели, выглядит весьма похожим на детскую или на дом умалишённых».

Конан-Дойля, в частности, удручают незначительность, ничтожность получаемых сообщений, но он понимает, что это зачастую вызвано настроем ума участников сеанса. В этой связи он признаёт, что получил достойный урок в тот день, когда, спросив у стола, сколько у него с собой денег, в ответ услышал: «Мы приходим сюда, чтобы просвещать и возвышать души, а не за тем, чтобы решать детские загадки».

Он делится своими сомнениями с одним из знакомых, генералом Дрейсоном, страстно увлечённым астрономией и психическими исследованиями. Конан-Дойль восхищается им, но, уточняет он, не в связи с блестящими результатами, которых тот добился в ходе своих спиритических опытов, а в связи со смелостью его астрономических теорий, касающихся центра описываемого Землёю круга. Авторитет учёного – это единственный авторитет, который признаётся молодым врачом. Дрейсон, который в ту пору при содействии сильного медиума* проводил удивительные опыты, объясняет бедность результатов, полученных Конан-Дойлем, неэффективностью его метода. «Заниматься психизмом без медиума – всё равно что заниматься астрономией без телескопа», – сурово изрекает он.

Заручившись услугами профессионального медиума Хорстеда, молодой врач и начинающий писатель организует у себя на дому, с 24 января по конец июня 1887 года, 6 сеансов. Здесь ему снова ассистирует архитектор Болл. На одном из них Конан-Дойль получает интересное сообщение, которое затем в избытке энтузиазма публикует в журнале «Лайт». Эта публикация от 2 июля 1887 года позволяет датировать первое публичное выражение интереса создателя Шерлока Холмса к Спиритизму. Сообщение, им полученное, давало ему совет: «Не читайте книгу Лея Ханта» – как раз в то самое время, когда он спрашивал себя, стоит ли ему браться за одну из работ этого автора, посвящённую комическому театру периода Реставрации.

Однако, сбитый с толку хаотическим положением дел в Спиритизме и кажущейся неопределенностью его доктрины, поскольку в ту пору ему ещё не были известны работы Аллана Кардека и Леона Дени, Конан-Дойль на несколько лет предпочтёт ему структурно хорошо организованную систему теософии. Её основательница, русский медиум Е.П.Блаватская, учредила символический Ватикан теософии в Индии, в Адъяре. Но опровержения, вскоре последовавшие в адрес госпожи Блаватской даже из стана её друзей, побуждают Конан-Дойля искать доказательств, которые он надеялся у неё найти, в другом месте.

Всегда ведомый духом научности и критичности, широко открытым сомнению, но мало склонным преобразоваться в уверенность без наличия на то осязаемых и весомых доказательств, Конан-Дойль вступает в 1891 году в Общество Психических Исследований, организацию, возможно более досконально изучающую все «случаи, касающиеся проявления потусторонних сил». Анализ материалов, собранных О.П.И., открывает перед ним значительное количество случаев, не имеющих объяснения, и лишь довольно ничтожное

* Однако в действительности, при манифестиации спиритических явлений ни полумрак, ни время и место проведения сеанса, ни количество его участников или их позы не играют сколько-нибудь значительной роли. (Й.Р.)

* Читателю не следует пугаться слова «медиум». В переводе на современный язык это значит «экстрасенс». Так, например, пресловутая Ванга – типичный медиум. (Й.Р.)

число тех, которые оказались мистификацией.* Получив полномочия от О.П.И., он выезжает изучать события на место происшествия и в компании с двумя другими наблюдателями проводит ночь в «непокойном доме», чтобы изучить очередное проявление полтергейста. Некоторое время спустя в подвале того дома будет найден человеческий скелет.

В 1893 году, в качестве руководителя Аппер-Норвудского литературного Общества, он приглашает Вильяма Барретта, «пионера английского спиритизма», выступить с лекцией о психических явлениях. Хотя в данном случае Конан-Дойль и исполняет приятную и пассивную роль председателя собрания, тем не менее эта встреча оказывается прелюдией бесчисленных конференций по Спиритизму, в которых он позднее выступит в куда более активной роли лектора и рассказчика.

С терпением и настойчивостью Конан-Дойль продолжает собирать доказательства. Одно из наиболее интересных свидетельств было доставлено ему в ходе сеанса в 1896 году духом путешественника, встреченного им когда-то в Каире за несколько недель до смерти этого человека. Подробности их последнего разговора, сообщённые в ходе этого сеанса, как подчёркивает Конан-Дойль, не могли быть известны другим его участникам. В том же году дух одной женщины связным и точным образом описывает ему жизнь в потустороннем мире. Накопившиеся свидетельства, а также работы Мейерса и Крукса, подтверждающие реальность определённых психических явлений, укрепляют его симпатии, но всё ещё не могут создать в нём убеждённости, и ещё менее – обратить его в новую веру.

Конан-Дойль полагает, что убедить и обратить его сможет какое-либо решительное событие интимного характера. Этого события он долго ждал. И вот, наконец, оно происходит где-то в период между январём 1916 года и публикацией его статьи в журнале «Лайт» от 21 октября того же года, в которой изложено его спиритическое кредо. К этой дате бесследно исчезла Лили Лодер-Саймондс, близкая подруга его жены, с которой он сотрудничал в опытах по криптестезии и автоматическому письму. Конан-Дойль остаётся весьма сдержан и немногословен по поводу природы этого события, послужившего ему толчком и ставшего причиной его уверенности в реальности потустороннего.

Спиритизм, если верить его хулителям, находит себе сторонников лишь среди людей, жестоко истерзанных разрывом сердечной привязанности и стремящихся найти компенсацию своей слабости в неясном мистицизме. Иначе говоря, он надежда тех, у кого более нет надежды. Есть и другой упрёк, быть может, ещё более серьёзный: Спиритизм, якобы, ущемляет личность своих сторонников, которые, утратив всякую предприимчивость и инициативность, вверяют руководство своей жизнью тем, кто уже прожили собственную.

Так вот, едва ли можно найти какого иного человека, который был бы более ярким и впечатляющим опровержением этим расхожим обвинениям, нежели сэр Артур Конан-Дойль. Человек счастливый в личной жизни, имевший множество друзей, достигший благодаря своему писательскому таланту мировой известности, он ни в коей мере не искал в Спиритизме компенсации внутренним драмам. И та рациональность и определённость, с которыми он вступил в ряды его сторонников, никак не были у него продиктованы внезапным разрывом сердечной привязанности, но, напротив, зрели в нём в течение тридцати лет. Тем самым мы желаем сказать всем доморощенным и титулованно-дипломированным скептикам: если уж столь логичный, взыскательный и методичный ум в результате своих *многолетних* исследований и размышлений признал реальность спиритических фактов и стал сторонником философии Спиритизма, то, значит, всё это не может быть «чудовищным суеверием» и бабушкиными сказками, но, напротив того, является выражением действительной природы вещей.

Спиритизм, по всей видимости, удесятерил, а не ослабил предприимчивость и инициативность этого великана, за благодушным обликом которого скрывалась кипучая энергия, неустанно ищащая себе выражения и предпочитающая дела трудные или безнадёжные. Если большинство знаменитостей, ушедших на покой, купаются в лучах славы и только и помышляют о том, как бы не позволить ей угаснуть, ревностно оберегая её от всего, что могло бы ей повредить, то Конан-Дойль в эту самую пору дополняет свой труд

* Что касается мистификаций и обманов, то любой род человеческой деятельности платит свою долю дани людской непорядочности. Разве не профанировались людьми, корысти или тщеславия ради, самые святые вещи? И всё это с самых незапамятных времён. То же самое и здесь. (Й.Р.)

писателя апостольской деятельностью, которой он посвящает все минуты досуга, весь свой престиж, значительную долю состояния – порядка 750.000 фунтов стерлингов – и многие свои сочинения. Беря на себя ответственность за эти действия, вплоть до самых крайних последствий их, он не может избежать и того, что связано с примыканием к спиритическому движению. Обращённый в новую веру, он не может довольствоваться ролью простого сторонника, ему необходимо броситься ещё и на передний край борьбы, которую вело движение, подвергавшееся после мировой войны всё более резким нападкам. Сделавшись проповедником, он обезжает мир с апостольской миссией, содействуя делу как устным словом, так и пером.

В это время претерпевает серьёзные изменения и его художественное творчество. Отныне он не стремится пользоваться фантастическим, чтобы удивить, но лишь за тем, чтобы созидать. Он более не рассматривает фантастическое как повод, дабы рассказать чудесные сказки и блеснуть игрой воображения, но, напротив, силится включить сверхъестественное в реальность в том виде, в каком оно открывается ему *новой верой*.^{*} Постепенно он лишает сверхъестественное драматических и легкомысленных аксессуаров, чтобы зрячее простило его религиозное и нравственное содержание. Этот долгий путь от тревоги к миру,^{*} от сказки к аргументированной вере естественным образом выводит его к «Стране туманов» – последней уступке издателям, которые умоляют его продолжить приключения старых героев. Напрасные мольбы. Слишком поздно. «Мне бы очень хотелось сделать то, о чём Вы просите, но, как Вам известно, моя жизнь отныне посвящена одной-единственной цели, и в настоящее время у меня не предвидится никаких литературных замыслов, которые могли бы представлять для вас малейший интерес. Я могу писать только то, что выходит у меня из-под пера». Да, другое время, другие нужды. Единственный мир, который он теперь желает описывать, – это мир иной. Единственные голоса, которые он слушает, – это голоса умерших, ибо они помогают ему услышать *музыку разбитой скрипки*.

В июне 1917 года, менее чем через десять месяцев после заявления в «Лайт», появляется первая его книга, посвящённая данной теме, – «Новое Откровение», заглавие которой, не любя (как и все англичане) термина «спиритизм», Конан-Дойль заимствует у почитаемого им французского автора, одного из апостолов учения – Леона Дени. В «Христианстве и Спиритизме» (1898г.) Дени анализирует проблему в четырёх ракурсах: «Неясности и искажения в Евангелии», «Эзотерическое учение Христианства», «Общение с духами умерших» и «Новое Откровение». Конан-Дойль, прекрасно сознавая важность темы, остановил свой выбор на последнем, объясняя в своей книге, как это откровение к нему пришло и как он его принял. Он излагает перед читателем свои сомнения и колебания, как бы приглашая его, в свою очередь, преодолеть их, как это сделал он сам.

«Жизненно важное Послание», появившееся в августе 1919 года, пронизано тоном убеждённости и намеренно полемично. Оно раскрывает достаточно широкое видение спиритического учения, которое противополагается летаргии общественного сознания, позволившей человечеству докатиться до жестокости, бреда и безразличия, в каковые мир был ввергнут катаклизмом 1914-18гг., оказавшимся лишь логическим её итогом. Конан-Дойль обличает коррупцию и грубость русской аристократии накануне большевицкой революции, непристойность и эгоизм британского имперализма, заносчивость и хищность германской империи и колониализм в лице Леопольда Бельгийского, «этого демона во плоти, скаредность и алчность которого плодили убийства и пытки на значительной части африканского материка и который, тем не менее, был принят при всех дворах мира и погребён после панегирика, произнесённого кардиналом католической церкви – церкви, ни разу не возвысившей голоса, чтобы осудить его дьявольские деяния».^{*} И прежде чем говорить о духовном возрождении, совершающем Спиритизмом, Конан-Дойль восклицает: «Взгляните на всё это и скажите: представлялось ли когда человечество в более неприглядном виде?»*

* Термин «вера» мы используем здесь лишь по аналогии. На самом деле речь не идёт о *вере*, но о *знании*. (И.Р.)

* «The Land of Mist» – роман, завершающий серию приключений профессора Челленджера. Другой вариант для перевода его названия – «Земля Туманная». Пропагандистский роман о Спиритизме. (И.Р.)

* Ibidem.

Между двумя этими произведениями, всё возрастающее воодушевление в которых позволяет судить о степени самоотдачи автора делу Спиритизма, он проводит ряд конференций в высшей степени успешных, средства от которых поступают в спиритические общества. Первая конференция состоялась 7 октября 1917 года. 25 числа того же месяца в Лондоне прошла вторая. Летом 1918 года Конан-Дойль выступает на юге Англии, затем в центральной Англии, осенью в Ноттингеме и Лидсе. С осени 1918 по весну 1919 он проводит не менее 60 встреч-бесед в различных городах Объединённого Королевства. Начиная с 1920 года Конан-Дойль старается вести проповедническую деятельность и в других странах. Объехав Австралию с сентября 1920 по февраль 1921 года, он предпринимает поездку по С.Ш.А. – с апреля по июль 1922 года. Для него эта поездка является своего рода паломничеством к первоистокам. Приезд на родину неоспиритизма наводит его на мысль воздвигнуть монумент в память сестёр Фокс. Он высказывает на эту тему в статье, появившейся в «Прогрессив синкер» от 24 мая 1922 года. Эта идея была тут же с энтузиазмом воспринята. В итоге же было построено здание спиритической церкви, открытое в 1928 году. В её строительстве Конан-Дойль оказывает внушительную финансовую помощь.

В 1923 году он возвращается в С.Ш.А. для чтения нового ряда лекций и посещает также Канаду. Когда к концу 1923 года он на несколько лет прерывает свои поездки за границу, то оказывается, что к этому времени им с проповедью спиритического учения проезжено порядка 80.000 км, а это то же самое, что дважды объехать земной экватор. Но и отложив на некоторое время поездки за границу, Конан-Дойль не перестаёт служить делу духовного возрождения человечества, только теперь он делает это не столько голосом, сколько пером.

Восхищённый новой и смелой интерпретацией исторической легенды, которую Леон Дени предлагает в своей «Правде о Жанне д'Арк», он решает сделать перевод этой замечательной книги на английский. Его перевод появляется в 1924 году под заглавием «The Mystery of Joan of Arc» и сопровождается предисловием, в котором он воздаёт должное автору и святой врагине англичан в выражениях, благородство коих далеко выходит за рамки традиционной британской fair play. «Я настолько люблю эту книгу и ей восхищаюсь, что мне бы очень хотелось следовать её тексту как можно ближе. Изложение темы в ней настолько полно и совершенно, что мне ничего не остаётся добавить от себя, кроме разве только того, что, на мой взгляд, – и я совершенно в этом убеждён, – непосредственно после Христа, Жанна д'Арк является на этой земле наиболее высоким духовным существом, о котором у нас имеются достоверные сведения. Пред ней чувствуешь потребность преклонить колена».

В 1925 году Конан-Дойль открывает на Виктория-стрит спиритическую библиотеку, предназначенную также для издания его собственных работ в этой области. Он сам руководит библиотекой вместе с дочерью Мэри, и друзья нередко застают его там за переносом кипы книг или изготовлением пакетов для их пересылки.

Два тома его monumentalной «Истории Спиритизма» появляются в 1926 и 1927 годах между двумя Международными спиритическими Конгрессами, на которых представители 27 стран всякий раз избирают его председателем. «История Спиритизма» – изумительная книга, свежесть её никак не померкла за годы, прошедшие со времени её написания. По свидетельству одного английского критика, «немногие книги, посвящённые исследованию оккультизма, могут выдержать сравнение с захватывающим повествованием, начертанным вдохновенным пером Конан-Дойля».

Во время Парижского Конгресса (6-13 сентября 1925 года) Конан-Дойль, по словам очевидца, был неразлучен с Леоном Дени, французским патриархом Спиритизма, для которого это публичное появление оказалось уже последним. «Добрый великан склонялся к почти слепому старцу, с трогательной заботливостью вёл его по лабиринту коридоров Зала учёных обществ, помогая занять место в президиуме. Добрейший учитель наш был этим сильно тронут: «Конан-Дойль, каков он из себя? Я плохо его вижу...» – «О, он очень высокий, – отвечали мы, – у него прекрасная большая голова, серые глаза и усы a la gauloise. Это не англосакс. Взять хотя бы его имя. Конан – «вождь», ведь это бретонское имя!»*

И Конан-Дойль был совершенно очарован превосходным приёмом, который Париж оказывал знаменитому писателю, равно как и блестящим успехом, какой он имел у парижан.

* Gaston Luce, «Léon Denis, l'apôtre du Spiritisme», Paris, Jean Meyer édit., 1928. (Й.Р.)

Нет, то был не приём, не успех, – это был триумф. В тот день, когда создатель Шерлока Холмса и доктора Батсона попросил слова, зал, в котором шло заседание, хотя организаторы и постарались выбрать достаточно просторное помещение, не смог вместить всех желающих, и тысячи людей стояли в дверях. Оратор энергично обрисовал научные основы спиритической веры, каковая, на его взгляд, является верой, подтверждённой ещё и фактами. «Есть нечто более сильное, чем просто вера, – это знание... Так вот, я утверждаю эти вещи, потому что у меня есть знание о них. Я не верю, я знаю».*

Тремя годами позже, 13 сентября 1928 года, произнося заключительную речь на Лондонском конгрессе, Конан-Дойль выказывает ту же твёрдость, но теперь она направлена не против скептиков, но против политических деятелей и властей, преследующих Спиритизм. «От своего имени я написал главам некоторых политических групп в Англии и сказал им, что если всё это не прекратится к полному нашему удовлетворению, то я сделаю и невозможное для того, чтобы добиться восстановления справедливости. Если то будет нужно, я публично предстану перед какой угодно партией, которая вздумает творить над нами суд. (Аплодисменты). У нас пятьсот церквей в Англии, из которых четыреста объединены внутри Лондонского спиритического Альянса, а остальные сто – независимы. Пятьсот церквей! мы сможем преобразовать каждую из них в политический центр, мы прекрасным образом организованы, и я не знаю никакой другой группы, которая была бы способна объявить забастовку лучше, чем то можем сделать мы. (Аплодисменты). Я уверяю вас, что если только вы пожелаете это осуществить, вы добьётесь отмены преследующего нас законодательства. (Смех и аплодисменты)».*

Конечно же, никто не стоял в дверях зала, как то было в Париже – ведь никто не пророк в своём отечестве, – но вечернюю конференцию в рамках Лондонского Конгресса Конан-Дойль посвящает психофотографии. И в конце концов конференция буквально завораживает его слушателей. Среди супранормальных снимков, которые проецирует сэр Артур, некоторые сделаны им самим, а другие присланы его корреспондентами и отобраны им после удостоверения в их подлинности. По большей части это были обычные фотоснимки эктоплазмы. Самым удивительным из всех показанных им снимков был тот, автором которого являлся фотограф из «Морнинг пост», бывший, кстати сказать, скептиком. Свой снимок он сделал по ходу сеанса у лондонского медиума миссис Дин в присутствии множества свидетелей, часть которых составляли журналисты; вслед за этим он сам же этот негатив проявил. «На данном снимке, – поясняет докладчик, – видно характерное лицо старика». Нам интересно было узнать, что единственный человек, которому можно было приписать это лицо, – это старый профессор, д-р Белл, тот самый, с которого Конан-Дойлем были срисованы некоторые черты его знаменитого детективного персонажа.** Образ на экране являл характерные черты Джо Белла, всегда походившего на вождя краснокожих, но теперь он выглядел так, как должен был бы смотреться в старости».*

На Конгрессе Конан-Дойль, как почётный Председатель, произнёс речь в память о Леоне Дени, где прославил его кельтскую духовность. «Это был, по моему мнению, отважный воин, настоящий борец. При взгляде на его прекрасную голову, я тут же представлял её себе увенчанной двурогим воинским шлемом. Когда-то прежде он сражался на поле брани, принося свою жизнь в жертву великому и чистому идеалу. В наши же дни он бился силою просвещения за самое благородное дело, которое только есть на земле. Работа над переводом его книги о великой французской героине, медиуме и мученице Жанне д'Арк была для меня почётной миссией. Я полагаю, что его понимание Жанны д'Арк более здраво, наконец, более истинно, чем те, что даны Бернардом Шоу или Анатолем Франсом».*

Переводчик «Правды о Жанне д'Арк», одарённый мягким юмором в той же мере, что и великодушием, проявил в ту пору незаурядную интуицию, питая мало симпатии к знаменитому английскому драматургу из-за ироничного и резкого скептицизма последнего. Так, некоторое время спустя, Шоу хвалился тем, что ему удалось на одном из спиритических

** «Compte rendu du Congrès spirite international de 1925», Paris, Jean Meyer édit., 1928.

* «Compte rendu du Congrès spirite international de 1928», Paris, Jean Meyer édit., 1929.

** Речь, разумеется, идёт о Шерлоке Холмсе. (И.Р.)

*** «Compte rendu du Congrès spirite international de 1928», Paris, Jean Meyer édit., 1929.

* Ibidem.

сеансов устроить мистификацию, которая оказалась неразоблачённой. Тем самым он подрывал доверие и ко всем остальным зарегистрированным феноменам. Конан-Дойль обрушил на него своё негодование в предпоследнем своём произведении, «Наша африканская зима», появившемся в 1930 году. «Не приходится сомневаться, что я, в присутствии свидетелей, видел свою мать также и после её кончины. Но, похоже, люди уже не верят моему слову, поскольку Бернард Шоу обманул своих друзей. Можно ли придумать софизм более бессовестный?» Его реплика в адрес Шоу вписывается в ряд бесчисленных полемик, в которых Конан-Дойлю приходилось принимать участие: его миссионерская деятельность не всегда вызывала любопытство, соединённое с симпатией. Так с сентября 1921 по март 1922 гг. в колонках «Санди экспресс» он ведёт долгую и жёсткую полемику с Джоном Дугласом по поводу статьи последнего, озаглавленной «А не сошёл ли Конан-Дойль с ума?»

Если тон сэра Артура остаётся учтивым в споре с его другом Джеромом К.Джеромом в июле 1921 года в «Каммен сенс» или с Бертраном Расселом в «Санди экспресс», то он делается резким и почти саркастическим, когда противником Конан-Дойля оказывается с 1928 по 1930 гг. Г.Дж.Уэллс. Автор «Человека-невидимки» и «Войны миров» в своём новом романе, «Самовластье мистера Пархема», вообразил, будто эктоплазмическое порождение одного персонажа, возникшее в ходе спиритического сеанса, приходит к власти в Великобритании, для того чтобы ввергнуть мир в войну. Статья «Чем раздражён Г.Дж.Уэллс?» говорит о всём возрастающем отчаянии Конан-Дойля перед непрекращающимися нападками и атаками, объектом которых служит Спиритизм. «Одно из двух: либо наблюдатели все суть лжецы и глупцы, либо же их наблюдения истинны. Если я, без тени сомнения, утверждаю, что в присутствии свидетелей одновременно видел свою мать и племянника, когда их обоих уже не было в живых, то вполне ясно, что я принадлежу или к той, или к другой из этих двух категорий. Заботу решать это я предоставлю тем, кто меня знают и могут судить обо всём сделанном мною».

Как Парижский Конгресс стал последним, где появился Леон Дени, так и Лондонский Конгресс оказался последним, на котором присутствовал сэр Артур Конан-Дойль. Его «земная миссия», если говорить спиритическим языком, завершилась 7 июля 1930 года, но он исполнил её до конца. Едва закончился Лондонский Конгресс, как сэр Артур вновь взял в руки свой страннический посох: в 1928 году он проповедует в Южной Африке, Родезии и Кении, в 1929 обезжает Голландию, Бельгию, Данию, Норвегию и Швецию. Незадолго перед кончиной он намеревался отправиться в Рим, Афины и Константинополь, дабы принести в три великих духовных столицы мира свет Нового Откровения.

Спиритическое кредо сэра Артура Конан-Дойля покоилось на трёх главнейших постулатах.

Прежде всего, на необходимости этого Нового Откровения в связи с крушением религий и их беспомощностью перед бесчинствами материализма. Конан-Дойль обвиняет религии, и в особенности христианство, в том, что они обращаются к изношенным и оскорбительным символам, не способным удовлетворить своих приверженцев. «Они потеряли всякое соприкосновение с живой духовной реальностью и довольствуются тем, что увязывают всё с далёкой античностью, воздавая сугубо формальную дань уважения отмирающей системе, связанной с теологией настолько невероятной, что порядочный человек не может помышлять о ней без содрогания».

Во-вторых, спиритическое Откровение даёт ясный и простой ответ на вопросы, связанные с выживанием души после смерти тела и человеческим бессмертием. Оно принимает в расчёт необходимость искупления, ибо указывает, что духам дозволено очищаться, переходя из низших миров в миры высшие, но при этом оно исключает понятие «ада», «уже давно исчезнувшее из мыслей всякого разумного человека. Это одиозное представление, столь клевещущее на Создателя, возникло из-за сгущения красок цветистой восточной фразеологии и могло быть уместно только в первобытную эпоху, когда люди пугались огня так же, как дикие звери пугаются путешественника». В спиритическом видении, потусторонний мир не отдаёт никакого предпочтения одной религии перед другой.

* «Sunday Express», January, 8, 1928.

** «History of the Spiritualism», (2 vols.), Cassell, 1926, 1927.

* «The New Revelation».

Умершие, какова бы ни была их прежняя вера, проходят через те же испытания и оказываются в том же самом положении, которое они принимают с чувством братской солидарности. Таким образом, Спиритизм, а именно этим он и привлек к себе столь великодушного человека, каким был Конан-Дойль, осуществляет единство веры, которого никогда не удавалось добиться в мире материальном.

Наконец, согласно последнему постулату, Спиритизм – это единственная вера, примиряющая религию и науку. Через общение с умершими Спиритизм доказал выживание души после смерти тела и тем рассеял сумерки и мрак потустороннего мира. Откровения Спиритизма не приписываются древним пророкам или каким-либо очевидцам, жившим в глубокой древности и само существование которых представляется мифом и может быть законно взято под сомнение. Нет, его откровения даны нам самими нашими современниками. Его откровения были удостоверены не мистиками или поэтами, но учёными, чей авторитет не подлежит обсуждению. Единственная возможность стать убеждённым спиритом – это самому получить доказательства реальности тех явлений, на которых Спиритизм основывается и которые он утверждает. И если именно на собирание этих доказательств столь требовательный, строгий и педантичный ум, как сэр Артур Конан-Дойль, потратил более сорока лет своей жизни, то после этого всякому серьёзному человеку сомневаться в реальности этих явлений недозволительно. Во всяком случае, он может позволить себе это лишь в той же мере, в какой будет сомневаться в твёрдо установленных законах и истинах математики, физики, химии и других наук. «Тот, кто видел, хотя бы смутно, сквозь покровы, руки, протянутые ему из загробного мира, и кто касался их, хотя бы слегка, тот действительно победил смерть».*

Удостоверившись в реальности духовных истин, Конан-Дойль перестал интересоваться научной стороной психических явлений, для того чтобы целиком сосредоточиться на их религиозной и моральной стороне. Он говорит, что «время научных исследований прошло и наступила пора религиозного строительства». По его глубокому убеждению, психические явления были важны лишь постольку, поскольку они служили основанием «великому множеству знаний, призванных коренным образом изменить наши старые религиозные представления. При верном понимании и усвоении эти знания должны превратить религию в явление в высшей степени действенное, которое, однако, более не будет иметь предметом своим веру, но действительный опыт и истину»***.

Говоря о духовной эволюции и прогрессе, которые возможны для человечества лишь благодаря закону перевоплощения, Конан-Дойль предвещает, что «если предки наши смогли найти прибежище в теле обезьяны, то наши потомки смогут облачиться в тело ангелов»****.

Настоящим переводом мы надеемся привлечь внимание русской читающей публики к этой не известной ей ранее стороне творчества замечательного английского писателя.

Что́гromanantata

Москва. 4 июня 1992 г.

** “The New Revelation”.

*** Ibidem.

**** “History of the Spiritualism”.

Истинная религия есть такое установленное человеком отношение к окружающей его бесконечной жизни, которое связывает его жизнь с этой бесконечностью и руководит его поступками.

Л.Н. Толстой

Размышления сэра Артура Конан-Дойля о Религии, Спиритизме и Бессмертии

I. Не бывает ли иногда так, чтобы умершие возвращались в наш материальный мир с краткосрочным визитом? Даже скептичный и рациональный д-р Джонсон держится по данному поводу мнения, что утверждать обратное – значит оспаривать неизменное и постоянное согласие свидетельств всех времён и народов, потому что как самые варварские, так и самые цивилизованные из них сообщали о появлениях умерших и верили в них. Он же добавляет, что сомнение отдельных придир едва ли в состоянии опровергнуть бесспорное для многих, тем более что некоторые из тех, кто отрицают появление призраков на словах, подтверждают его своими страхами на деле.

II. Неведомое и удивительное окружает и подталкивает нас со всех сторон. Оно роится над нами и кругом нас в неясных и переменчивых формах, как тёмных, так и ослепительно ярких, но которые все указывают нам на ограниченность того, что мы называем «материей», и на главенство духовности, которую нам следует дорожить, если только мы не желаем утратить связь с сокровенно-подлинными основами жизни.

III. Общеизвестно, что каждый человек с развитым интеллектом должен видеть перед собой руководящий принцип: будь то религия или просто философия жизни. Менее известно то, что лишь немногие, если говорить правду, находят такой принцип.

IV. Я читал Бэкона, Декарта, Спинозу, Канта – всех тех, которые старались постичь непознаваемое. Все они бесплодны и пусты, не дают ничего в смысле результатов, но расточительны на многосложные слова, напоминая мне людей, которые, копая землю, чтобы добить золото, откопали много червей и затем с торжеством выдали их за то, что искали.

V. Истинный мыслитель, увидев один-единственный факт во всей полноте, может вывести из него не только всю цепь событий, приведших к нему, но также и все последствия, вытекающие из него.

По одной капле воды человек, умеющий мыслить логически, может сделать вывод о возможности существования Атлантического океана или Ниагарского водопада, даже если он не видел ни того, ни другого и никогда о них не слыхал. Всякая жизнь – это огромная цепь причин и следствий, и природу её мы можем познать по одному звену. Искусство делать выводы и анализировать, как и все другие искусства, постигается долгим и прилежным трудом, но жизнь слишком коротка, и поэтому ни один смертный не может достичь полного совершенства в этой области.

VI. Я всегда ищу строгих доказательств, а если мне придётся вернуться назад к безоговорочной вере, я снова окажусь у того же порога, с которого отправился в путь.

VII. Я никогда не переставал быть ревностным теистом, поскольку, на мой взгляд, никто ещё не дал ответа на вопрос, заданный Наполеоном звёздной ночью профессорам-атеистам во время его похода в Египте: «Скажите-ка, господа, кто создал эти звёзды?» Ведь если сказать, что Вселенная была создана непреложными законами, то это лишь вызовет другой вопрос: «Кто же создал эти законы?» Я, конечно же, не верю и никогда не верил в человекоподобного Бога, но верю в Разумную Силу по ту сторону всей деятельности Природы, Силу столь бесконечно сложную и великую, что мой ограниченный ум не может постичь о ней ничего, кроме самого факта её существования. В самом деле, сколь восхитительны порядок и равновесие, царящие в мире, и сколь потрясающе огромна должна быть Сила, необходимая для их создания и поддержания!

VIII. Надо предполагать Создателя, если видишь вселенную как огромный часовой механизм, раскаивающийся в вакууме, ведь даже у часовного механизма должен быть конструктор. Но он остаётся игрушкой – колоссальной, но тем не менее игрушкой, если только он также не предполагает определённой цели, определённого толкования добра и зла, определённого смысла.

IX. Материальная вселенная с её порядком, красотой и величием, несомненно, являет собой лишь видимое знамение скрытой духовной силы. Каким образом человек науки может быть материалистом, удивляет меня в той же мере, в какой еретик может ограничивать пределы возможностей Создателя. Покажите мне картину, которую нарисовал бы нехудожник; скульптуру, которую вылепил бы нескульптор; музыкальное произведение, которое написал бы некомпозитор? Лишь тогда вы можете начать разговор со мной о Вселенной без Создателя, называйте Его как хотите по своему усмотрению.

X. Человек, который заявляет, что мы ничего не можем знать, на мой взгляд, так же неразумен, как и тот, который утверждает, что всё было открыто нам в божественном откровении. Абсолютно невыносимой породой людей, я считаю, являются те самоуверенные учёные, которые досконально знают свою узкую область и которым вместе с тем не хватает воображения, дабы уразуметь, какой ничтожной малостью являются сомнительные знания, коими они располагают, в сравнении с необъятностью того, что остаётся нам неведомым. Такой человек считает, будто существование Вселенной объясняется действующими в ней законами, словно закон не нуждается в своём создателе точно так же, как и существующий материальный мир! Движение снаряда может быть объяснено законами физики, отчего, однако, необходимость наличия инженера ни в коей мере не становится менее очевидной. В нашем мире так уж устроено, что как только появляется фанатик с какого-либо рода крайностями, тут же в противовес ему возникает фанатик прямо противоположного толка, который сводит на «нет» усилия первого. Стоило появиться мамелюку, как тут же возник крестоносец. Раз есть фении,^{*} то нате, пожалуйста, и оранжиста. Каждое действие имеет своё противодействие, у каждой силы – свой откат. Точно так же и эти ограниченные учёные попросту противопоставлены тем джентльменам, которые до сих пор верят, будто мир был сотворён в 4004 году до Р.Х.^{**}

XI. В конце концов, истинная наука должна быть солидарна с религией, так как наука есть накопление фактов; а все факты создают основание, из которого мы можем сделать выводы о том, что мы собой представляем и ради чего мы находимся здесь. Но несомненно, что чем более мы всматриваемся в методы, посредством коих получаются результаты, тем более поразительной и изумительной становится та Великая Незримая Сила, что стоит за всеми фактами материальной природы, – Сила, которая в целости и сохранности несёт Солнечную систему в бесконечности космоса и одновременно соизмеряет длину хоботка насекомого с глубиною чашечки содержащего нектар цветка. Что представляет собою этот Центральный Ум? Можно дать догматику-учёному микроскоп с 300-кратным увеличением или телескоп с шестифутовым рефлектором, но ни в микро-, ни в макромире он не сможет обнаружить следов величайшей силы, движущей всем сущим.

Что сказали бы мы о человеке, которому было предложено рассмотреть огромную и прекрасную картину и который ограничился бы тем, что сказал, что толкование её рисунка, данное кем-то ранее, ошибочно, и из того сразу заключил бы, что картина не была написана художником, или ещё стал бы утверждать, что у него нет никаких средств выяснить, нарисована она художником или нет? В последнем случае, на мой взгляд, мы имеем в чистом виде выражение позиции самых крайних агностиков. Можно было бы спросить: «Разве существование картины не является само по себе свидетельством того, что над ней поработал умелый художник?». Тогда приверженец подобных взглядов ответил бы: «Да нет, почему же? Вполне возможно, что картина произвела сама собой с помощью действия определённых правил. Кроме того, когда я впервые увидел картину, я был уверен, что она произвела за неделю, но, внимательно её изучив, я могу с полной уверенностью сказать, что для составления её потребовалось довольно значительное время. Поэтому я остаюсь при том мнении, что в высшей степени сомнительно, чтобы она вообще была когда-то нарисована».

Если, с одной стороны, отбросить эту чрезмерную научную щепетильность, а с другой,

^{*} Фении – члены «Ирландского революционного братства», основанного в 1858 году. Боролись за независимость Ирландии от Англии, применяя при этом заговорщицкую и террористическую тактику. (И.Р.)

^{**} до Р.Х. – здесь и далее: до Рождества Христова

веру – на том основании, что обе они давно не выдерживают никакой критики, – тогда останется совершенно ясный вывод, что Вселенная самим фактом своего существования подразумевает наличие своего Создателя; а уже из этого факта мы можем вывести некоторые из Его неотъемлемых свойств, как-то: Его могущество, Его мудрость, Его предвидение малейших нужд Его созданий и способность их удовлетворить. С другой стороны, нам не следует быть чрезмерно настойчивыми в прояснении тайны, которая скрывается в боли, жестокости – во всём, что нам представляется тёмным пятном на Его работе. Лучшее, что мы можем сказать о них, это то, что есть основание *надеяться*, что вещи сии не так дурны, как нам кажется, и, вероятно, ведут к некой более высокой цели. Плач измученного ребёнка и крики истязаемого животного – это вещи, которым философу труднее всего дать разумное объяснение.

XII. Я изучил основоположения нескольких религий. И во всех них меня покоробила необходимость насилия, которое я должен совершить над собственным разумом, дабы признать догмы любой из них. Религиозная этика по большей части восхитительна. Однако это же можно сказать и об этике британского законодательства. Но сам план творения, на котором религиозная этика построена! Право слово, самое поразительное из всего, что я видел за время своего непродолжительного земного странствия, это то, что такое множество одарённых людей – глубоких философов, хитроумных законников, вполне здравомыслящих светских людей – смогли принять подобное объяснение фактов жизни. Перед лицом их явного одобрения моё собственное мнение не могло бы сделать ничего лучшего, как затаиться внутри меня самого. Да вот только мне придаёт смелости довод, кой совсем не трудно найти при некотором размышлении: ведь величайшие законники и философы Древнего Рима и Греции тоже были все согласны по поводу того, что у Юпитера имелось множество жён и что он большой поклонник выпивки.

Не подумайте, будто я стараюсь принизить чью-либо точку зрения. Требуя терпимости к себе, мы ведь в первую очередь сами должны распространять её на других. Я просто объясняю здесь, какова моя позиция, как не раз делал это и прежде. И я прекрасно знаю, какой мне уготован ответ. Мне так и слышится строгий голос, вещающий: «Имейте веру! Рассудок – не помощник в таком деле». Что ж, чья-то совесть допускает подобные вещи, моя же ни за что мне такого не позволит. Я ведь так ясно вижу, что вера – не добродетель, а порок. Это коза, затесавшаяся среди овец. Если человек по собственной воле закрывает глаза и отказывается от зрения, то всякий согласится с тем, что это безнравственно и оскорбляет природу. И это, однако, не мешает теологам советовать человеку закрыть глаза рассудка – дара куда более ценного – и отказаться от духовного зрения при рассмотрении самого насущного жизненного вопроса.

XIII. Наш мир, занятый обыденными делами, похоже, сейчас не имеет времени на великие вопросы жизни и смерти. Факты и случаи, которыми изобилуют анналы спиритической науки заслуживают самого внимательного отношения, и нашим учёным стоит на какое-то время оторваться от насекомых и камней, чтобы попытаться разрешить проблемы, которые так тесно связаны с нашей собственной природой и судьбой. Всё это не сказки. Это новая область знаний, которую человечеству необходимо исследовать и покорить.

XIV. Увы, мир слишком занят играми и удовольствиями, слишком увлечён своими одеревеневшими вероисповеданиями и окаменевшими религиями, чтобы прислушаться к тому, что говорят нам из-за завесы, ушедшие туда. Головы простых людей до того забыты несущественным, что в них просто не хватает места для действительно важного. Находящиеся здесь поймут ценность обращённых к ним мыслей и слов лишь тогда, когда будет слишком поздно.

XV. Всё, что расширяет наше представление о возможном и сталкивает нас с давно заржавевших путей привычного восприятия действительности, помогает нам восстановить гибкость разума и стать более восприимчивыми к новым системам идей и взглядов на мир.

XVI. Если однажды человек приходит к ложному заключению, что психические силы не существуют, его умственные способности неизбежно начинают атрофироваться, как это происходит со всеми религиозными направлениями фанатичного толка.

XVII. Здравый смысл – вот наш высший дар; мы должны находить ему применение. А он говорит о том, что пороки религии, когда десятки религиозных культов безжалостно убивают друг друга, происходят из приятия того, что не может быть доказано. Он говорит мне, что христианская религия содержит ряд прекрасных и благородных вещей, перемешанных с большим количеством сущего вздора.

Для того, чтобы быть подлинной, религия должна включать в себя всё – от амёбы до Млечного Пути.

XVIII. В мире сея я вижу крепкие основания для надежды, а что касается мира грядущего, то я твёрдо верю, что всё будет к лучшему. Я готов принять всё, что ни сочтёт нужным уготовить нам Верховный Владыка – от полного исчезновения до вечного блаженства.

Но многое в перспективах этого мира настраивает сердце человеческое на поющий лад. Добро оказывается всегда поверх зла, как масло поверх воды в бутылке. Человечество неуклонно развивается. Совершается всё меньше преступлений. Роль образования и культуры всё возрастает. Люди грешат меньше и думают больше. Когда мне встречается какой-нибудь малый грубой наружности, я не могу удержаться от мысли, что он и ему подобные суть представители вида, который скоро исчезнет с лица земли, как это когда-то случилось с динозаврами. Но мне кажется, что в интересах зоологических наук нам следует сохранить несколько экземпляров Билла Сайкса, дабы дети наших детей могли видеть, что это был за человек.

И затем, чем более мы прогрессируем, тем наша склонность к прогрессу усиливается. Наше продвижение вперёд происходит не по арифметической, а по геометрической прогрессии. Мы содержим в себе всеохватывающий интерес ко всему капиталу знания и добродетели, накопленному от начала времён. Предполагается, что между эпохами палеолитического и неолитического человека умещается около 80 тысяч лет. И всё же за это время человек только и смог сделать, что научился обтачивать каменные орудия, вместо того чтобы обкалывать их. Но за время жизни наших отцов каких только изменений не свершилось? Железная дорога и телеграф, хлороформ и электричество. Нынешние десять лет значат больше, чем прежние десять тысяч, не столько за счёт обострения нашего интеллекта, сколько потому, что знание, которым мы располагаем, указывает нам путь к гораздо большему. Первобытный человек шёл медленно и постоянно спотыкаясь, мы же стремительно идём вперёд к неведомой нам цели.

И хотел бы я знать, в чём она состоит, эта цель! Разумеется, я говорю о нашей жизни в здешнем материальном мире. С тех самых пор, как человек впервые нацарапал иероглифы на остряконе или накалякал письмена краскою на листе папируса, он наверняка должен был так же страстно желать узнать это, как и мы сегодня. Я полагаю, что нам сегодня *известно* немного больше, чем им. У нас есть временной отрезок протяжённостью более трёх тысячелетий, из коего мы можем рассчитать путь, по которому пойдут наши потомки. Но вот только обольщаться не стоит: этот временной отрезок такой крошечный в сравнении с протяжённостью эпох, которые Пророчество употребляет для исполнения Своих замыслов, что наши расчёты и выводы касательно Его деятельности скорее всего окажутся эфемерны.

Разумеется, примесь догматизма неизбежно присутствует, коль скоро мы берёмся определять законы касательно своего будущего развития; ибо как мы можем знать, что природою для нас не предусмотрены фазы, о которых у нас нет и понятия? В конце концов, несколько секунд представляют гораздо больший отрезок дня, чем средняя продолжительность нашей жизни применительно к периоду, в течение коего продолжается известное нам время существования мира. Но если бы человек жил только несколько секунд в течение этого дневного времени, а также его сын и сыновья его сыновей, то что бы их объединённый опыт, после сотен поколений, мог сказать им о таком явлении, которое мы называем «ночью»? Так что вся наша история и знание никак не гарантируют нас от того, что

мир не предназначен для прохождения через какие-то состояния, о которых мы не можем составить себе никакого понятия.

Поглотит ли цивилизацию варварство? Вот в чём вопрос. Прежде это уже случалось, потому что цивилизации прошлого были лишь крошечными искрами, вспыхнувшими во мраке. Но наша цивилизация, скорее всего, не исчезнет, а вырастет и усложнится. Человек покорит воздушные просторы и морские глубины. Успехи профилактической медицины искоренят болезни и приведут к тому, что причиной смерти останется только старость. Образование и более социалистическая организация общества покончат с преступлениями. Англоговорящие нации объединятся с центром в Соединённых Штатах. Постепенно европейские государства последуют их примеру. Война сделается редкой, но зато, наверное, более ужасной. Современная форма религий упразднится, но суть её останется, так что единая, вселенская вера будет воспринята всей цивилизованной Землёю. Эта вера будет проповедовать доверие к Руководящей Силе вселенной, но и тогда мы будем знать об этой Силе не больше, чем теперь.

XIX. Где-то есть сила, управляющая всем, и высшая мудрость состоить в том, чтобы верить, что всё устраивается к лучшему.

XX. Мы знаем, что многие постоянные явления Вселенной *не являются* случайностью. Не случайность, что небесные тела, вращаясь по своим орбитам, не сталкиваются друг с другом.* Не случайность, что семя обладает приспособлением, перемещающим его на подходящую почву. Не случайность, что существо приспособлено к среде, в которой оно обитает. Покажите мне кита, одетого в толстое пальто из жира, и мне не нужно уже другого доказательства существования высшего замысла. Но в согласии с логикой, как кажется мне, всё должно быть либо замыслом, либо случайностью. Я не вижу, как можно было бы провести прямо через всю Вселенную раздел и сказать, что всё по правую сторону является случайностью, а всё по левую предопределено. Нам пришлось бы тогда утверждать, будто вещи, принадлежащие к одному и тому же классу, в действительности разделены непроходимой пропастью и что менее важные регулируются, тогда как более высокие – нет. Поясню: мы будем вынуждены допустить, что число сочленений на задней ноге у блохи подразумевает прямое вмешательство Творца, тогда как несчастный случай, в результате которого в театре погибла тысяча людей, зависел от падения на пол восковой свечи и был непредвиденным изъяном в цепи жизненных событий. Так вот мне представляется, что подобное немыслимо.

Очень поверхностный довод сказать, что если человек фаталист, то он поэтому перестанет бороться и будет покорно дожидаться того, что ему пошлёт судьба.

* Здесь невольно вспоминается изумительная глава «О вольнодумцах» в книге Жана Лабрюйера «Характеры», где по аналогичному поводу он говорит, в частности, следующее:

«Итак, я стою на Земле, которая не что иное, как песчинка, которая ни на чём не держится и словно висит в воздухе. Вокруг неё, на высоте, превосходящей все наши понятия, вращается почти бесконечное число огненных шаров невыразимой и потрясающей воображение величины, которые вот уже на протяжении невообразимого количества лет изо дня в день проносятся через безмерные и беспредельные просторы неба. С вас мало этого? Тогда представьте себе, что Земля сама с непостижимой скоростью вращается вокруг Солнца, и все эти шары, все эти колossalные движущиеся тела не препятствуют вращению соседних, не мешают друг другу, не сталкиваются между собой; в самом деле, что стало бы с Землёю, если бы мельчайшее из них по ошибке встретилось с нею? Напротив, все они занимают свои места, блoudут предустановленный порядок и так невозмутимо следуют назначенным им путём, что ничей слух неспособен услышать их ход, а простолюдины даже не подозревают об их существовании. О, несравненная предусмотрительность случая! Даже разум не сумел бы устроить всё это обдуманнее! Меня смущает только одно: эти огромные тела так точны и постоянны в своём беге, вращении и взаимодействии, что даже некие крохотные животные, затерянные в одном из уголков того неизмеримого пространства, которое называется Вселенной, нашли, понаблюдав за светилами, способ безошибочно предсказывать, в какой точке своего пути окажутся последние через две, четыре, двадцать тысяч лет, начиная с сегодняшнего дня. Вот это и озадачивает меня. Если столь непрекаемые законы соблюдаются лишь благодаря случаю, то что же такое тогда порядок и закон?» (Й.Р.)

Утверждающий это забывает, что среди прочих предопределённых вещей есть и та, что мы, люди северных рас, будем бороться и не будем сидеть сложа руки. Но после борьбы, когда человек сделал всё, что знал и мог, и когда, несмотря на это, ожидаемый результат не наступает, пусть он выждет лет десять прежде, чем утверждать, что это невезение. Тогда скорее всего полученный итог окажется основной линией его судьбы, которая действует ради определённой цели. Иной человек теряет богатство, но зато приобретает серьёзность. Другой теряет зрение, но это ведёт его к духовности. Девушка утрачивает красоту, зато становится симпатичнее. Мы думаем, что смело идём своим путём, тогда как на самом деле нас всё время держит за руки великая длань Всевышнего.

XXI. Ещё шестьдесят лет назад столь проницательный мыслитель, как лорд Бругэм, заметил, что в ясном небе скептицизма он усматривает лишь одно плывущее по нему облако, и это – современный спиритуализм. Данное сравнение странным образом перевёрнуто: было бы гораздо вернее сказать, что в затянувших небосвод облаках скептицизма усматривается лишь один просвет, и это именно современный спиритуализм, но в конечном итоге его слова лишь показывают, что он понимал грядущую важность этого движения. Рёскин, ум ничуть не менее выдающийся, заметил однажды, что его уверенность в бессмертии целиком основывается на фактах, установленных Спиритизмом. Можно назвать десятки, сотни знаменитых имён, поддержка которых безусловно облагораживает любое дело на земле и носители которых подписались бы под этим же утверждением. Эти люди как бы высочайшие горные пики, на которые в первую очередь падает свет занимающейся зари, но в конечном счёте рассвет разгорится до такой степени, что самое незначительное возвышение на земной поверхности окажется охвачено им. Давайте же повернёмся к этому свету лицом и присмотримся к названному движению, которое вполне определённо предназначено в такой степени революционизировать человеческую мысль и деятельность, как то до сего времени во всю христианскую эпоху не удалось сделать никому другому.

XXII. Это движение, которое призвано придать жизнеспособность нынешним мёртвым и холодным религиям, называется «новейшим спиритизмом». «Новейший» (или «современный») – слово, указывающее на то, что само по себе явление в той или иной форме существовало и раньше и, стало быть, старо, как мир. Во все времена, как бы оно ни было затемнено выражавшими его формами, оно было той самой сердцевиной, тем духовным пламенем, которое пылало в глубине всех религиозных идей, и оно же пронизывает собой всю «Библию» от начала и до конца. Но слово «спиритизм» было так опошлено профанами и шарлатанами, что почти хочется заменить его каким-либо другим термином (например, «духовная религия») и тем очистить сам предмет от старых предрассудков наподобие того, как месмеризм после многих лет гонений получил быстрое признание, когда сменил название, став именоваться гипнотизмом.* С другой стороны, нельзя забывать, что многие отважные первопроходцы сражались под этим знаменем и, не страшась поставить под удар свою профессиональную карьеру, свои достижения и даже свою репутацию как людей здравомыслящих, публично защищали то, что они знали как истину.

Их отважная, бескорыстная преданность делу Спиритизма не могла не дать своих плодов и много сделала для очистки имени, за которое они боролись и страдали. Именно они вынянчили Учение, которое обещает стать не новой религией – уж слишком оно велико, чтобы вписаться в подобные рамки, – но фундаментальной частью всего общечеловеческого достояния знаний и мудрости. Однако усовершенствованный Спиритизм будет, по всей вероятности, так же мало похож на Спиритизм 1850 года, как современный локомотив на котелок с кипящей в нём водой, что, однако, не помешало последнему ознаменовать собой эру паровых машин. В конечном счёте Спиритизм скорее станет доказательством и основанием всех религий, чем религией самой по себе. У нас и так уже слишком много религий и слишком мало доказательств.

* Мы же в данном случае вместо «духовной религии» предлагаем термин «карденизм», составленный из фамилий создателей духоведения, или новейшего спиритизма, – Аллана Кардека и Леона Дени. (Й.Р.)

XXIII. Легко высмеивать летающие столы и дрожащие стены, однако это были самые доступные и естественные объекты, способные отобразить на материальном уровне действие силы, недоступной человеческому восприятию. Рассудок, остававшийся глухим к возвышенным рассуждениям, проснулся и обнаружил новые направления для исследований, столкнувшись с простейшими, но при этом совершенно необъяснимыми фактами. Можно назвать эти явления детской чепухой, однако они выполнили своё предназначение: потрясти до самых основ мировоззрение тех учёных-материалистов, кто войдёт с ними в непосредственный контакт. Их надо рассматривать не сами по себе, а как простейшие средства, способные направить мышление по новому пути. Эти пути вели прямиком к осознанию жизни духа после смерти тела.

XXIV. Мы можем спросить, почему столь серьёзные результаты возникают из столь незначительных источников? Именно этим вопросом задавались высокомерные философы Греции и Рима, когда красноречивый проповедник Павел вместе с рыбаком Петром и их полуграмотными учениками отвергли все их многомудрые теории и с помощью женщин, рабов и иудеев-раскольников низвергли их старые языческие верования. Ответом на это может быть лишь то, что у Провидения есть собственные пути достижения нужных целей и что Оно редко сообразуется с нашими представлениями о подобающем и пристойном.

XXV. Читатель вправе воскликнуть: «Разве мы вернулись в эру чудес?». Никаких чудес не бывает. Всё, что мы увидели и о чём сообщают источники прошлого, есть не что иное, как проявление действия законов, ещё не открытых нами. Мы уже начали понимать, чего можно ожидать при подобных явлениях, а чего нет, и ограничения эти столь же жёстки, как если бы речь шла о явлениях из области физики. Следует соблюдать здравомыслие и не прымять ни к тем, кто не верит ни во что, ни к тем, кто готов поверить слишком многому. Постепенно туман рассеется, и мы увидим очертания берегов, скрытых до поры от нашего взора. Когда иголка впервые подпрыгнула, притянутая магнитом, это не было нарушением закона тяготения. Это было лишь локальное проявление более сильного взаимодействия. Так же можно расценивать и случаи действия психической силы на материальном уровне. Если бы Хоум усомнился в своих возможностях или если бы кто-то нарушил спокойную обстановку его окружения, то он бы упал на землю. Когда Св.Пётр утратил веру, вода тут же накрыла его. В течение многих веков одна и та же причина приводила к одному и тому же следствию. Духовная сила не покидала нас на протяжении веков, и то, что было дано древней Иудее, не отнято и у современной Англии.

XXVI. Дыхание духа можно ощутить сегодня в этой комнате с такой же лёгкостью, как оно сквозило в Иерусалиме. Бог не умер две тысячи лет назад. Он здесь и сейчас... Единственно прочной и вечной является память о том, что мы обсуждаем сейчас, это – мост через смерть, уверенное непрерывное путешествие в потустороннем мире.

С того момента, как я понял огромную важность этого предмета и осознал, насколько радикально он может изменить и очистить всю мировую мысль, когда его принимаешь всем сердцем, я почувствовал, что вся остальная работа, которую я когда-либо делал или буду делать, есть ничто по сравнению с этим.

XXVII. Надеюсь, с моей стороны не будет самонадеянностью утверждать, что эволюция моей исследовательской мысли не была слишком уж скороспешной и что на ней не лежит печать легковерия, так как это два воистину глобальных обвинения, выдвигаемых против нас оппонентами. Она, напротив того, оказалась слишком неспешной, ибо я был преступно медлителен, помещая на весы справедливости любую мелочь, которая могла бы оказаться на меня влияние. Не разразись мировая война, я скорее всего так и провёл бы жизнь лишь на подступах к истинным психическим исследованиям, высказывая время от времени свою симпатизирующую, но более или менее дилетантское отношение ко всему предмету, как если бы речь здесь шла о чём-то безличном и далёком, вроде существования Атлантиды или о какой-то абстрактной полемике. Но пришла Война и принесла в души наши серьёзность, заставила нас пристальнее присмотреться к себе самим, к нашим верованиям, произвести

переоценку их значимости. Когда мир бился в агонии, когда всякий день мы слышали о том, что смерть уносит цвет нашей нации, заставая молодёжь нашу на заре многообещающей юности, когда мы видели кругом себя жён и матерей, живущих с пониманием того, что их любимых супругов и чад более нет в живых, мне вдруг сразу стало ясно, что эта тема, с которой я так долго позволял себе заигрывать, была не только изучением некоей силы, находящейся по ту сторону правил науки, но что она нечто действительно невероятное, какой-то разлом в стене, разделяющей два наших мира, непосредственное, неопровергимое послание к нам из мира загробного, призыв надежды и водительство человеческой расе в годину самого глубокого её потрясения. Внешняя материальная сторона этого предмета сразу потеряла для меня интерес, ибо когда мне стало понятно, что он несёт истину, то исследовать снаружи здесь стало нечего. Бесконечно большее значение явно имела его религиозная сторона. Так, сам по себе телефонный звонок есть сущая безделица, но он ведь признак того, что с вами желают говорить, и тогда может оказаться, что с помощью телефонного аппарата вы узнаете нечто для себя жизненно важное. Похоже, все спиритические явления, и большие и малые, являются своего рода телефонными звонками, которые, невзирая на свою сугубо материальную природу, кричат роду человеческому: «Прислушайтесь! Пробудитесь! Будьте готовы! Вот подаются вам знаки. Они приведут вас к посланию, которое желает передать вам Господь». И важно само послание, а не эти знаки. По всей видимости, некое Новое Откровение готовилось быть переданным человечеству, хотя и можно сказать, что оно пока находится только на стадии Иоанна Крестителя по отношению к учению Христа, и никто не может ещё сказать, сколь велика окажется полнота и ясность этого Нового Откровения.

XXVIII. Удовлетворимся ли мы тем, что будем созерцать эти явления, не обращая никакого внимания на то, что явления эти значат, словно группа дикарей, изумлённо глядящих на радиоаппарат и николько не интересующихся содержанием передаваемых им сообщений, или же мы со всей решимостью возьмёмся за осмысление этих тонких и едва уловимых высказываний, пришедших к нам из загробного мира, и за построение такой религиозной концепции, которая будет основана на посюстороннем человеческом разуме и потустороннем духовном вдохновении? Эти явления уже переросли пору детских игр, они покидают возраст спорных научных новшеств и принимают (или примут) очертания фундамента, на котором будет построено вполне конкретное здание религиозной мысли, в некоторых своих частях воссозданное из материала старых зданий, в других же строящееся из совершенно нового материала.

XXIX. Как примитивно некоторые всё ещё понимают идею бессмертия! Мысль, что тело, эта старая изношенная одежда, некогда облачавшая душу, должно сохраниться любой ценой, – это последнее слово материализма. О какой неразвитости сознания она свидетельствует!

XXX. Физическим основанием всякой психической веры является то, что душа представляет собой полный дубликат тела, походящего на неё в мельчайших деталях, хотя и построенного из гораздо более плотного материала. В обычных условиях оба этих тела настолько переплетены, что присутствие более тонкого из них вовсе не замечается. Однако при смерти (а при наличии определённых условий и при жизни) эти тела разделяются и могут быть увидены раздельно. Смерть отличается от условий отделения тонкого тела при жизни лишь тем, что между двумя телами происходит полный разрыв и жизнь полностью переносится в более лёгкое тело, тогда как более грубое, подобно кокону, который скинула с себя находившаяся в нём личинка, распадается и исчезает. Вот только мир человеческий, с большой торжественностью погребая кокон, мало, увы, заботится о том, чтосталось с пребывавшей в нём более благородной частью. По мнению многих, наука не признаёт этого положения, и потому утверждать его с чьей бы то ни было стороны является чистейшим догматизмом. Действительно, наука, которая не изучила фактов, не признаёт этого положения, но мнение такой науки, безусловно, не имеет никакого значения или уж во всяком случае обладает куда меньшим весом, нежели мнение тех, кто психические явления изучал.

Да и что такое наука? Наука – это лишь согласие мнений учёных между собой, и

история показала, что наука весьма медлительна и неповоротлива, когда речь идёт о необходимости принять истину. Наука двадцать лет не желала признавать Ньютона и его законы. Наука математически доказала, что корабль из железа не сможет плавать, и наука же заявила, что пароход никогда не пересечёт Атлантику.

Подобно Мефистофелю у Гёте, наши учёные только и могут что «stets verneinen»*. Спрашивается, каким весом может обладать такого рода наука? Она – те же самые теологические предрассудки, из-за которых церковники, современники Галилея, отказывались взглянуть в телескоп, к которому приглашал их великий астроном.

Настоящая наука – та, которая изучила факты, она единственный значимый авторитет, а мнение её представителей по данному вопросу практически единодушно. Знаменитый математик профессор Огастес де Морган как-то заметил, что Спиритизм можно считать заблуждением или шарлатанством ничуть не в большей степени, нежели философию, ему противостоящей.

Если скептики и отрицатели перестанут верить в непогрешимость своих методов и обратят взор свой к Востоку – прародине всех великих идей, то они найдут там школу философов и учёных, которые, работая по совершенно иным направлениям и принципам, чем их братья на Западе, ещё тысячу лет назад опередили последних по всем основным направлениям знания.

XXXI. Для человека действительно научного склада ума агностические взгляды являются самой лучшей отправной точкой. Но во всём нужна мера. Учёный-исследователь психического, которому не хватило смелости и гибкости получить положительные результаты, целенаправленно погрязает в бесконечных дополнительных проверках, которые не приносят вовсе никаких результатов.

XXXII. Спиритическое движение встретило горячее сочувствие и жестокое противодействие с самого начала. Сегодняшняя наука укоренилась в материализме и, столкнувшись с совершенно новым и неожиданным предложением, отбросила все собственные же весьма достойные аксиомы. Так, Фарадей заявил, что, приступая к столь новому предмету, следует *a priori* составить мнение о том, что возможно, а что нет! Гексли сказал, что потусторонние сообщения, *даже если они подлинны*, «интересуют его не больше, чем болтовня церковных служек в притворе храма». Дарвин сказал: «Боже нас упаси верить во что-то подобное!»* Герберт Спенсер также высказался против этой темы, хотя и признал, что у него не нашлось времени с ней познакомиться.

Профессора Роберт Гэр и Горас Грилей были среди просвещённого меньшинства, которое удостоверились в истине, стоящей за этим движением, и потому приняло его сторону.

Облик движения не разискажался многими прискорбными происшествиями, что может объяснить, но никак не извинить то упрямое неприятие, которое оно встретило в столь многих кругах. В действительности это неприятие главным образом основывалось на абсолютном материализме эпохи, не желавшем допускать, будто в настоящее время могут существовать такие условия, которые признаны для далёкого прошлого.** Когда таким людям приходится

* постоянно отрицать (*nem.*)

* Любопытное суждение несколькими веками раньше оставил и Леонардо да Винчи: «Некромантия эта, знамя и ветром развеваемый стяг, есть вожак глупой толпы, которая постоянно свидетельствует криками о бесчисленных действиях такого искусства; и этим наполнили книги, утверждая, что заклинание и духи действуют и без языка говорят, и без органов, без которых говорить невозможно, говорят, и носят тяжелейшие грузы, производят бури и дождь и что люди превращаются в кошек, волков и других зверей, хотя в зверей прежде всего вселяются те, кто подобное утверждает». Из этого мы вольны делать вывод, что спиритическая практика существовала и тогда. (*J.P.*)

** Конан-Дойль в данном случае имеет в виду позицию, занимаемую христианской Церковью. Несколько раньше Карл Дюпрем по этому же поводу писал, что господа церковники признают оккультно-мистические факты, лишь когда они датированы первыми веками христианства, и считают такую мистику *белой*, т.е. идущей от светлых сил; аналогичные же факты дней нынешних, будучи произведены нашими современниками, у них причисляются к мистике исключительно *чёрной*, т.е. идущей от злых сил, словно бы Бог заботился об этом мире только в первые века новой эры, а после целиком предоставил его в распоряжение дьявола – точка зрения, напрочь лишенная логики; помимо

сталкиваться с фактами, подтверждающими реальность жизни после могилы, жизни, в каковую они по долгу службы провозглашают себя верующими, то они болезненно морщатся, с отвращением отдаляются и объявляют такие факты невозможными.

XXXIII. В целом я склоняюсь к мысли, что все эти полные сомнений и нерешительно настроенные учёные, имеющие, кстати, собственные исследования, достойные внимания, попросту ограничили круг своего чтения и своё мышление объективной стороной вопроса и не осознают, какое огромное количество доказательств имеется с его субъективной стороны, дающей нам точную картину потусторонней жизни. Эти учёные пренебрегают документами, не имеющими объективной доказуемости, и недостаточно, на мой взгляд, понимают, что общая согласованность свидетельств, равно как и сам факт идентификации свидетеля, являются объективным доводом истинности.

Некоторые к тому же усложняют дело, предсказывая существование в природе какого-то четвёртого измерения, но сам термин является абсурдом, как абсурдны все термины, не находящие соответствующего впечатления в человеческом мозгу. Нам и без того хватает тайн, ждущих от нас своего разрешения, чтобы беспринну создавать ещё и новые. Если твёрдое тело проходит сквозь твёрдое, то, разумеется, проще предположить, что совершается это за счёт дематериализации и последующего синтеза – это, по крайней мере, процесс, который укладывается в человеческой голове, – нежели приводить объяснение, которое само нуждается в ещё более сложном объяснении.

XXXIV. Можно написать имена пятидесяти профессоров, преподающих на кафедрах в крупнейших университетах, которые рассмотрели и признали эти факты. В этом списке значились бы многие величайшие умы мировой науки нашего времени: Фламмарион и Ломброзо, Шарль Риш и Рассел-Уоллес, Вилли Рейхель, Мейерс, Цолльнер, Вильям Джеймс, Лодж и Крукс. Таким образом, факты были признаны той единственной наукой, которая имеет право выражать мнение. За тридцать лет моего опыта на ниве Спиритизма мне ни разу не встретился хотя бы один учёный, который бы, тщательно изучив этот предмет, в конце концов не принял объяснение, даваемое ему Спиритизмом. Таковой, полагаю, может существовать, но, я повторяю, я никогда о нём не слышал.

XXXV. В наши дни факты о парапротивных феноменах известны всякому, кто не предпочитает сознательно оставаться невеждой.

XXXVI. Сейчас мы располагаем большим опытом относительно феноменов такого рода и с известной степенью достоверности можем определить, что именно произошло в Гайдсвилле в 1848г. Мы знаем теперь, что эти явления подчиняются закону и определённым условиям так же, как и все явления во Вселенной, хотя в ту пору они и представлялись публике событием изолированным и исключительным. С одной стороны, имелся полуматериальный, привязанный к земле дух низкой степени развития, которому, для того чтобы обнаружить своё присутствие, был необходим медиум. С другой, наличествовал хороший медиум для производства физических феноменов – явление довольно редкое. В результате спиритические проявления возникают почти с той же неизбежностью, с какой при должном соответствии между электрической батареей и проводом проскаивает искра. В настоящее время профессором Кроуфордом в Белфасте проводятся спиритические эксперименты, в которых такого рода следствие и причина чередуются в должной последовательности, что подробно представлено им в двух его последних книгах: «Реальность спиритических явлений» и «Эксперименты в области спиритической науки».* Там он, в частности, показывает, что происходит действительное уменьшение веса тела медиума в

того, как мы показали в других наших работах, сама вера в существование дьявола и тёмных сил является плодом логической ошибки и невежества, соединённого с большой фантазией. (И.Р.)

* “The Reality of Psychic Phenomena”; “Experiences in Psychical Science” by Pr.W.J.Crawford, Watkins. Эта работа теперь издана по-русски в книге: Уильям Джексон-Кроуфорд, «Реальность психических явлений», перевод Юрия Карнаухова, Magic Kniga, Нижний Новгород, 2019 г.(И.Р.)

прямом соответствии с происходящими спиритическими явлениями. Весь секрет медиумизма с материальной стороны данного явления заключается, по всей видимости, в энергии, совершенно не зависящей от воли самого медиума, который пассивно отдаёт какую-то часть собственной телесной субстанции для использования её потусторонними операторами. Почему одни люди обладают этой энергией, а другие нет? Мы не знаем этого, точно так же мы не знаем, почему у одних есть музыкальный слух, а у других нет. И то, и другое появляется у нас и не находится в прямой связи с нашим нравственным обликом и темпераментом. На первых порах была обнаружена медиумическая способность для совершения физических проявлений, и общественное внимание сосредоточилось на движущихся столах, на самостоятельно играющих музыкальных инструментах и прочих сугубо материальных проявлениях потустороннего влияния, сильных своей неоспоримостью. К сожалению, разного рода мошенники очень быстро научились этим явлениям подражать. Но с той поры мы узнали о существовании множества других форм медиумической способности, столь отличных одна от другой, что обладатель одной из них оказывался совершенно бессилен в проявлении остальных.** Автоматическое писание, ясновидение, глядение в кристалл, говорение в трансе, спиритическая фотография, прямой голос и многое-многое другое – все эти явления, когда они подлинны, являются выражением одной и той же энергии, которая течёт по разным каналам. Все эти проявления входили в «свод даров», способностями к производству которых в первые времена христианства обладали его последователи. Злокозненному распространению имитации спиритических явлений, несомненно, долгое время содействовала необходимость темноты, провозглашённая ранними экспериментаторами. Но с той поры, как Д.Д.Хоум – величайший медиум всех времён – благодаря исключительной силе своей энергии оказался способен данным требованием пренебречь, соблюдение темноты не является более принципиальным положением. В то же время факт, что темнота скорее, чем свет, и сухость скорее, чем влажность, благоприятствуют хорошим результатам, был с избытком удостоверен, и он указывает на то, что эти явления подчиняются определённым физическим законам. Наблюдение, сделанное много позднее, согласно которому беспроводный телеграф (другая эфирная сила) в два раза успешнее действует ночью, нежели днём, может служить подтверждением выводов ранних спиритов; в то же время их утверждения об относительной безвредности для спиритических проявлений красного света имеют соответствующую аналогию в работе фотографа.

XXXVII. Общение с потусторонним миром, как и всё на свете, тоже подчинено жёстким законам. Когда нарушаются определённые условия, общение с духами становится столь же невозможным, как ток электричества по разорванному проводу. Дух возвращается не по своему желанию и не тогда, когда захочет, а тогда, когда для этого складываются подходящие условия. Закон, неумолимый закон управляет всем тем новым, что нам становится известно, и только точно определив его суть и границы, мы сможем получить какое-то хотя бы смутное представление о потусторонней жизни и о том, как она соотносится с жизнью земной.

XXXVIII. Мне думается, что культом спиритических сеансов сильно злоупотребляют. Если вы уже имели раз возможность убедиться в истинности этих явлений, то физические сеансы сделали своё дело, и тот, кто тратит время на то, что бегает от одного сеанса к другому, подвергает себя опасности стать всего лишь простым охотником за острыми ощущениями. Здесь, как и во всяком культе, есть опасность, что форма заслонит собою суть, и в погоне за физическими доказательствами человек может забыть, что настоящая цель этих сеансов, как я пытаюсь показать, состоит в том, чтобы дать нам уверенность в будущем и духовные силы в настоящем, для того чтобы достичь должного понимания преходящей природы материи и всезначимости того, что нематериально.

XXXIX. Все складно расписанные теории о подсознательном разлетаются во прах перед

** За подробностями отсылаем читателя к «Книге Медиумов» Аллана Кардека – непревзойдённому руководству по практическому Спиритизму: Аллан Кардек, «Книга Медиумов», перевод с франц. под редакцией Йога Раманантаты, Нижний Новгород, Издатель Москвичёв А.Г., 2018 г. (Й.Р.)

простым утверждением незримого существа, заявляющего: «Я есмь дух. Я – Инесса, твоя сестра».

Я пожимал материализовавшиеся руки.

Я вёл длинные беседы с прямым голосом.

Я ощущал специфический озонаобразный запах эктоплазмы.

Я слышал пророчества, которые вскоре сбывались.

Я видел образ «умершего», запечатлённый на фотографической пластине, которой не касалась ничья рука, помимо моей.

Я получал через руку моей жены исписанные блокноты, содержащие информацию, выходившую за пределы её сведений.

Я видел, как по воздуху летают тяжёлые предметы, которых не касалась человеческая рука и которые меняли направление движения, покорные воле незримых операторов.

Я видел духов, гуляющих по комнате в полумраке и присоединяющихся к разговору присутствующих.

Я знал женщину, не обладавшую никакой художнической техникой и тем не менее быстро нарисовавшую под водительством духа-художника картину, висящую теперь в моей гостиной и которую немногим из живущих и здравствующих художников удалось бы улучшить.

Я читал книги, которые могли бы исходить только от величайших мыслителей и учёных и которые всё же были написаны необразованными людьми, действовавшими как медиумы незримых умов, столь явно превосходящих их собственный. Я опознал манеру и стиль умершего писателя, которого бы не смог так скопировать ни один пародист, причём строки эти были написаны именно его почерком.*

Я слышал пение, находящееся за пределами наших земных возможностей, и я слышал свист, который производился без паузы, необходимой нам для взятия воздуха.

Я видел предметы, бросаемые издалека и попадающие в комнату с запертymi дверями и окнами.

Если бы человек мог видеть, слышать и чувствовать всё это и тем не менее оставаться неубеждённым в реальности незримых разумных сил вокруг себя, то у него были бы веские причины сомневаться в здравости собственной психики. Почему он должен обращать внимание на болтовню безответственных журналистов или на то, как качают головой не имеющие в этом деле никакого опыта учёные после всех тех доказательств, которые ему удалось собрать самому? В данном вопросе они по сравнению с ним всего лишь дети и должны сидеть у ног его.

Я хотел бы уверить читателя в том, что эти страницы были написаны человеком, не жалеющим своих сил, для того чтобы на собственной практике познать Учение. Что касается обвинений в излишней доверчивости, которые выдвигают все кому не лень в адрес людей, высказывающих позитивное мнение по поводу этого предмета, автор может торжественно заявить: за всю свою долгую карьеру исследователя он не может припомнить ни одного случая, когда ему пришлось бы признаться в собственной ошибке или удостоверить реальность событий, признанных впоследствии обманом. Доверчивый человек не смог бы посвятить двадцать лет чтению и экспериментам перед тем, как составить своё окончательное мнение.

Вопрос этот, однако, не таков, чтобы можно было обсуждать его неким отвлечённым и безличным образом, как то имеет место, когда говорят, например, о существовании Атлантиды. Это тема интимная, глубоко личная и жизненно важная в высшей степени.

LX. Недоверчивость можно приписать осмотрительности учёных, но тем, кто уже осознал весомость существующих наблюдений, она представляется упрямством и отсталостью. Как бы то ни было, такие случаи требуют более тщательного рассмотрения, и наши мужи науки вполне могут отвратить мысли от насекомых и камней, чтобы пролить свет на вопросы, столь тесно связанные с нашей собственной природой и судьбой.

* Речь идёт об Оскаре Уайльде и его спиритических посланиях. Случай этот пристально изучался Конан-Дойлем и был удостоверен им как подлинный. (Й.Р.)

LXI. Наши критики всегда занимались тем, что выискивали недочёты отдельных случаев, но никогда не рассматривали общую картину во всей совокупности имеющихся доказательств.

LXII. Можно сказать, что в наше материалистическое время проповедь христианских сентенций, лишающих человека веры в жизнь после смерти, вряд ли будет кем-то услышана. Доктор Мак-Дугал в своей президентской речи в американском Обществе психических исследований указывал на связь между кризисом религии и распространением материализма. Он говорил: «Только психические исследования могут изучать факты, не совместимые с материализмом. Материализм распространяет своё влияние, и никакие другие силы не в состоянии остановить его победное шествие: и богооткровенная религия, и метапсихическая философия в равной степени бессильны перед надвигающимся приливом. И если эта волна будет подниматься и усиливаться, как это происходит в настоящий момент, то по всем признакам её разрушающая мощь сметёт то, что с таким трудом завоёвано человечеством – все моральные традиции, созданные не одним поколением людей для упрочения истины, достижения справедливости и совершения благотворительности».

Хотя психические исследования сами по себе могут значительно расходиться с религией, выводы и уроки, которые мы всё же в состоянии из них извлечь, просвещают нас о вечной жизни души, о природе этой жизни и о том, как она влияет на наше поведение в земном мире. Если это находится в противоречии с официальной религией, то я должен признаться в том, что не понимаю почему. Для меня это и есть религия – сама суть её. Спиритизм – это великая сила, объединяющая все мировые религии, христианские и нехристианские. В то же время это Учение способно глубоко воздействовать на традиционное христианство, не опровергая его, а объясняя и развивая. И я считаю, что Новое Откровение пророчит неизбежную гибель материализма.

LXIII. Феноменологический аспект Спиритизма, по мнению ведущих спиритов, не составляет главной его части. Гораздо важнее суть полученных сообщений: физическая смерть – всего лишь этап перерождения духа, жизнь духов во всех отношениях можно считать человеческой; приятное дружеское общение неотъемлемо от этой фазы жизни, и духи совершенно не хотят вернуться к своему прошлому состоянию. Они с удовольствием общаются со своими земными друзьями, желая убедить их в том, что после распада тела жизнь продолжается, в то же время духи заявили о том, что они не обладают даром пророчества.*

LXIV. Уже давным-давно мой ум нашёл достаточно подтверждений истинности многого, что представляется на первый взгляд невозможным и невероятным. В своё время у меня появился пространный рассказ, полученный с помощью столоворчения, об условиях жизни в потустороннем мире. Детали излагаемого показались мне невероятными, и я отложил отчёт в сторону, и однако оказалось, как я вижу теперь, что все детали того описания полностью согласуются с другими откровениями этого рода. То же случилось и с посланием, автоматически написанным г-ном Губертом Уэйлзом. Он бросил его в ящик стола, счтя не заслуживающим серьёзного рассмотрения, и лишь потом выяснилось, что оно также вполне гармонирует с остальными.**

LXV. Если бы только было можно представить единственного человека, который бы открыл мир бесплотных духов и объявил о нём всему человечеству, то его как открывателя новых миров пришлось бы поставить впереди Христофора Колумба, впереди апостола Павла

* “American S.P.R.”, January, 1923.

* Это заявление гораздо важнее, чем может показаться на первый взгляд. Испокон веку невежество и легкомыслие провозглашали гадание и предсказание будущего главной обязанностью Спиритизма, а нелепые и глупые результаты, получаемые ими при посредстве фривольных духов, неизменно служили противникам Спиритизма весьма весомым аргументом его мнимой несостоятельности. (И.Р.)

** Фрагменты этого послания см. ниже. (И.Р.)

как учителя новых религиозных истин и впереди Исаака Ньютона как исследователя законов Вселенной.

LXVI. Если мысль, дух, разум человека могут действовать в отдалении от тела, то, стало быть, они до известной степени есть нечто отдельное, отличное от тела. Почему же в таком случае дух не может существовать сам собой даже тогда, когда тело уже погибло? С теми, кто недавно умер, проявления эти выражаются не только в виде действия мысли на расстоянии, но и приобретают внешность умерших, доказывая тем, что проявления эти осуществляются членами в точности таким же, как тело, но всё же действующим вне его и его переживающим.

LXVII. Теперь, сказав о духовном теле и указав, что его присутствие отрицается лишь представителями одной-единственной системы взглядов, давайте обратимся к тому, что происходит в момент смерти в соответствии с наблюдениями ясновидцев по нашу сторону и согласно посмертным рассказам самих умерших – по другую. Наличие подобной двусторонней гарантии при согласовании деталей картины даёт основание считать полученные сведения истиной.

При безболезненном и естественном процессе умирания более лёгкое тело высовбождается из более тяжёлого и медленно выходит из него, пока не окажется целиком рядом с ним, сохраняя за собой тот же ум, те же эмоции, те же очертания, что и тело, лежащее на смертном одре, сознавая всех присутствующих рядом и не имея возможности дать им знать о себе, за исключением тех случаев, когда среди них оказывается человек, обладающий более тонким духовным зрением и называемый ясновидящим. Как, спросим мы, более тонкое тело может видеть без естественных органов зрения? А как жертва гашиша видит своё бесчувственное тело со стороны? У духовного тела есть свои способности восприятия, которые дают ему такую возможность. Больше мы ничего сказать не можем. Ясновидящему новый дух видится как туманная фигура. Зрению обыкновенного человека он недоступен. Другому духу он, без сомнения, представляется нормальным и вещественным, как мы представляемся вещественными друг другу. Есть указания на то, что со временем духовное тело становится более тонким, а это значит, что к материальному оно ближе всего в момент смерти или сразу вслед за нею, чем по прошествии ряда месяцев или лет. Стало быть, появления умерших наиболее зримы и чаще всего наблюдаются во время смерти; молекулы их эфира, если позволительно так сказать, всё ещё обременены той материей, от которой оне только что отделились.

Что происходит с духовным телом, этой драгоценной ладьёй, несущей в себе нашу суть в плавании по неизведанным морям, после отделения его от более грубой материи? Очень много сообщений, устных и письменных, дошло до нас, в которых подробнейшим образом описываются переживания и впечатления людей в мгновение смерти и сразу же вслед за ним. Устные сообщения поступают от трансовых медиумов, органы речи которых в течение сеанса оказываются под контролем потусторонних умов. Сообщения, автоматически написанные, получаются в результате аналогичного воздействия на пишущую функцию человеческого тела. При этих словах критик закономерно и вполне разумно возразит: «Какая чепуха! Как вы можете проверить это утверждение медиума, если он сознательно или бессознательно претендует на водительство извне?». Это здоровый скептицизм, и им должен руководствоваться всякий экспериментатор, исследующий нового медиума. Доказательства должны содержаться в самом сообщении. Если их в нём нет, то мы, как всегда, должны принять естественное объяснение, нежели то, которое требует очень многих допущений.

LXVIII. Бытует мнение, что компиляция – утомительный процесс, который должен скорее раздражать составителя, чем удовлетворять его. Если представить себе земного писателя, получающего материал для своей книги по междугородней телефонной связи, то с теми же трудностями сталкивается и оператор автоматического письма. И всё же, несмотря на отсутствие авторства, повествования во многих случаях получались довольно логичными, впечатляющими и чрезвычайно интересными. Их трудно назвать древними, так как в них описан сегодняшний день и грядущие перспективы нашей жизни.

Некоторые утверждают, что эти повествования очень отличаются друг от друга. Я так не

считаю. После внимательного прочтения многих томов посмертных рассказов и великого множества рукописей, полученных в частном порядке от некоторых семей и скрытых от посторонних глаз, я был поражён обнаруженными в них совпадениями. То тут, то там истории напоминали одна другую, порой попадались и откровенные исповеди, отмеченные печатью сенсуализма, но в основном описания были рассудительны, разумны и в целом не противоречили друг другу, даже если расходились в деталях, поскольку описания жизни каждой конкретной личности, конечно же, имеют свои особенности. Представим себе жителя планеты Марс, которого ознакомили бы с описанием жизни крестьянина-индуса, эскимосского охотника и профессора Оксфордского университета. Вышеозначенный персонаж усомнился бы в том, что подобные несхожие жизнеописания принадлежат людям, живущим на одной планете. Этой проблемы нет в загробном мире: насколько нам известно, там не существует таких контрастов. Можно сказать, что характерной особенностью земной жизни является смешение разных социальных типов, имеющих различный уровень духовного опыта, и полное несовпадение этого опыта с человеческой природой. Небеса отличаются от преисподней. В нашем мире человек имеет возможность превратить жизнь – свою и окружающих людей – в рай, пусть даже и на короткое время. Однако не стоит забывать и о том, что существует много путей превращения мира в сносное подобие ада, хотя трудно отрицать, что в определённые моменты человечество нуждается в чистилище.

LXIX. Итак, какова же эта новая жизнь в описании тех, кто перешёл порог смерти? Попытаюсь ответить на этот вопрос.

Все сообщения о потусторонней жизни разнятся между собой в подробностях; я полагаю, однако, что и большинство рассказов о нашей жизни на земле в подробностях согласуются друг с другом ничуть не больше, но всё же, в общем, между ними есть определённое сходство; то же самое и здесь.

Мы не так уж много знаем о грядущей жизни, чтобы брать на себя смелость описывать её с такой же исчерпывающей точностью, как, к примеру, маленькую цветочную клумбу посреди площади. Вероятно, что те посланцы, которые возвращаются к нам, находятся на более или менее одинаковом уровне развития и представляют ту же самую жизненную волну, откатывающуюся от наших берегов. Сообщения обыкновенно приходят от тех, кто скончался недавно, и, как и следовало бы ожидать в таком случае, постепенно ослабевают. В этой связи уместно отметить, что согласно преданиям явления Христа своим ученикам или Павлу происходили только первые несколько лет после его^{*} смерти и что среди ранних христиан нет больше никаких утверждений или упоминаний о том, будто они видели его позднее. Словом, все наши взгляды исходят от одного поколения, и поэтому мы не можем считать их окончательными, но лишь предварительными и частичными. Однако хотя картина, даваемая нами, и может оказаться неполной, всё же такова, как она есть, она весьма последовательна, логически выдержана и чрезвычайно интересна, поскольку затрагивает нашу собственную участь и участь тех, кого мы любим. В этом смысле сообщения представляются мне в высшей степени ободряющими, утешительными, будь то касательно нашей собственной судьбы или же судьбы наших друзей.

L. Отшедшие в один голос указывают, что переход обычно лёгок и в то же время безболезнен и сопровождается необъятным ощущением мира и покоя. Человек обретает себя в духовном теле, которое является точной копией его физического тела, исключая его болезни, слабости и уродства, которым новое тело не подвержено. Тело это стоит или витает близ старого тела и одновременно сознаёт его и окружающих людей. В этот миг покойник ближе к материи, чем он будет когда-либо позднее, а потому именно в эту пору происходит большая

* По нормам русского правописания, говоря о Христе в 3-м лице, пишут Он, Его, и т.д. Мы же в книгах спиритов пишем эти местоимения со строчной буквы, прописная употребляется только тогда, когда речь идёт о Боге. К этому нас обязывает спиритическая идеология: спириты не считают Христа Богом или даже «Сыном Божиим» в буквальном смысле. С точки зрения Спиритизма, каждый человек – точно такой же сын Божий и имеет право заявить о себе: «Я есмь сын Божий». Для спиритов Иисус Христос – не божество, но дух, стоящий на самой вершине Духовной Иерархии и представляющий для нас, землян, самого Бога. (Й.Р.)

часть случаев, когда мысли его обращаются к кому-либо из живых, находящемуся в отдалении, и когда духовное тело его устремляется вместе с мыслями и является этому человеку. Такие появления происходят чаще всего в мгновение смерти, когда новое духовное тело ещё настолько близко к материи, что глаза сочувствующего человека могут его воспринять, чего, однако, уже не сможет случиться впоследствии.

Всё же сравнительно с общим числом смертей подобные случаи крайне редки. В основном я склонен объяснять это тем, что умерший человек слишком озабочен собственными необычными впечатлениями и переживаниями, для того чтобы много думать о других. Вскоре он, к своему изумлению, обнаруживает, что хотя он и пытается сообщаться с теми, кого видит, однако его эфирный голос и эфирные прикосновения равно не способны как-либо воздействовать на человеческие органы, настроенные лишь на более грубые возбудители. Это благодатный предмет для размышлений и исследований, хотя ни более полное знание о световых лучах, которые, как мы знаем, существуют по обе стороны спектра, ни о звуках, существование которых мы можем доказать вибрациями мембранны, несмотря на то, что звуки эти слишком высоки для того, чтобы быть воспринятыми нашим слухом, не продвинут нас ни на шаг в психическом знании. Поэтому, оставив всё это в стороне, давайте проследуем за судьбой отошедшего духа.

LI. Теперь он уже сознаёт, что в комнате рядом с людьми, которые были здесь при его жизни, есть ещё и другие, которые представляются ему столь же вещественными, как и живые, и среди них он узнаёт знакомые лица и чувствует, как ему пожимают руку и целуют в уста те, кого он когда-то любил на земле и потом потерял. Затем вместе с ними и с помощью и под водительством некоего лучезарного существа, которое стояло тут же и ожидало вновь прибывшего, он, к своему удивлению, устремляется сквозь все препятствия и материальные преграды навстречу своей новой жизни.

Это вполне определённое утверждение, и рассказ этот повторяется всеми, одним за другим, с настойчивостью, которая внушает доверие. Всё это сильно разнится от любой старой теологии. Дух не есть падший или отверженный ангел, но просто сам человек со всеми его достоинствами и недостатками, мудростью и глупостью, так же как и его внешностью. Вполне можно поверить, что самые пустые и глупые люди, потрясённые столь необычным и страшным испытанием, будут до такой степени напуганы, что сразу и вдруг переменятся; но впечатления скоро притупятся и изгладятся, и тогда былой нрав этих людей утвердится и в новых условиях, и глупцы останутся глупцами, что подтверждается также и некоторыми результатами спиритических сеансов.

Далее, прежде чем вступить в свою новую жизнь, дух должен пережить пору сна, бессознательности, которая может длиться самое разное время, вообще едва существуя у одних и растягиваясь у других на недели и месяцы. Мне думается, что продолжительность этого сна определяется общей суммой беспокойств и умственной перенапряжённости в земной жизни, так как более длительный отдых предоставляет большие возможности к забвению их. Это, конечно, лишь простое предположение, но налицо полное согласие мнений относительно существования такой полосы забвения после первых впечатлений духа от новой формы его жизни и прежде, чем он приступит к своим новым обязанностям.

III. Пробудившись от этого сна, дух слаб, как бывает слабо новорождённое дитя. Силы, однако, скоро возвращаются, и начинается новая жизнь. Это подводит нас к рассмотрению проблемы рая и ада. Не существует ада как места особого и постоянного. Но идея искупления, очищения страданием, т.е. чистилища, подтверждается сообщениями с того света. Без такого наказания в мире не было бы справедливости, ибо невозможно помыслить, чтобы, к примеру, у Распутина и у отца Дамиана была та же самая участь. Наказание вполне определённо и очень серьёзно, хотя в своей наименее суровой форме оно сводится к тому, что более грубые души находятся в более низких областях и с тем знанием, которое им там определили их земные деяния, но для них также есть надежда, что искупление, а также помощь Высших Духов поднимут их на более высокую ступень развития. Высшие Духи посвящают часть своей деятельности этому делу спасения.

Оставив, однако, в стороне области испытания и искупления, которые, быть может,

следует рассматривать скорее как больницу и школу для слабых душ, нежели как тюрьму для отбывающих свой срок преступников, скажем, что сообщения с того света все согласуются друг с другом в том, что условия жизни в потустороннем мире в высшей степени приятны. Они согласуются в том, что сходное и единородное притягивается и что те, кто любят друг друга или имеют общие склонности и интересы, объединяются и живут вместе, что жизнь полна интереса и деятельности и что духи не желают возвращаться назад на землю. Всё это, конечно, известия в высшей степени радостные, и я повторяю, что это отнюдь не туманная вера или смутная надежда, но неоспоримые факты, основанные на законах очевидности, согласно коим, если множество независимых друг от друга свидетельств дают сходные утверждения, то утверждения эти имеют право считаться истиной.

LIII. Теперь позвольте мне вкратце изложить, в чём суть этих утверждений. Умершие говорят, что они в высшей степени счастливы и не желают возвращаться назад. Они среди друзей, которых они любили когда-то в земной жизни и затем потеряли; друзей, которые встретили их на пороге нового мира при их смерти, и вот теперь они продолжают свой жизненный путь вместе. У них весьма много там самых разных занятий, близких им по духу. Мир, в котором они обретают себя после смерти здесь, очень похож на мир, покинутый ими, но всё в нём как бы настроено одной октавой выше, чем у нас. Мелодия играется на октаву выше, но ритм при этом остаётся прежним, соотношение нот также не изменилось, но общий итог оказывается другим; так и с переменой мира. Каждая земная вещь имеет там свой эквивалент. Скептики потешались по поводу наличия в том мире спиртного и табака,^{*} но ведь если все вещи воспроизводятся там, то было бы упущением, коли бы эти не воспроизводились на том же основании. Если бы ими злоупотребляли, как это происходит здесь, то это было бы действительно дурным известием, но ничего подобного не сообщалось, и в столь долго подвергавшемся пересудам послании Реймонда на возможность их производства указывается не как на привычную практику, но скорее в юмористическом ключе, что может служить примером возможностей, имеющихся в потустороннем мире. Хотел бы я знать, был ли среди множества духовных особ, воспользовавшихся этим пассажем, дабы атаковать само по себе Новое Откровение, хоть один человек, который вспомнил о том, что другой и единственный в своём роде пример, связывающий спиртное с потусторонней жизнью, принадлежит самому Христу, когда он говорит: «Сказываю же вам, что отныне не буду пить от плода сего виноградного до того дня, когда буду пить с вами новое вино в Царстве Отца Моего».

Однако данный вопрос не более, чем деталь, а обсуждать детали в предмете столь огромном и столь плохо различимом – занятие всегда неблагодарное. Самая мудрая женщина, которую я знал, как-то сказала мне: «Там могут и вполне должны быть весьма удивительные вещи, потому что если бы факты той жизни были сообщены нам прежде, чем мы вступим туда, мы бы никогда не смогли в них поверить». Самая простая идея о грядущей жизни заключается в том, что там получают развитие дары, коими мы обладаем уже сейчас. Есть там сфера деятельности для человека действия, интеллектуальная работа для мыслителя, художественная, литературная, драматическая и религиозная для тех, чья Богом данная сила направлена в эту сторону. Всё, что мы имеем в нашем мозгу и характере, мы уносим с собой туда. Никто не может быть настолько стар, чтобы ему не стоило учиться, потому что выученное он сохранит.

В том мире у любви нет физической стороны, как и нет деторождения, однако союз супругов, любящих друг друга, там более близок, а говоря вообще, между полами существуют более глубокие дружба, симпатия и товарищество. Каждый мужчина или каждая женщина рано или поздно находят свою духовную «половину». Души детей вырастают до взрослого состояния, так что мать, потерявшая девочку двух лет от роду и умирающая двадцатью годами позже, находит взрослую дочь двадцати двух лет, ожидающую её прихода. Старение, возникающее главным образом за счёт механического обывествления наших артерий, исчезает, и каждый индивидуум достигает своего естественного роста и наружности,

* Это курьёзное утверждение сделано Реймондом Лоджем и фигурирует в книге, изданной его отцом Оливером Лоджем под названием «Реймонд». Теперь эта книга тоже имеется по-русски: Оливер Лодж. «Реймонд, или жизнь и смерть». Перевод А.В.Михеева и И.Ф.Потаповой. Нижний Новгород, Издатель Москвичёв А.Г., 2020 г. (Й.Р.)

отмеченной совершенной мужественностью или женственностью. Пусть ни одна женщина не оплакивает свою утраченную красоту и ни один мужчина – утраченную силу тела и ума. Всё это они вновь обретут по ту сторону завесы. Ибо нет там ни уродства, ни телесной немои, всё находится в норме и достигает своего наивысшего развития.

LIV. Всякий дух во плоти переходит в следующий мир точно таким, каков он есть, без каких-либо изменений. Смерть безболезненна. Люди одеваются, как и следовало ожидать, поскольку нет никаких причин отказываться от скромности и приличий в новых условиях.* А тело наше там представляет собой точную копию нашего земного в его наиболее прекрасную пору, т.е. молодые мужают, а старики молодеют, и все, таким образом, пребывают в поре наибольшего расцвета сил. В их мире нет телесной боли, но могут быть душевные муки. Жизнь имеет большое сходство с жизнью на земле в её лучшем виде. В том мире жизнь преимущественно духовная так же, как в этом она телесная. Всепоглощающие заботы о еде, деньгах, всевозможные вожделения, боль и тому подобное исходят от тела и потому там отсутствуют. У них есть удовольствия – музыка среди них. Музыка, искусства, интеллектуальное и духовное знание значительно обогатились, и развитие их продолжается.

Духи живут семьями и сообществами, поскольку, как и следовало ожидать, всё сходное стремится к соединению, и мужской дух находит свою настоящую подругу, хотя там и нет сексуальности в грубом смысле слова и нет деторождения. Мужья и жёны неизбательно встречаются, но те, что действительно любили друг друга, непременно встречаются вновь.

Так как связи сохраняются и остаются на том же уровне, следует ожидать, что нации пока ещё грубо разделены между собой, хотя язык больше и не является препятствием, поскольку средством общения служит мысль. Человек там знает больше, чем знал при жизни. Духи пользуются превосходной справочной библиотекой либо же обладают невероятной памятью, производящей нечто вроде всеведения.** Это мир света и смеха. Общие условия жизни намного счастливее, чем на земле. Духи счастливы и не желают возвращаться на землю. Ими руководят Высшие Существа, у них нет ни богатых, ни бедных, они едят пищу.

Духи молятся и умирают в своём мире прежде, чем вступить в другой. Среди них есть католики, протестанты, буддисты и магометане, но все живут одинаково. Все признают, что ни одна земная религия не имеет преимуществ перед другой, но что характер и утончённость определяют всё. В то же время все согласны с тем, что всяческих похвал достойны религии, учреждающие молитву, отстаивающие чистоту и благородство души, внушающие презрение к мирским делам. В этом смысле и ни в каком ином, как опора для жизни духовной, любая форма религии может кому-нибудь подойти. Если вращение латунного цилиндра наводит тибетца на мысль, что есть в мире нечто более высокое, нежели его горы, и нечто более ценное, чем его яки, то на данном уровне и это уже хорошо. Мы не должны быть слишком взыскательны в таких вещах. Но если даже человек и не верит в Бога, то он не будет за это страдать в следующей жизни, хотя, правда, и не достигнет в ней высокого положения. Молитва, однако, великолепная вещь, так как она поддерживает нас в соприкосновении с миром духов.

Продолжительность жизни в их мире меньше, чем на земле. Все утверждают, что жизнь по ту сторону продолжается ограниченное время, после чего они переходят в другие стадии существования, но между теми стадиями, повидимому, больше общения, чем между нами и Страною Духов. Низшие не могут подниматься, но высшие могут спускаться по своему желанию.

* На первый взгляд, вопрос об одежде может показаться странным. Но ничего странного в этом нет. Так, на сеансах с материализацией духи, которых мы знали людьми, являются в том костюме, в каком мы видели их при жизни в материальном мире. Но что касается духов, отрёшившихся от всего земного, то их одеянье состоит большей частью из драпировки с длинными развевающимися складками, и они представляются, помимо того, с распущенными длинными волосами. (Й.Р.)

** Сегодня есть основания полагать, что второе предположение гораздо ближе к истине, хотя и превосходные библиотеки там также имеются, и в них хранится множество сочинений, неизвестных здесь у нас, на земле, либо потому, что они у нас материально не сохранились, либо потому, что были созданы авторами уже после их перехода туда. (Й.Р.)

XLV.* «Они обладают телом, которое хотя и невосприемлемо нашими органами чувств, для них тем не менее так же вещественно, как для нас наше; тело это основано на важнейших особенностях нашего земного тела, но в его улучшенном, идеализированном виде. У них нет возраста; они не ощущают боли; среди них нет ни богатых, ни бедных. Они одеваются в одежды и едят пищу; они не спят, хотя и говорят о том, что время от времени погружаются в полубессознательное состояние, которое они называют «соном», состояние это – оно мне знакомо – приблизительно соответствует гипноидальному трансу. После некоторого периода времени, который обыкновенно короче, чем средняя продолжительность жизни здесь, на земле, они переходят в какую-то следующую стадию существования.** Люди сходных мыслей, вкусов и чувств стремятся друг к другу и живут вместе. Супруги не обязательно воссоединяются, но любовь мужчины и женщины продолжается и свободна от всего, что здесь у нас препятствует её полному выражению. Сразу же после смерти человек погружается в полубессознательное состояние покоя, длительность которого у разных людей различна. Они не способны испытывать телесную боль, но временами бывают подвержены душевным мукам. Мучительная смерть совершенно неизвестна. Принадлежность к той или иной вере не создаёт различий в положении на том свете, и вся их жизнь в целом в высшей степени счастлива, и никто там даже не в состоянии себе помыслить, чтобы он вдруг пожелал вернуться на землю. Мне ни разу не встретилось само по себе слово «работа» как таковое, но было много указаний на разного рода интересы, которые их занимают. Вероятно, это другой способ говорить то же самое. У нас «работа» обычно означает «средство к существованию», а это, как мне доподлинно известно, не имеет места у них, поскольку все их жизненные потребности как-то «предугадываются» самым таинственным образом. Они говорят, что всё, что мы любим и что необходимо для нашего счастья на земле, сопровождает нас и в той жизни. Не встретилось мне также и никаких определённых сведений о каком-либо «врёменном наказании», но у меня есть указания на то, что люди там начинают свою жизнь на том умственном и нравственном уровне, с которым они покидают землю; и так как их счастье основывается главным образом на симпатии, то те, кто приходят туда с низким уровнем нравственного развития, поначалу длительное время бывают лишены возможности оценить это счастье и наслаждаться им».

LVI. Прежде чем оставить этот раздел темы, я должен сказать ещё пару слов об облике эфирного тела. Это тело – само совершенство. И иначе не могло бы и быть в наши дни, когда такое множество наших героев было покалечено в войнах. Невозможно покалечить эфирное тело, любые увечья его физического собрата его никак не затрагивают. И первые слова, которые на недавнем сеансе д-ра Абрахама Уоллеса сказал один пришедший дать о себе весть дух, были: «У меня снова есть левая рука». Родимые пятна, уродства, слепота и прочие несовершенства никоим образом не являются постоянными и исчезают без следа в той счастливой жизни, что нас ожидает. Таково Учение из мира загробного: совершенное тело ожидает каждого.

«А как же, – скажет критик, – описания, данные ясновидящими, или вообще видения, когда можно было увидеть старика-отца, одетого в старомодный наряд другой эпохи, или бабушку с кринолином и шиньоном? Это что, небесные одеяния?» Дело в том, что такие видения не являются самими духами, они лишь образы, *проекции*, которые создаются перед нами или направляются духами в наш мозг или мозг ясновидящего с целью облегчить

* Отрывок из письма Губерта Уэйлза к Конан-Дойлю, в котором он сообщает последнему сведения о загробной жизни, полученные им много раньше, чем самим Конан-Дойлем, и из другого источника. Конан-Дойль приводит это письмо в своей книге. Г. Уэйлз был пишущим медиумом, или «психографом». (И.Р.)

** Здесь и несколько выше имеется в виду главным образом перевоплощение. Умы, сформированные в традициях протестантского мировоззрения, не понимают идеи перевоплощения и её отвергают. Характерно, что даже после перехода, став духами, такие люди продолжают игнорировать закон реинкарнации – один из главнейших законов жизни. Поэтому и в посланиях духов в странах протестантских идея перевоплощения обыкновенно отрицается. В этом причина огромного превосходства французского спиритизма (или карденизма) над англо-американским спиритуализмом. (И.Р.)

узнавание. Отсюда седые волосы и отсюда же старый наряд. Когда действительно видят живого духа, он является в совершенно другом облике, облачённый в развевающиеся одежды – в таком виде традиционно описывали ангелов – и он воспринимается как живое существо, которое своей окраской и текстурой недвусмысленно указывает на духовные условия своего существования, и, вероятно, его форма есть не что иное, как конденсация ауры, окружающей нас при земной жизни.

Это мир всеобщей симпатии. Лишь те, кто соединены её узами, встречаются там. Там нет ни мрачного мужа, ни ветреной жены, чтобы докучать невинному супругу. Всё лишь улада и покой. Жизнь в том мире – длительный и целительный отдых после нервного напряжения материальной жизни и перед новыми испытаниями в будущем. Обстановка домашняя и интимная. Сообщества счастливых душ живут в уютных усадьбах со всей приятностью, какую доставляют музыка и красота. Восхитительные сады, прекрасные цветы, зелёные рощи, прелестные озёра, животные – домашние любимцы – всё с малейшими подробностями описано в посланиях путешественников-первоходцев, которые наконец смогли дать о себе весть тем, кто остался копошиться позади, в нашем старом блёклом доме. Нет там ни бедных, ни богатых. Профессионал может продолжить там заниматься своим ремеслом, но занимается он этим только ради того удовлетворения, которое приносит хорошо выполняемая работа. Каждый служит сообществу по мере своих сил, и их навещают посланцы вышних сфер, кого в Священных Писаниях именуют *ангелами*, дабы направлять обитателей того мира и помогать им. Но надо всеми, наполняя всё своей аурой, пребывает великий дух Христа – самоё душа разума, справедливости, сочувственного понимания, предметом предпочтительной заботы коего является планета Земля со всеми её мирами. Это место духовной радости и веселья. Есть в том мире всевозможные виды игр и спорта, за исключением всего того, что может причинить боль низшим формам жизни. Пища и питьё в грубом смысле не существуют, но, как кажется, там имеются удовольствия вкуса, и это отличие порождает неясность, не дающую толком понять смысл посланий по этому поводу. Но выше всего стоят ум, энергичность, сила характера, сила духа, и если они устремлены к добру, они делают человека лидером там, как и здесь. Бескорыстие, терпение и духовность в том мире, как и в нашем, определяют душе более высокие места, причём последние нередко достигаются благодаря тем самым невзгодам нашей жизни, которые представляются нам здесь такими бессмысленными и жестокими, но на самом деле являются для нас благоприятной возможностью ускорить своё духовное развитие, без чего наша материальная жизнь была бы бесплодна и напрасна.

LVII. Новое Откровение упраздняет идею о гротескном аде и фантастическом рае, вводя вместо них концепцию постепенного восхождения по ступеням существования без чудовищной перемены, которая бы во мгновение ока превращала нас из человека в ангела или демона. Эта система взглядов хотя и отличается от предшествующих идей, не идёт, как мне кажется, радикальным образом против старых форм веры. На старинных картах их составители имели обыкновение помечать белые пятна, указывающие на неисследованные районы, надписями: «Здесь живут антропофаги», «Здесь владения людоедов» или «Место произрастания мандрагоры». Так и в нашей теологии имелись плохо изученные области, которые по общему согласию были оставлены незаполненными, ведь ни один человек в здравом уме не верил в тот рай, что описан в наших книгах псалмов – этакую страну музыкальной праздности и бесплодного монотонного поклонения. Стало быть, внося ясность об обитателях этих неведомых пространств, новая система ничего не упраздняет. Мы просто стираем на наших теологических картах белые пятна, нанося соответствующие рисунки и надписи.

LVIII. Вполне можно, однако, спросить: допустим, существование такой жизни и такого мира, как они были описаны, вполне удостоверено, но что происходит тогда с теми, кто не заслужили столь благоприятной доли? Что послания из мира иного говорят по их поводу? Но здесь как раз и не следует быть слишком категоричными, потому что нет смысла заменять одну догму другой. Можно дать лишь общий смысл такой информации, достоверность которой нам вполне гарантирована. Естественно, что те, с кем мы вступили в контакт,

являются теми, кого мы в подлинном смысле слова можем назвать *блаженными*, потому что если к вызыванию духов подходить в почтительном и религиозном духе, на наш призыв закономерно откликаются именно такие души. То, что имеется множество менее удачливых, чем они сами, явствует из их постоянных намёков на возрождающую и возвышающую миссионерскую деятельность, которая входит в число их занятий. Они, повидимому, спускаются в низшие области и помогают их обитателям достичь той степени духовности, которая позволит им перейти в высшую сферу. Это напоминает то, как если бы студент старшего курса приходил в класс к студентам младших курсов, для того чтобы провести занятия с отстающими. Такое понимание даёт прояснение замечанию Христа, когда он говорит, что в раю больше радости по поводу спасения одного грешника, нежели прихода девяносто девяти праведников, ибо скажи он это о земном грешнике, то тот определённо должен был бы стать праведником в этой жизни и тем перестал бы быть грешником прежде, чем достиг бы рая. Но если говорить о грешнике, спасённом из низшей сферы и перенесённом в более высокую, то слова эти точно описывают происходящее.

LIX. Теперь несколько слов по поводу текстуры духовного тела, которая представляется нам *призрачною*, эфемерною. Не следует забывать, что всё зависит от соотнесения со своим окружением. Если б мы могли помыслить мир, который был бы в тысячу раз плотнее, тяжелее и темнее нашего, мы ясно увидели бы, что для своих обитателей он будет казаться таким же, каким нам кажется наш, при условии, что сила и ткань в нём будут находиться в том же соотношении. Если, однако, обитатели такого мира соприкоснутся с нами, то мы покажемся им существами в высшей степени воздушными, живущими в какой-то странной атмосфере света и духа. Они, быть может, не вспомнят, что и мы чувствуем и действуем так же, как они, при условии, что наше существо и окружение гармонируют и соотносятся друг с другом.

А теперь давайте рассмотрим другой случай – с жизненным слоем, который настолько же превосходит наш, насколько мы превосходим мир свинцовых людей. Нам тогда также покажется, что люди эти, эти «духи», как мы их называем, обитают в мире туманов и теней. Мы не учтываем при этом, что и там всё находится в соответствии и гармонии, и поэтому область, в которой духи живут и движутся и которая кажется нам миром иллюзий и грёз, для них так же реальна, как для нас реальна наша планета, а духовное тело настолько же вещественно для другого духа, как наше земное тело вещественно для других людей.

LX. Есть ющё и другой вопрос, заслуживающий того, чтобы быть здесь рассмотренным, поскольку на первый взгляд он, пожалуй, способен даже ужаснуть, хотя всё же и поддаётся анализу, коль скоро мы за него возьмёмся. Я имею в виду постоянное утверждение из потустороннего мира о том, будто новоприбывшие не знают, что они умерли, и что проходит много времени, иногда слишком много, прежде чем они окажутся способны это понять. Они все согласны с тем, что подобное состояние замешательства и неопределённости очень вредно для духа и тормозит его развитие и что некоторое знание этой первостепенной истины на земле есть единственный способ уберечь себя от поры тоски и отчаяния в загробной жизни. Не приходится удивляться тому, что они, оказавшись в условиях совершенно отличных от тех, к которым их готовило любое из научных или религиозных учений на земле, воспринимают свои новые необычные ощущения как странный сон, и чем более правоверны или материалистичны были их взгляды при жизни, тем труднее им окажется принять эти условия со всем тем, что они налагают. По этой самой причине и ющё по некоторым другим данное Откровение крайне необходимо всему человечеству. Достижением наименьшей практической важности будет хотя бы то, что и людям преклонного возраста придётся понять, насколько им ющё необходимо развивать свой ум: ведь если у них и не окажется времени применить свои знания в этом мире, то они останутся при них как неотъемлемая часть их умственного богатства в последующей жизни.

LXI. Такова в общих чертах потусторонняя жизнь в простейшем своём выражении, ибо на самом деле она отнюдь не проста, и мы улавливаем лишь слабые отблески бесконечных кругов внизу, спускающихся во мрак, и бесконечных кругов вверху, восходящих к Божественному сиянию, которое развивает, определяет и оживляет все и вся.

Что касается больших подробностей относительно потусторонней жизни, то ими, вероятно, даже лучше и пренебречь по той простой причине, что это большие подробности. Мы все вскоре узнаем их сами, и одно лишь праздное любопытство побуждает нас спрашивать о них сейчас. Ясно одно: в том мире существуют духи и более высокой организации, для которых синтетическая химия – та, которая не только создаёт материю, но и изготавливает из неё предметы – является делом привычным. Во время некоторых сеансов мы видели их за работой в нашей грубой среде, на которую настроены наши материальные ощущения. Если они могут создавать видимые предметы даже в земных условиях, в ходе некоторых наших сеансов, то чего тогда только ни ожидать от них в их собственной среде, когда они работают над сотворением эфирных предметов? Вообще говоря, можно сказать, что духи в состоянии воссоздать любой предмет, аналогичный уже существующему на земле. То, как они это делают, возможно, остаётся предметом догадок и размышлений для менее развитых духов точно так же, как для нас предметом догадок и размышлений являются достижения современной науки. Ведь если бы вдруг какой-то обитатель нечеловеческого мира вызвал одного из нас и попросил его объяснить, что такое тяготение или что такое магнетизм, то как бы беспомощно мы выглядели!

LXII. Вступив таким образом в контакт с дорогими нам умершими, мы, естественно, начинаем спрашивать их, как обстоят их дела и каковы условия их существования. Это вопрос чрезвычайной важности, ибо не приходится сомневаться, что то, что вчера случилось с ними, завтра произойдёт и с нами. И тут их ответ переполняет нас величайшей радостью. В Новом Откровении человечеству нет ничего важнее этого. Оно отмечает все ужасные страхи и домыслы, основанием которых является большое воображение и неистовая восточная фразеология. Мы приходим к тому, что здраво, к тому, что исполнено меры, к тому, что разумно, нам открываются бесконечность эволюции и Благость Божья. И не было на свете иных сознательных богохульников, которые бы так глубоко оскорбляли Божество, кроме тех экстремистов (независимо от того, были ли они кальвинистами, католиками, [православными, – Й.Р.], англиканцами или иудеями), которые своимискажённым умом рисовали неумолимого истязателя в качестве Управителя Вселенной!

Истинность того, что нам сообщается о потусторонней жизни, по самой своей природе никогда не может быть установлена абсолютным образом. *Тем не менее она гораздо больше к полной доказанности, чем у любого предшествующего ей религиозного откровения* [Курсив наш, – Й.Р.]. Налицо неоспоримый факт, что эти отчёты смешаны с другими, касающимися нашей нынешней жизни, которые зачастую оказываются абсолютно верными. Если дух в состоянии сообщить нам истину о нашем мире, то трудно предположить, что он находится в полном заблуждении по поводу своего собственного. Затем опять-таки есть большое взаимное сходство в отчётах такого рода, хотя происходить они могут от людей весьма далёких друг от друга. Таким образом, хотя они и не являются, если использовать современный жаргон, «вполне удостоверенными», тем не менее они удовлетворяют всем требованиям правдивости. Целый ряд книг, привлекших к себе куда меньше внимания, чем оне того заслуживают, дают описание будущей жизни со всевозможными подробностями. Таких книг не найти в привокзальных киосках или в обычных библиотеках, но сам факт их регулярного переиздания говорит о том, что есть гораздо более глубокая читающая публика, которая достаёт то, чего хочет, вопреки всем искусственным препятствиям.

LXIII. Самым абсурдным из множества абсурдных обвинений, предъявляемых Спиритизму, является утверждение, будто на эту тему нет литературы. На самом же деле объём такой литературы настолько велик, что в этом с ним не сравнится никакая другая религия, и можно с уверенностью сказать, что если какой-нибудь усердный читатель решит изучить её всю, то и после пятидесяти лет упорного чтения он всё ещё будет очень и очень далёк от завершения начатого.

LXIV. Спириты имеют одно из величайших преимуществ перед древними служителями промысла Божьего: впервые установив контакт с умами, населяющими потусторонний мир и посещающими иногда человечество, они прежде всего поинтересовались условиями их жизни

там и тем, каким образом влияют на неё поступки человека в земной жизни. Ответы на эти главные вопросы в основном подтверждают взгляды, которых всегда придерживались те или иные религии, и показывают, что путь к вечной благодати лежит через добродетель. Прослеживается в них и определённая система взглядов, проливающая свет на интуитивную космогонию древности. Она описана во многих книгах, посвящённых тем, кто прошёл испытание новой жизнью. Не следует забывать, что многие из этих книг принадлежат перу отнюдь не профессиональных писателей. Примером могут быть произведения, написанные посредством автоматического письма, когда «писатель» лишь фиксирует сообщения, передаваемые бесплотными умами. Встречаются, правда, среди них и произведения, отмеченные писательским или компиляторским талантом.

LXV. В трёхуровневой иерархии загробного мира наличествуют существа, не утратившие полностью связи с землёй. Хотя они и поменяли своё бренное тело на эфирное, но пребывают где-то близко от нашего мира – то ли в силу своей вульгарной натуры, то ли из-за преобладания у них мирских интересов. Организация этих потусторонних форм настолько примитивна, что они могут даже внедрять себя в сознание тех, кто не обладает даром ясновидения. Существование этого несчастного класса мятущихся духов объясняет появление привидений, призраков, видений и пользующихся дурной славой мест, которые сопутствовали человечеству в любую эпоху. Эти существа, насколько мы можем судить, долго не могут встать на путь духовного служения, колеблясь между добром и злом. Только после того, как ослабевает земное притяжение, они начинают своё новое существование.

Те, кто понастоящему решил изменить свой прежний духовный статус, вскоре оказываются в том жизненном пространстве, которое соответствует состоянию их духа. Наказанием за жестокость, жадность, фанатизм и легкомыслие становится помещение их в круг себе подобных и в миры, погружённые если не в полный мрак, то в туманную мглу, призванную олицетворять их духовное развитие. Но такое окружение не бывает постоянным. Те, кто не предпринимают попытки к духовному совершенствованию, могут оставаться в сумрачных мирах неопределённое время, тогда как другие, внявшие наставлениям духов-направников, вскоре начинают бороться за восхождение в иные, более просветлённые сферы. Из собственного опыта по общению с духами в семейном кругу я узнал, как войти в контакт с существами, блуждающими во тьме, и испытал чувство удовлетворения, получив от них благодарность за то, что открыл им глаза на причины их незавидного положения и показал путь к выходу из него.

LXVI. Близкое знакомство с потусторонними явлениями лишает их той атмосферы таинственности и смутной угрозы, которой наделяют источник своих страхов люди с пылким воображением. Человек неспособен испытывать одновременно два сильных чувства, и если в данный момент преобладает любопытство или страсть исследователя, то места для заурядного страха просто не остаётся.

LXVII. Нужно сказать слово и по поводу страха перед демонами и злыми духами, который, по видимости, обладает большим весом в глазах некоторых критиков разбираемого вопроса. При более пристальном взгляде на эту эмоцию, заботящую главным образом ретивых последователей Церкви, обнаруживается, что она таит в себе нечто эгоистичное и трусивое. Эти злонамеренные создания в действительности являются нашими братьями, отставшими, правда, от нас в развитии, но они идут к той же цели, что и мы, а задержались в развитии они, быть может, по причинам, частичную ответственность в коих могут иметь земные условия нашего существования. Чрезмерная привязанность к материальным вещам, даже в самой невинной форме, становится непреодолимой преградой к духовному развитию. Наши сострадание и симпатия должны обратиться к ним, и если такие существа в самом деле проявятся на сеансе, то истинно христианское отношение к ним, на мой взгляд, будет состоять в том, чтобы увещевать их и молиться о них, дабы помочь им в продвижении по их трудному пути. Те спириты, которые поступали с ними таким именно образом, при последующих их проявлениях могли заметить происшедший в них прогресс. В «Проблесках последующей жизни» адмирала Азборн-Мура можно найти поразительные записи одного американского

спиритического кружка, члены которого целиком посвятили себя миссионерской деятельности этого рода.* Есть определённый смысл верить в то, что существуют формы несовершенного развития, которым в гораздо большей степени могут оказать помощь на земле, нежели через чисто духовные влияния потустороннего мира, по той, быть может, причине, что эти существа гораздо ближе к земному уровню, нежели к духовному.

LXVIII. Такие духи являются постоянной угрозой человечеству. Если защитная аура человека окажется нарушенной, они могут стать паразитами, подчинив себе своих хозяев. Возможно, что наука будущего выявит ещё немало случаев необъяснимой мании, бессмысленного насилия или неожиданных склонностей к дурным привычкам, вызванных указанной причиной. Она также может являться дополнительным аргументом против применения смертной казни, так как она усиливает ожесточение преступника и – как следствие – приумножает силы зла. Изучение данного феномена осложнено существованием среди мятущихся духов мыслящих форм и форм, обладающих памятью, причём не все из них являются носителями зла. Например, возможно, что духи монахов, посещающие святые места в Гластонбери, могут быть привязаны к старой обители благодаря верности своему обету.

LXIX. Если о положении связанных с землёй духов нам известно очень мало, то ещё менее осведомлены мы о кругах наказания. Несмотря на свою сенсационность, повествование мистера Уарда «Ушедшие на Запад»* кажется более сдержаным и достоверным, чем книга преподобного Вэйл-Оуэна «Жизнь по ту сторону завесы»**. Сохранились также описания видений Сведенборга в «Спиритизме» Эдмондса*** и другие труды. Отсутствие информации из первых рук объясняется тем, что, к сожалению, в отличие от Гамлета мы не можем напрямую общаться с обитателями этих низших сфер. Мы знаем об этом понаслышке от Высших Духов, которые ведут миссионерскую деятельность среди низших существ. Трудности и опасности, сопутствующие им, сродни тем, с которыми сталкиваются добровольцы, пытавшиеся на земле обратить в христианство представителей чёрной расы. Мы читаем о сошествии Высших Духов в низшие сферы, об их битвах с силами зла, о князьях тьмы, которые безраздельно властвуют в своём царстве – в этой грандиозной клоаке, куда постоянно стекаются психические нечистоты. Но миссионерская деятельность Высших Духов имеет целью не наказание, а исцеление. Можно сказать, что низшие сферы – суть безликие залы ожидания (госпитальные палаты для больных душ), где духовный опыт призван вернуть страждущим здоровье и счастье.

LXX. Наша информация не будет полной, если мы не окнем взглядом более высокие сферы, которые, кажется, являются отражением счастья и красоты духовного развития своих обитателей. Если вспомнить, что понятие «духовное развитие» включает в себя доброту и бескорыстие, то становится ясным, в каком направлении должен идти процесс духовного роста. Этот процесс не зависит от интеллекта, хотя союз интеллекта с духовными качествами способствует формированию более совершенных существ.

Условия жизни в загробном мире изображаются в невероятно радостных тонах, и это только естественное отражение милосердия и справедливости Верховного Ума, позаботившегося о том, чтобы нормой посмертной жизни было именно счастье. Особый воздух, пейзажи, дома, местность, занятия жителей загробного мира – всё это описано детально и с комментариями, которые безусловно убеждают в его реальности. Хотя эти описания представлены в иносказательной форме или в виде аналогий, я склонен принимать их на веру. Так, я верю в то, что «Саммерленд» (Summerland – Страна Вечного Лета, – Й.Р.),

* «Тридцать лет среди умерших» д-ра Викленда (“Thirty Years Among the Dead” by Dr. Wickland); «Проблески последующей жизни» адмирала Азборн-Мура (“Glimpses of the Next State” by Usborne Moore) – в этих книгах представлено наиболее полное описание состояния связанных с землёй духов. (А.К.Д.)

* “Gone West” by Ward.

** “Life Beyond the Veil” by Vale Owen.

*** “Spiritualism” by Judge Edmonds.

как Дэвис называл мир духов, достаточно реален и объективен как для его обитателей, так и для нас. Предвижу вопрос: «Почему же мы не видим его?» Мы должны понимать, что эфирная жизнь протекает в эфирных условиях. Пять наших материальных чувств созвучны материальному миру, в то время как эфирные существа пребывают в гармонии со свойствами и звуками эфирного мира. Слово «эфир» в данном случае используется лишь для обозначения более тонкой субстанции, отличной от земной атмосферы.

Духовные небеса кажутся нам сублимированной эфирной копией Земли и земной жизни, но жизни более возвышенной и качественной. «Как на Земле, так и на небесах», – сказал Парацельс, и его слова стали лейтмотивом истории Вселенной. Тела и их духовные или интеллектуальные качества, по его представлению, остаются неизменными в результате перемещения из одного вселенского пространства в другое. Не изменяется также и его форма, за исключением того, что молодой и старый приобретают зрелую наружность (в земном понимании этих слов). Приняв во внимание это утверждение, мы должны признать и логически вытекающий из него вывод о том, что и всё их окружение подобно земному: занятия и в целом система жизни должны быть такими, чтобы предоставить личности возможность для проявления её талантов. Художник без искусства или музыкант без музыки – фигуры, безусловно, трагические. Подобные ограничения губительны для человечества. По ту сторону границы земного мира существует очень сложное по своей организации общество, в котором каждая личность находит себе занятие, приносящее ей удовлетворение. Иногда личности предоставляется выбор. Так, в «Истории Лестера Колтмана» покойный студент пишет: «Через некоторое время после смерти я был поставлен перед выбором: музыка или наука. После серьёзных размышлений, я предпочёл сделать музыку своим хобби, а главные силы направил на занятие наукой во всех её проявлениях». После такого заявления естественно возникает желание получить более детальное описание содержания и условий этих научных занятий. Лестер Колтман сообщает следующее: «Лаборатория, в которой я работаю, предназначена для исследований паров и жидкостей, образующих тот барьер, который мы смогли бы преодолеть посредством усиленного изучения и экспериментов. Мы уверены, что в результате этих исследований нами будет найдено заветное «Сезам, откройся!» к вратам, отделяющим землю от наших сфер».*

Лестер Колтман предоставил полное описание своей работы и условий, в которых она проводилась. Его можно цитировать как наиболее типичное. Он говорит:

«Обитатели земли настойчиво интересовались характером наших жилищ, основами устройства общества, в котором мы живём и работаем. Этот интерес вполне естествен, но описать наш мир земными словами довольно сложно. На примере моей жизни вы сможете представить себе и жизнь других духовных существ, имеющих другой темперамент и тип мышления.

Областью моих интересов была наука, и я продолжил заниматься ею, оказавшись здесь. Для этого я часто посещаю лабораторию, предоставившую все необходимые условия для проведения моих экспериментов. Я живу в собственном доме, очень комфортабельном, с библиотекой, полной книг не только по истории, науке, медицине, но и по другим областям знаний: для нас книги так же важны, как и на земле. В доме есть музыкальный кабинет с полным набором необходимых мне музыкальных инструментов. Дом украшен картинами редкой красоты и обставлен мебелью, спроектированной по моему заказу. В настоящее время я живу один, но друзья часто навещают меня, как, впрочем, и я их. Когда неизъяснимая грусть одолевает меня, я посещаю тех, кого более всего любил на земле.

Из моих окон открывается прекрасный деревенский пейзаж, а неподалёку от моего жилища расположен дом-коммуна, где счастливо живут многие добрые души, работающие в моей лаборатории... Старица Китаец – мой главный ассистент, помогающий мне проводить химические анализы, – заведует этой коммуной. Он замечательная душа, вызывающая большую симпатию, одарённая философским талантом».^{**}

* «The Case of Lester Coltman» by Lilian Walbrook, p.34. Недавно эта книга была издана по-русски: Лилиан Уолбрук. «История Лестера Колтмана». Перевод И.Ф.Потаповой и А.В.Михеева, Нижний Новгород, Издатель Мостович А.Г., 2020 г. (Й.Р.)

** Ibidem, pp. 32-33.

LXXI. А вот ещё одно описание:

«Очень сложно рассказывать о работе в духовном мире. Она распределяется между всеми в зависимости от прогресса, достигнутого личностью. Если душа приходит напрямую с Земли или из другого материального мира, то она должна осознать свои прошлые заблуждения, для того чтобы достичь совершенства здесь. Если вы обладали яркими музыкальными или иными способностями, то здесь эти таланты достигнут наивысшего расцвета. Музыка – один из величайших двигателей прогресса в загробном мире, и хотя развитие музыкальных и художественных талантов достигает здесь своего пика, великая работа по самосовершенствованию душ в Вечной Жизни не прекращается.

Здесь существуют школы обучения для детей-духов. Кроме преподавания наук о Вселенной, других мирах и других царствах, принимающих законы Господа, в них дают уроки бескорыстия, истины и чести. Прошедшие обучение в духовной школе дети-духи по свойствам своего характера наилучшим образом подходят для появления в вашем мире.

Те, кто провёл все свои земные годы в физических лабораториях, войдя в этот мир, должны учиться всему заново. Работа – смысл жизни здесь, и те, кто стал учителем душ, познали многое и о своих собственных душах. Души литераторов стали великими ораторами, оне вдохновенно говорят и учат. Есть здесь и книги, но они значительно отличаются от ваших. Тот, кто изучил ваши законы, может стать учителем правоведения в духовной школе. Солдат, пройдя уроки правды и чести, становится духом-наставником и помогает душам в любой точке планеты бороться за истинную веру в Бога».*

LXXII. В домашнем кружке автора дух близкой подруги семьи рассказал о своей загробной жизни в форме вопросов и ответов:

«Чем ты теперь занимаешься?

– Музыкой и детьми, познаю любовь и материнство, и многое другое, что совсем не напоминает те занятия, которыми я была увлечена на мрачной земле. Среди нас не возникает разногласий, и это делает нашу жизнь более полной и счастливой.

Расскажи нам о твоём жилище!

– Оно очень симпатичное. Я никогда не видела ничего подобного на земле, так что не с чем сравнить. Так много цветов! Пёстрый цветной ковёр окружает моё жилище со всех сторон, издавая очень изысканный аромат.

А ты бываешь в других домах?

– Нет, здесь каждый имеет возможность наслаждаться покоем. Некоторые предпочитают общение с природой. Каждый дом – это оазис. Потусторонний мир – это не только живописные пейзажи, но и симпатичные дома, населённые прекрасными, добрыми, красивыми людьми, испытывающими радость и блаженство просто от того, что они живут в таком замечательном месте. Да, это прекрасно! Никакой земной разум не может постичь то чудо, которое дарует нам этот мир. Краски так изысканны, а отношения в обыденной жизни намного теплее».

LXXIII. Можно извинить резкий тон следующего сообщения, поскольку содержащаяся в нём информация вызывает полное доверие тех, кто уже соприкасался с подобными фактами.

«Ради всего святого, остановите неверующих тупиц! Мир так нуждается в этом знании! (т.е. Спиритизме, – Й.Р.) Если бы я мог знать об этом на Земле, то это изменило бы полностью мою жизнь. Свет солнца озарял бы мой тернистый путь, если бы я знал, что мне предстоит после смерти.

Здесь нет никаких споров и раздоров, никаких столкновений. Я интересуюсь многими вещами, особенно тем, что касается мира людей: прогрессом человечества и более всего духовным возрождением земного мира. Я один из тех, кто работает в этом направлении рука об руку с вами.

Долой страх! Свет победит тьму, в которую вы погружены. Это случится очень скоро, как только Бог захочет этого. Ничто не остановит прогресса, никакие силы тьмы не могут противостоять Богу: их толпы будут сметены. Познайте нас лучше, и тогда наша сила придёт

* Thought Lectures. “The Spiritual's Reader”, p.53.

вам на помощь».

На вопрос: «Где же Вы?» – последовал ответ:

«Это очень сложно объяснить Вам с позиций потустороннего жителя. Я там, где мне было хотелось находиться больше всего, с моими возлюбленными и близкими, там, где я могу быть в тесном соприкосновении со всеми вами, оставленными мною на земле».

Вопрос: Употребляете ли вы пищу?

«Нет, в привычном для вас понимании, но питаемся мы гораздо вкуснее. Здесь такие приятные эссенции, вкусные фрукты и другие вещи, которых нет на земле.

Поразительное существование ожидает вас здесь: красивее и возвышеннее земного, приятнее и светлее. Жизнь на земле – лишь приготовление к жизни в наших сферах. Без подготовки я бы не был способен войти в этот великий и прекрасный мир. Земля – то место, где мы учимся, а этот мир – великая награда нам за учение, наш истинный дом и подлинная жизнь, это – луч солнца после дождя».

LXXIV. При прочтении многочисленных описаний потусторонней жизни может возникнуть вопрос: насколько можно им доверять? Во многом совпадающие, они даруют нам великое утешение, и это является аргументом в пользу их правдивости. Можно заявить, что эти совпадения объясняются их происхождением из общего земного источника, но такое предположение несостоительно. Многие описания дошли до нас от тех, кто никоим образом не был знаком со взглядами других людей на ту же проблему, и тем не менее они невероятным образом совпадали в самых мельчайших подробностях. Каждый из фактов в отдельности можно как-то объяснить, но, когда дюжина фактов указывает на одно и то же, есть повод задуматься. Должен же быть какой-то предел совпадениям. В Австралии, например, автор ознакомился с подобными рассказами, написанными людьми, жившими друг от друга на значительном расстоянии, и они были искренне удивлены совпадением своих записей. Одним из таких поразительных случаев можно считать историю мистера Губерта Уэйлза. Этот джентльмен, скептик по природе, прочёл упомянутые автором рассказы о жизни после смерти, затем извлёк собственную рукопись, написанную много лет тому назад, и послал её автору забавы ради. Он писал: «После прочтения Вашей статьи я был поражён, даже напуган тем, что многие подробности в моём описании загробной жизни совпадали с приведёнными Вами фактами, взятыми из разных источников».

LXXV. Способна ли эта философия совершить переворот во всеобщем поклонении Пречистому престолу, привычному для всех нас с детства? Как бы там ни было, она отлична от других и более обоснована; она сулит широкое поле для развития всех дарованных нам свыше возможностей. Ортодоксы утверждают неизменность таких божественных атрибутов, как Престол, венец, арфы и прочая. Но кажется более благоразумным допустить, что некоторые из них имеют право на существование в формах, более соответствующих современным реалиям. Ознакомление с опытом человечества показывает, что античный Элизиум и богатые охотничьи угодья краснокожих индейцев более походят на реальные описания потусторонних миров, чем любые фантастические представления о рае и аде, восторженно излагаемые теологами, выискивающими аналогии в своём воображении.

Рай многим представляется таким будничным и домашним, совсем земным, но мы должны помнить, что психическая и духовная эволюция – процесс медленный и постепенный. В данный момент мы находимся на низких ступенях духовного развития и не можем даже мечтать о том, чтобы быстро пройти все промежуточные состояния и достичь границ Божественного. Эта работа затянется на века и на эры. Мы ещё не способны к настоящей духовной жизни. Но когда мы станем совершеннее, когда улучшится среда нашего существования, мы устремимся к Седьмому небу, где наша душа утонет в блеске славы, недоступной человеческому воображению.

LXXVI. Таков в очень сжатом выражении мир, который открывают нам эти удивительные послания, пришедшие из-за могилы. Можно ли признать то, что мы здесь видим, неразумным? Противостоит ли это в чём-либо нашим понятиям о справедливости? Не будет ли оно, напротив, настолько разумно, что, имея теперь этот ключ, мы можем с

предельной ясностью видеть, что это как раз то направление, которому нам лучше всего следовать даже ценой собственной жизни? Природа и эволюция не содействуют внезапным, ничем не подготовленным процессам. Если у человека есть склонность к занятиям техникой, литературой, музыкой и т.д., то они составляют основную часть его характера, и всякая попытка выжить или перейти в иную жизнь без них означала бы утрату своей индивидуальности, своего «я» и превращение в совершенно другого человека. Стало быть, чтобы личность сохранилась, эти качества должны пережить самое смерть. Но в сохранении этих качеств не было бы никакого смысла, если они не найдут себе средств выражения, а средства выражения, очевидно, требуют определенных материальных посредников, агентов, а также разбирающихся ценителей, публику. Также чувство стыда среди цивилизованных рас стало частью нас самих и требует прикрытия некоторых частей нашей телесной формы, если личность продолжает свое существование. Наши желания и симпатии побуждают нас жить с теми, кого мы любим, что повлечет за собой создание какого-то подобия дома, в то время как человеческая потребность в отдыхе ума и частной жизни повлечет за собой существование также раздельных комнат. Таким образом, исходя из принципа сохранения личности, можно даже без Откровения из потустороннего мира создать дедуктивным методом вполне аналогичную систему, следуя лишь доводам здравого смысла.

Что касается самого существования этой страны счастья, то оно, повидимому, гораздо более полно доказано, нежели какая иная известная нам религиозная концепция.

Можно с полным основанием спросить, до какой степени столь точное описание жизни по ту сторону могилы является лишь моей собственной концепцией и в какой мере его разделяют более великие умы, изучавшие данный предмет? Я бы ответил, что сказанное – это мой собственный вывод, сделанный на основании анализа большого числа наличествующих свидетельств из мира иного, и что основные черты его уже многие годы приняты тем великим множеством молчаливых активных тружеников во всем мире, которые смотрят на это дело со строгого религиозной точки зрения. Я полагаю, что имеющиеся данные в достаточной степени служат нам подтверждением этой веры. С другой стороны, те, кто подошли к данной теме с холодностью и осторожностью, характерными для научного склада ума, будучи наделены во многих случаях сильнейшим предубеждением против догматических верований прошлого и питая вполне естественные опасения по поводу возможного возобновления теологических распри, зачастую предпочли не дойти до полного принятия, заявив, что по данному вопросу позитивные доказательства невозможны и что мы можем вводить себя в заблуждение либо отражением наших собственных мыслей, либо получением впечатлений от медиума. Профессор Цолльнер, например, говорит: «Содержание духовных откровений для науки оказывается совершенно бесполезным, наука должна руководствоваться лишь наблюдением фактов и выводами, логически и математически объединяющими их в систему».

Данное высказывание немецкого учёного целиком разделяет и профессор Рейхель. Такая позиция, по видимости, служит указанием на желание обойти молчанием религиозную сторону вопроса, и это действительно характерно для большинства наших крупнейших сторонников от науки. Такую точку зрения вполне можно понять, и всё же при пристальном рассмотрении подобный подход оказывается не чем иным, как своеобразным расширенным материализмом. Допускать, как то делают эти учёные, что духи возвращаются, чтобы говорить с нами, что они дают все необходимые доказательства тому, что они есть утраченные нами друзья, и всё-таки оставаться глухими к содержанию посланий, которые они направляют нам, значило бы, наверное, доводить научную осторожность до полного абсурда. Зайти так далеко и, однако, не идти дальше – в подобном положении невозможно оставаться долго.

LXXVII. Настоящему исследователю психического приходится удерживать равновесие между теми, кто не поверит ничему, и теми, кто готов поверить слишком многому.

LXXVIII. Нельзя отрицать пользу критического подхода. Однако весьма странным кажется то, что гипотеза, сулящая, окажись она верной, такие замечательные возможности, как приоткрытие завесы, окутывающей тайну смерти, и непосредственное общение со

святыми, вызвала не столько трезвую критику, тоже, впрочем, имевшую место, сколько бурю непростительных ни при каких обстоятельствах оскорблений и ругани. Причина, повидимому, в том, что невозможно ожидать объективности от толпы, погрязшей в невежестве. Разум среднего гражданина занят исключительно сиюминутными проблемами, в нём нет места для размышлений о серьёзных предметах и глубоких истинах.

Представьте себе дилетанта-астронома, не имеющего даже подзорной трубы, который насмешливо и высокомерно оспаривает выводы учёных, работающих с телескопом, и вы поймёте, кому подобны люди, не обладающие собственным опытом в области психических явлений, но тем не менее высказывающие критические суждения по этому вопросу.

LXXIX. Уверенность в будущей жизни – величайшее из возможных благословений.

LXXX. Людская враждебность ко всем спиритическим явлениям была столь велика, что поневоле сделаешь вывод о вмешательстве тёмных сил. Касаясь этого аспекта проблемы, мистер П.Б.Рэндалл говорит:

«В сознании некоторых людей таится хроническая антипатия, даже ненависть по отношению ко всему спиритическому. Как будто воздух насыщен некоторыми испарениями – некоторым подобием ментальных спор, вдыхаемых огромным большинством человечества. Они воспламеняют сильнейший ядовитый огонь, стремящийся сжечь тех, чья миссия – принести мир на нашу землю и добрые побуждения в сердца людей. Люди будущего очень удивляются, прочитав, что Дэвенпорты и другие медиумы были вынуждены терпеть самую непримиримую враждебность со стороны современников; что они, и среди них пишущий эти строки, пережили неописуемые ужасы всего лишь за намерение убедить современников в том, что человек – это не зверь, лишенный души, которому сужено погибнуть, не оставив после себя ничего, что он бессмертная, вечная душа, которая переживёт распад своего тела. Кроме медиумов, никто не может продемонстрировать реальность факта загробного существования, однако (странные противоречие!) они подвергаются преследованиям именно со стороны тех, чья обязанность убеждать других в бессмертии души».

LXXXI. В наши дни психические явления знакомы каждому, кто не упорствует в собственном невежестве. Мы достигли теперь такой точки, когда дальнейшие доказательства становятся излишними и когда вся тяжесть сомнений и опровержений целиком ложится на тех, кто отрицает существование этих явлений. Но как раз те люди, которые требуют доказательств, как правило никогда не дают себе труда ознакомиться с теми многочисленными доказательствами, которые уже есть. Похоже, каждый считает, будто весь предмет должен быть пересмотрен заново только потому, что лично ему требуются какие-то сведения.

Метод наших оппонентов состоит в том, что они накидываются на того, кто последним подал голос, и затем обращаются с ним так, как будто он выступил с какими-то совершенно новыми взглядами, коих единственным поборником он является, нисколько не считаясь с тем, что ещё и прежде так много самостоятельных тружеников дало им своё подтверждение. Это нечестная манера критики, ибо в каждом деле согласование независимых свидетельств – самый лучший способ убеждения. Однако у нас имеется множество свидетельств, которые не нуждаются и в таком согласовании, поскольку даже нескольких отдельных фактов вполне достаточно для того, чтобы раз и навсегда решить для себя этот вопрос. Если б, например, наше знание о неведомых силах основывалось только на исследованиях доктора Кроуфорда из Белфаста, который посадил испытуемого медиума на стул-весы таким образом, чтобы ноги её не соприкасались с полом, и смог зарегистрировать в связи с происходящими психическими феноменами разницу в весе порядка нескольких фунтов, проверив результаты и записав ход опыта с истинно научным знанием дела, то я не вижу, как его можно было бы опровергнуть. Феномены эти существуют и давным-давно были твёрдо установлены для всех людей с открытым, непредвзятым умом. Сейчас можно лишь сказать, что время научных исследований прошло и наступила пора религиозного строительства.

LXXXII. Среди всех бесчисленных поколений человечества именно нам было уготовано

судьбой столкнуться лицом к лицу с самым страшным бедствием, когда-либо случавшимся в мире.* Есть основной факт, который нельзя отрицать и недооценивать. Потому что из него немедленно следует наиважнейший вывод. И вывод этот в том, что мы, вынесшие все страдания мировой войны, должны также понять урок, ради которого они, собственно, и выпали на нашу долю. Если мы и теперь ничему не научимся и не заявим громко о приобретённом знании, то когда-нибудь в человеческой истории оно сможет быть постигнуто и провозглашено, когда-нибудь будет проведена такая подготовка духовной почвы для восприятия духовного семени? Если в наших душах, измотанных и измученных в течение этих страшных пяти лет самопожертвования и терзаний, не произошло коренных перемен, которые бы оне были в состоянии явить миру, то какие-нибудь души когда-либо смогут откликнуться на столь явный призыв небесного вдохновения? В таком случае состояние человеческого рода окажется поистине безнадёжным, и в грядущих столетиях так и не откроется никаких перспектив улучшения.

LXXXIII. С какой целью человечество было проведено через горнило столь тяжкого испытания, как мировая война? Разумеется, только поверхностный наблюдатель может полагать, будто великий Создатель всего и вся привёл всю планету в возбуждение, заставил каждый народ напрячь все силы и всё только для того, чтобы слегка сдвинуть ту или иную границу или составить какое-нибудь свежее сочетание в калейдоскопе наций. Нет, причины этой мировой судороги и цели, ради которых она произошла, куда более глубоки. И оне имеют главным образом религиозный характер, а не политический. Оне лежат гораздо глубже пустяковых ссор, занимающих народы сегодняшнего дня. Через тысячу лет национальные последствия этой войны не будут иметь значения, тогда как последствия религиозные станут править миром. И эти религиозные последствия состоят в реформировании сегодняшнего декадентствующего христианства, в его упрощении, в его очищении и усилении за счёт новейших фактов общения с душами умерших и ясного знания о том, что лежит за дверью смерти, через которую мы выходим, оставляя эту жизнь позади. Потрясение, вызванное войной, имело целью возвысить нас до умственной и моральной серьёзности, дать нам мужество покончить с ханжеством, заставить человечество осознать Новое Откровение и воспользоваться его плодами. Причём для всех, кто с открытым умом изучит факты и доказательства, само существование этого Нового Откровения окажется недвусмысленно удостоверенным и с избытком доказанным.

LXXXIV. Моё мнение таково, что психические явления, существование которых было вполне и всецело доказано с точки зрения всех, кто дал себе немного труда ознакомиться с действительными фактами, сами по себе не имеют никакого значения и что их действительная ценность заключается лишь в том, что они подтверждают собой и придают объективную реальность огромному множеству знаний, которые призваны глубоко изменить наши старые религиозные взгляды и которые должны, при верном понимании и усвоении, превратить религию в явление в высшей степени действенное, каковое более не будет иметь предметом своим веру, но действительный опыт и истину.

LXXXV. Люди, ко мнению которых я питаю глубокое уважение, и в частности сэр Вильям Баррэт, утверждали, что психические исследования совершенно отличны от религии. Это не подлежит сомнению в том смысле, что можно быть хорошим наблюдателем психических явлений и оставаться при этом недостойным человеком. Но сами результаты психических исследований, выводы, которые мы из них извлекаем, и уроки, которые они могут нам дать, учат тому, что жизнь души продолжается и после смерти. Эти результаты объясняют нам, каковы характер и природа этой новой жизни и какое влияние оказывает на неё наше поведение здесь. Если в этом заключается различие с религией, то я должен признать, что не очень-то разумею, в чём оно заключается. Для меня это и есть религия — самая её суть. Но это вовсе не значит, что из этой сути со временем необходимо

* Имеется в виду Первая Мировая война. (Й.Р.)

выкристаллизуется какая-то новая религия. Лично я не хотел бы, чтоб оно вышло так. Не правда ли, мы уже и так достаточно разъединены в своих религиозных воззрениях? Я бы предпочёл увидеть в этом основополагающем принципе Спиритизма великую объединяющую силу, ибо в любой религии, христианской или другой, только он один и основан на доказанных фактах. Пусть он составит прочный фундамент, на котором каждая религия будет строить (если возникнет нужда в таком строительстве) свою собственную систему, ориентированную на различные типы человеческого мышления. Ведь всегда южные расы будут желать, по сравнению с расами северными, меньшего аскетизма, а западные расы всегда будут более критичны, чем восточные. Невозможно привести всех к единому знаменателю. Но если будут приняты общие предпосылки, истинность которых гарантируется этим Учением из потустороннего мира, то человечество тогда сделает огромный шаг к религиозному миру и единству.

LXXXVI. Тогда встаёт вопрос: «Каким же образом спиритическое Учение заменит собою устоявшиеся старые религии и различные философские системы, которые оказывали столь сильное влияние на поведение людей?». На это ответим прежде всего тем, что Новое Откровение будет фатальным лишь для одной из этих религий, или, если угодно, философских систем: для материализма. Я говорю это вовсе не потому, что питаю какие-то враждебные чувства к материалистам, которые, на мой взгляд, как организованная группа, серьёзны и моральны, быть может, как никакая другая; но просто само собой разумеется, что коль скоро дух может существовать и действовать без материи, то сам принцип материализма рассыпается во прах, повлекая за собой крушение вытекающих из него теорий.

LXXXVII. Теперь давайте обратимся к пунктам, в которых это Новое Откровение должно преобразовать христианство. Прежде всего я должен высказать истину, которая и так должна быть слишком очевидной для многих, как бы она ни осуждалась некоторыми: христианство должно измениться или погибнуть. Таков закон жизни: вещи и явления либо приспосабливаются, либо погибают. Христианство и без того уже слишком долго медлило с переменами, оно медлило до той поры, пока церкви его наполовину не опустели, пока главной опорой его не сделались исключительно женщины и пока образованная часть общества, с одной стороны, и самый бедный класс его, с другой, как в городе, так и в деревне не отвратились от него. Давайте попытаемся обрисовать причину происходящего, ведь последствия налицо во всех ветвях христианства и происходят из одного глубоко лежащего корня.

Люди отходят от Церкви, потому что они не могут искренно верить в те факты, которые представляют им в качестве истинных. Их разум и чувство справедливости оказываются одинаково уязвлены. Нельзя увидеть справедливости в искупающей силе жертвоприношения, ни в Боге, который может быть умилостивлен такими средствами. Помимо того, многим непонятны такие выражения, как «отпущение грехов», «очищенье кровью Агнца» и тому подобное. Пока ещё мог стоять вопрос о «падении человека», подобным фразам могло быть какое-то объяснение, но когда стало вполне ясным, что человек никогда не «падал», когда благодаря своему теперешнему более полному знанию мы смогли шаг за шагом проследить развитие человеческого рода, пройдя от пещерного и кочевого человека назад, в глубь незапамятных времён, в которые человекообразная обезьяна медленно развивалась в обезьяноподобного человека, мы, оглядываясь назад на эту бесконечную вереницу жизней, знаем теперь, что человечество всё время именно *поднималось*, совершенствуясь от одного поколения к другому. И в его истории нет никаких следов *падения*. Но если не было «падения», что остаётся тогда от искупления, воздаяния, первородного греха, от большей части мистической христианской философии? Если прежде она даже и выглядела настолько разумной, насколько неразумной предстаёт сейчас, то всё равно она совершенно расходится с фактами.

Опять же слишком большое значение было придано смерти Христа. Не такая уж это и редкость – умереть за идею. Каждая религия равным образом имела своих мучеников. Люди постоянно умирают за свои убеждения. Тысячи наших молодых людей делают это в

настоящее время во Франции.* Поэтому смерть Христа, сколь бы возвышенной она ни была в изложении «Евангелия», приобрела, повидимому, неоправданную значимость, как если бы это был какой-то уникальный в человеческой истории феномен – умереть, совершая реформу. По моему мнению, слишком много внимания уделено смерти Христа и слишком мало – его жизни, ибо именно в этой последней заключается истинное величие и настоящий урок. Это была жизнь, которая даже в тех ограниченных воспоминаниях, что дошли до нас, не содержит в себе ни единой черты, которая не была бы прекрасной; жизнь, полная естественной терпимости к другим, всеохватывающего милосердия, умеренности, обусловленной широтой ума, и благородной отваги; жизнь, устремлённая всегда вперёд и вверх, открытая новым идеям и всё же никогда не питающая горечи в отношении тех идей, которые она пришла упразднить, хотя порой даже и Христос теряет терпение из-за узости ума и фанатизма их защитников. Особенно привлекает его способность постичь дух религии, отметая в сторону тексты и формулы. Больше ни у кого и никогда не было такого могучего здравого смысла или такого сострадания слабому. Именно эта восхитительная и необычная жизнь является истинным центром христианской религии.

LXXXVIII. Вообще говоря, человеческая неразборчивость, путающая Творца вселенной с кратким иудейским философом, прямо-таки поразительна. Но я хотел бы привлечь внимание ещё и к другому факту. Ведь если бы Христос был всего лишь хрупким смертным, вроде нас, то его жизнь была бы исполнена для нас гораздо более глубокого смысла. Она тогда бы могла служить идеалом, достичь которого мы бы стремились. А если, с другой стороны, его природа была столь принципиально отлична от нашей, что он и мы находимся на качественно несовместимых уровнях, то его существование теряет для нас всю свою «соль». Для меня совершенно очевидно, что при таком взгляде на вещи его жизнь утрачивает для нас всю свою красоту и не содержит никакого нравственного урока. Если он был Богом, тогда он *не мог* грешить, и больше здесь говорить не о чём. Потому что обычному человеку, который не Бог и не Божий сын, который грешит по своей природе, совершенно нечему научиться на примере жизни, подобной *этой*. Нам говорят, что *он победил грех* – теологи обыкновенно считают, что повторение цитаты или фразы может служить аргументом. Лёгкая же победа! – скажем на это мы. Римские императоры, как известно, в боевом облачении и в полном вооружении спускались иногда на цирковую арену и бились с каким-нибудь несчастным гладиатором, обряженным в свинцовую фольгу, проткнуть которую не составляло ни малейшего труда. Согласно расхожим понятиям о жизни нашего Учителя, он противостоял искушениям мира сего с таким преимуществом, что те оказывались для него всего лишь бессильной бронёю из свинцовой фольги, а не теми грозными противниками, каковыми они являются для нас. Признаюсь, что лично я больше симпатизирую слабостям Христа, нежели его добродетели и мудрости, так как оне, полагаю, гораздо ближе мне, принимая во внимание мою собственную слабость. Может быть, «слабость» – не совсем подходящее слово, и лучше сказать «наиболее человечные черты». И это его упрёк сибаритам. Разгон, который он учинил торговцам в храме. Вспышки его негодования и гнева в адрес фарисеев. Его довольно неразумное раздражение против смоковницы за то, что она не приносит плодов зимой. Его вполне человеческое недовольство женщиной, которая суетится, когда он говорит. Его согласие с тем, что благовоние лучше было использовать на него, чем употребить деньги, коих оно стоило, на оказание помощи бедным. Его сомнения в себе накануне перелома – всё это позволяет мне увидеть и любить в нём именно человека.

LXXXIX. Жизнь Христа в этом мире, насколько можно судить, составила 33 года, тогда как с момента его ареста и вплоть до воскресения прошло менее недели. И тем не менее вся христианская система предпочла вращаться вокруг его смерти, уделяя лишь второстепенное внимание прекрасному уроку его жизни. Слишком большой вес был придан одной и слишком мало внимания уделено другой, ибо его смерть, сколь бы прекрасна и возвышенна она ни была, ни в чём не превосходит смерть десятков тысяч людей, которые умерли за идею, тогда как его жизнь, в которой постоянно присутствуют милосердие, широта ума, бескорыстие,

* Снова имеется в виду мировая война. (Й.Р.)

мужество, разум и устремлённость в будущее, абсолютно уникальна и сверхчеловечна. Даже по тем отрывочным дошедшим до нас, много раз переведённым с языка на язык записям из вторых рук у нас возникает впечатление, которого не может вызвать ничья другая жизнь. Это впечатление наполняет нас чувством крайнего благоговения. Наполеон, незаурядный знаток человеческой природы, сказал о нём: «Христос стоит совершенно особняком. Всё связанное с Ним поражает меня. Его ум изумляет меня, Его воля парализует меня. Невозможно делать сравнения между Ним и кем-либо из людей. Поистине Он не от мира сего. Чем ближе я к Нему приближаюсь и чем пристальнее в Него всматриваюсь, тем сильнее всё, с Ним связанное, оказывается выше моего разумения».

Именно эта чудесная жизнь, её пример и влияние были действительной целью схождения столь высокого духа на нашу планету. Если бы род людской серьёзно сосредоточился на жизни Христа вместо того, чтобы теряться в тщетных мечтах об искушительных жертвах и вымыщенных падениях со всей их мистической и сомнительной философией, то как сильно бы сегодня отличался уровень человеческой культуры и счастья от того, что мы имеем сейчас! Эти теории из-за их неразумности и безнравственности оказались главной причиной того, почему лучшие умы так часто отворачивались от христианской системы и провозглашали себя материалистами. Они, замыкаясь на том, что в этой системе оскорбляло их стремление к истине, отбрасывали с ним вместе и то, чтобы было одновременно и истинно, и прекрасно. Смерть Христа была достойным венцом его жизненного пути, но именно свою жизнь он оставил нам в качестве основания для постоянной религии человечества. Все религиозные войны, непрерывная, длительная вражда между частными лицами и бесчисленные беды сектантских раздоров по крайней мере свелись бы к минимуму, а то и вовсе бы избежали, если бы неприукрашенный пример жизни Христа был взят в качестве эталона религии и человеческого поведения.

ХС. Но есть и некоторые другие соображения, которые следует учесть, изучая жизнь Иисуса и её силу в качестве образца [поведения]. Одно из них в том, что самым существенным в его жизни было критическое отношение к современной ему религии. Свой могучий здравый смысл и мужество Христос употреблял на то, чтобы разоблачать ханжество и указывать лучший путь. Именно по этим чертам можно узнать подлинного последователя Христа, и ничто так не далеко от него, как молчаливое принятие учений, которые даже по наружности своей насквозь лживы и порочны, потому что являются нам облечёнными признаками власти.

Сила иудейских книг для тогдашних евреев оказывалась столь подавляющей, что святость их не могли поколебать даже описки и орфографические ошибки, внесённые в них при переписывании скрибами и оберегавшиеся после этого с величайшим тщанием. Какой иной авторитет имеем мы теперь, кроме жизни Христа, способный для нас сравняться с теми священными книгами иудеев? Если бы Христос был иудейским ортодоксом и обладал тем качеством, которое перед нами зачастую превозносят как «наивную детскую веру», то само христианство не могло бы возникнуть – это простой, очевидный факт. Пусть же реформаторы, которые любят Христа, мужаются, когда полагают, что действительно следуют по пути Учителя, ибо Христос ни разу не сказал, будто Откровение, которое он дал миру и которое столь несовершенно было применено к делу его последователями, будет последним Откровением, которое получит человечество на этой планете. В наши дни столь же великое Откровение было явлено из Центра всякой истины, и оно окажет такое же глубокое влияние на человеческий род, как и христианство, хотя до сей поры и не появилось никакой главенствующей фигуры, чтобы придать веса его наставлениям.* Подобная фигура уже появилась однажды, когда пришло время, и я нисколько не сомневаюсь, что это может случиться и ещё раз.

ХСI. Спириты рассматривают земную жизнь Христа и его смерть скорее как пример, нежели как искупление. Каждый человек отвечает за свои собственные грехи, и никто не

* Это не совсем так. Такая фигура (как то и было обещано Христом – «Еванг. от Иоанна», гл.XIV, ст.15, 16, 17, 26; гл.XVI, ст.7, 8, 12, 13, 14) появилась в своё время: то был Дух Истины, слова которого явлены миру в книгах Аллана Кардека. Сказанного в них достаточно, чтобы преобразовать не только наши религиозные взгляды, но и наполнить всю нашу жизнь на земле новым смыслом. (Й.Р.)

может сложить с себя ответственность за их искупление, надеясь, что кто-то другой ответит за них. Ни тираны, ни преступники не могут изменить свою участь, даже прибегнув к какому-либо моральному трюку или к так называемому раскаянию. Хоть искреннее раскаяние и может помочь им, но они всё равно платят за содеянное по полному счёту. В то же время милосердие Бога более велико, чем может представить себе человек, и каждое возможное смягчающее обстоятельство – искушение, наследственность или влияние окружения – принимаются во внимание до того, как наступит час наказания. Такова позиция спиритических Церквей.

ХСII. Спиритов как в Великобритании, так и в других странах можно разделить на тех, кто до сих пор испытывает глубокий пietet к ортодоксальной Церкви, и тех, кто образовал свои собственные церкви. У последних в Великобритании насчитывается более 400 мест для собраний, проходящих под эгидой Национального союза спиритов.* Спиритическая догма весьма гибка: в то время как большинство спиритических Церквей унитарные, наиболее показательное меньшинство придерживается всё-таки христианских взглядов. На первый взгляд, позиции этих Церквей совпадают по крайней мере по семи основополагающим принципам:

1. признание Бога-Отца;
2. признание братства всех людей;
3. общение со святыми и с ангелами-хранителями;
4. продолжение жизни человека после физической смерти;
5. личная ответственность человека;
6. воздаяние как за грехи, так и за благие дела;
7. совершенствование, к которому стремится душа.

И все они, за исключением пятого, сочетаются с привычными воззрениями на христианскую мораль.

ХСIII. Я думаю, что гипотеза случайного стечения обстоятельств не объясняет происходящие факты. В жизни каждого из нас бывают случаи, которые вполне могут убедить нас в духовном посредничестве – о внушении со стороны какой-то благотворной силы вне нас, пытающейся помочь нам там, где она может. Старый католический догмат об ангеле-хранителе не только прекрасен, он заключает в себе, как я считаю зерно истины.

ХСIV. Некоторые наши оппоненты озабочены желанием узнать, что есть наша «новая религия». Полагаю, они найдут нечто очень похожее, если обратятся на девятнадцать веков назад и изучат христианство от Христа. Там они прочтут о точно таких же знаках и чудесах, которые мы называем сегодня «явлениями» или «феноменами»; там они прочтут о «различении духов», каковое мы называем «ясновидением», и там же узнают о множестве нелепостей и искажений, которые, однако, не смогли помешать новому движению завоевать мир, и именно это, будучи преемником христианства, должен сделать Спиритизм. Однако на сей раз мы должны следить за тем, чтобы священный огонь не загасили формализм и вмешательство материализма. На своём веку мы стали очевидцами ряда ужасных этапов человеческой истории. В то же время я уверен, во всей мировой истории не было ничего, что можно сравнить с бескорыстием и благородством поведения Британской империи в целом и всех британцев в отдельности – я говорю о том бескорыстии и благородстве, которые мы выказали в течение пяти лет этой страшной мировой войны. Правда, что наше настоящее и будущее могут не соответствовать столь высокому уровню, но по крайней мере в военное время нация поднялась вся без исключения до необычайной степени духовного величия. Сам я вовсе не разделяю той точки зрения, будто Христос был бы способен стоять в стороне и наблюдать жестокость или насилие, не вмешиваясь. Вместо этого я предпочитаю верить, что он был среди нас, что он стал бы первым, кто пошёл на риск принять второе мученичество в защиту справедливости и свободы. Он внёс бы свой вклад в дело изгнания немцев из Бельгии с тою беззаветностью, с какой изгнал торговцев из Храма. Не могу принять бесцветного,

* Spiritualist's National Union.

бесчувственного, беспомощного прочтения его характера, предлагаемого некоторыми.

XCV. Христос не дал своего послания от первого лица. Поступи он так, наша позиция была бы куда сильнее. Послание его дошло до нас в форме пересказов и сообщений, сделанных хотя и серьёзными, но малограмотными людьми. Но, разумеется, сам факт, что рыбаки, мытари и все прочие умели хотя бы читать и писать, говорит очень многое в пользу уровня образования в римской провинции Иудея. Лука и Павел, правда, принадлежали к более культурному классу, но сведения свои они черпали у своих не столь образованных предшественников. Их отчёт в высшей степени удовлетворителен в том, что касается единства производимого им общего впечатления и ясности, с которой обрисованы учение и характер Учителя. В то же время их рассказы изобилуют несоответствиями и противоречиями по фактам нематериальной природы. Например, все четыре описания воскресения разнятся в подробностях, и ни один ортодоксальный богослов, занимаясь чтением проповедей, не может в полной мере принять все четыре версии Воскресения, не ставя себя под удар критики, готовой уличить его в непоследовательности и искажении фактов. Но как раз эти подробности и не имеют непосредственного отношения к духу послания Христова. Простой здравый смысл не обязывает нас считать, будто каждый пункт изложения его жизни исполнен вдохновения свыше или что мы не должны делать скидки на несовершенство передачи, индивидуальные убеждения рассказчика, цветистость восточной фразеологии или ошибки в переводах. В новых версиях «Евангелия» действительно допущена такая возможность. Знаменитое выражение Христа о букве и духе почти позволяет нам верить, что он предвидел, каким бедствием станут для нас священные тексты. Он скорее всего знал, что мы пострадаем от них так же, как он сам пострадал от рук современных ему богословов – людей, которые тогда, как и сегодня, являются всемирным бедствием. Повидимому, он считал, что мы будем пользоваться своим умом и мозгами, приспособливая его учение к изменяющимся условиям нашей жизни и времени. Очень многое из сказанного им обусловлено обществом и способом выражения, характерным для эпохи, в которую он жил. Помыслить в те дни, будто человек готов буквально всё отдать бедному, или что сегодня голодный английский военнопленный должен буквально возлюбить своего врага – германского кайзера, или что поскольку Христос протестовал против непрочности брака в то время, то поэтому двое супругов в наши дни, не любящие друг друга, должны на всю жизнь быть связаны узами рабства и мученичества – все подобные утверждения являются карикатурой на учение Христа и отнимают у него столь сильную его сторону, как здравый смысл, который является одной из главных его характеристик. Требовать невозможного от человеческой природы – значит ослаблять силу ваших доводов даже в тех случаях, когда они разумны.

XCVI. Многие утверждают, что евангельское учение должно применяться и к войне, но это ложь. Христос никогда не благословлял кровопролития. Я видел, как один англиканский священник благословлял только что отлитую пушку, а другой освящал военное судно, только что спущенное на воду. Можно ли благословлять оружие, предназначенное для истребления людей? Говорят, будто тут благословляется не разрушение, не кровопролитие, а защита отечества и своих близких. Но всегда ли эти утверждения искренни? Нет, сильно мы отделились от Христова учения. Духовные сановники живут во дворцах и ездят в каретах, и нужно ли удивляться тому, что они, привязавшись к земным благам, перестали понимать Христово учение?

Война – это ужасное дело. Не думайте о блестящих эскадронах, о возбуждающих звуках военных труб. Люди обманывают себя и дурачат, упиваясь военной славой. Они тешат себя блестящим оружием, горячими конями, расшитыми чепраками. Они толкуют о чести и славе, но всё это внешнее исчезает, и наружу выступает истинный леденящий душу ужас проклятия. Люди должны или оставить войну, или признать, что слова Искупителя слишком возвышенны для них.

XCVII. У чудовищного утверждения о том, будто Бог поддерживает одну группу человечества против другой, нет никаких оснований. Учение духов всегда утверждало, что убеждения и вера – это мелкие вещи, стоящие за характером и поведением, что именно

последние определяют место души в потустороннем мире. У каждой религии, христианской и нехристианской, есть свои святые и грешники, и, если человек добр и кроток, за него нечего бояться в потустороннем мире, независимо от того, является он членом любой из признанных на земле Церквей или нет.

XCVIII. Отец Л. представляется мне идеалом священника – готовность к самопожертвованию и чистота мыслей, здравый смысл и природное чувство юмора. Но он обладает не только добродетелями, но и пороками своего сословия: его взгляды крайне реакционны. Мы с жаром обсуждали религиозные проблемы, но теология, которую он отстаивал, застыла где-то в раннем плиоцене. По сути дела, он вполне мог бы обсуждать свои взгляды с духовником при дворе Карла Великого, и после каждого утверждения они наверняка обменивались бы рукопожатиями. Он вполне готов признать сей факт, да ещё усматривает в нём несомненное достоинство. Он называет это постоянством. Интересно, отличайся наши астрономы, инженеры и законодатели таким же постоянством, где бы тогда оказалась наша современная цивилизация? Неужели религия является единственной областью мысли, у которой нет никакой нужды в развитии, где веки вечные следует соотноситься со стандартом, установленным две тысячи лет назад? Неужели теологи не видят, что человеческий мозг, развиваясь, должен иметь и больший кругозор? Недоразвитый ум создаёт недоразвитого Бога, и кто дерзнеет заявить, будто наш ум достиг уже хотя бы средней степени своего развития? Истинно вдохновенный теолог, будь то мужчина или женщина, прежде всего человек большого ума. Не лысина, выбритая на макушке; не волосы, достигающие до плеч или собранные в косицу, а лишь культурный, сформированный ум понастоящему возводит человека в разряд избранников.

XCIX. Всё возможно для Бога, и мы только пылинки в Его руках, но Бог дал нам разум, для того чтобы мы могли избирать лучшие пути, и если мы будем пренебрегать этим даром Божиим, то можем поплатиться за наше безумие.

C. Люди, одарённые мудростью или красноречием, могут объяснять Писание своим близким, но это не даёт этим проповедникам каких-либо прав и преимуществ. Тем более они не имеют права объединяться в особый класс и называть себя священниками и епископами, требуя от своих близких послушания. Такой порядок нехороший и унизительный. Не может простой человек быть посредником между человеком и Творцом.

CI. Зачем священники? Все люди равны в очах Всевышнего. Дело веры таково, что никто не имеет права ставить себя выше своего ближнего. Священные книги были написаны для всех, и, стало быть, все имеют одинаковую способность читать и разуметь их. Дух Святой просвещает всякий стремящийся к истине ум. Помимо этого, высшие иерархи – самое уязвимое звено любой Церкви.

Священники смотрят сквозь пальцы на пороки своего начальства, которое за то делится с ними своими обедками. Ради сытных пирогов и бутылок с вином эти священники забывают Бога.

CII. Интеллектуальное скопчество – такова судьба любого народа, подчинившегося власти жрецов.

CIII. Господь Бог начертал Свои законы на всём, что нас окружает, если бы только наш тусклый взгляд, и ещё более тусклая душа были способны прочесть Его письмена.

CIV. Благо человеку, которому Бог открыл глаза на истинный смысл бытия. Плоть наша немощна, страшны дни сомнения и опасности, но все эти препятствия просветлённая Богом душа преодолевает успешно.

CV. Каждая молитва, повидимому, основана на идее, что Бог – просто очень большой человек, что Его нужно просить, хвалить и благодарить. Но разве скрип колеса – это похвала

Инженеру? Пусть оно лучше вращается побыстрее и скрипит поменьше.*

CVI. Полагаю, человек может утверждать, что Бог ему неведом, и всё же возводить в душе храм неведомому Богу.

CVII. Все препирательства и споры о религии не захватывают сущности, скользя только по поверхности. Что человек, то норов. Каждый старается объяснить себе религию по-своему, так, чтобы объяснение соответствовало направлению его ума. Но, однако, в каждом христианском учении, как бы оно ни было затемнено этими толкованиями, лежит здравая, общая всем христианским религиям сердцевина. Если бы вы жили во времена древности, в греко-римском языческом мире, вы поняли бы, какой переворот совершило христианство в человеческой жизни. Люди спорят и горячатся из-за того, как надо понимать то или иное слово, но все эти споры имеют временный характер. Главное значение христианства заключается в том, что оно объясняет нам божественное значение человека и понуждает его к простому и безгрешному существованию. Вот что нам дала христианская вера.

CVIII. Я не желал бы быть добродетельным из страха. Впрочем, долгий опыт жизни открыл мне, что ни один грех в этой земной жизни – не говоря уже о будущей – не остаётся ненаказанным. За каждое дурное дело человек платится или расстройством здоровья, или ухудшением материального положения, или же утратой душевного мира. Наказания эти постигают как отдельные личности, так и целые народы. Исторические книги в этом смысле представляют собой сборники проповедей. Вспомните, например, как любившие роскошь вавилоняне были побеждены трезвыми и скромными персами, а этих последних, когда они, оставив добродетели, ударились в роскошь и пороки, предали мечу греки. А затем и греки, предавшиеся чувственности, были покорены сильными и смелыми римлянами. Последние тоже были, в свою очередь, побеждены народами севера, и случилось это потому, что римляне утратили свои воинские добродетели. Порок и гибель всегда рука об руку.

CIX. Мало того, Провидение пользовалось пороком как орудием для кары других безумствующих народов. Не думайте, что история – дело случая. В мире царствует единая великая система, которой подчинена и жизнь каждого из нас. Чем дольше ты живёшь, тем яснее постигаешь, что грех и несчастье идут рядом и что истинное счастье немыслимо без добродетели.

CX. Чрезмерное благочестие неутомимых пастырей принесло больше вреда, чем легкомыслие и дурные наклонности. Даже у людей добрых и милосердных сердца превращаются в камень, когда благодать веры уступает место проклятию фанатизма.

CXI. Так же, как белый хлопок – самая безвредная субстанция на свете – делается весьма опасным, если его пропитать азотной кислотой, так и самый милейший из смертных становится опасен для окружающих, если он хоть раз проникся идеями сектантской религии. Коли в характере его есть какая-то затаённая злость и суровость, то религиозная узость, сектантство сделают их явными для всех.

CXII. Сектант – это человек, не только свободу своей собственной совести защищающий – на это он имеет право, – но и старающийся силой навязать свои убеждения другим. В этом отношении сектанты заблуждаются, впадая в тот же самый грех, против которого они борются. Что же касается безбожников, не верующих в Бога, то они хуже лесных животных, ибо последние не лишены самоуважения и смирения, каковых качеств в

* Станислав Лем в «Звёздных дневниках Иона Тихого» по аналогичному поводу замечает: «Ребячеством было бы думать, будто Творец творил для того, чтобы творение с утра до вечера заискивало перед Ним, чтобы Его авансом обожали за то, что будет там, коли не по сердцу то, что делается здесь, – словно Он виртуоз, который взамен за истовое бисирование молитв готовит вечное бисирование жития после земного спектакля, словно свой лучший номер Он приберёт на потом, когда опустится гробовой занавес». (Й.Р.)

безбожниках нет. И сектанты, и безбожники – это две крайности; послушайте моего совета: избегайте и тех, и других.

CXIII. Правда должна быть такой же широкой, как Вселенная, которой она даёт объяснение, и во всяком случае гораздо шире всего, что в состоянии вместить человеческий ум. Протест против узкой, сектантской мысли всегда выражает стремление к истине. Кто смеет заявлять, будто он имеет монополию на Всевышнего? Это было бы наглостью со стороны Солнечной системы, поступи она так, и всё же сотни мелких шаек торговцев тайно ежедневно тем только и занимаются, что вовсю декларируют свою мнимую монополию. Вот в чём состоит истинное богохульство и безбожие.

CXIV. Примечательно, что неверующий может быть таким же фанатиком, как и любой верующий, и что в своём противоборстве с догмой человек может быть весьма догматичен. Но следует иметь в виду, что именно такие люди являются настоящими врагами свободомыслия. И если что и способно повредить последнему, так это именно богохульные и глупые карикатуры, кои так часто в ходу в некоторых атеистических изданиях.

У каждого движения имеется своя толпа последователей, бредущих кто в лес, кто по дрова. Мы словно комета, яркая в голове, но рассеивающаяся разрежёнными газами в хвосте. Однако каждый человек может говорить за себя, и я не чувствую, что такое обвинение меня касается. Я фанатичен лишь в отрицании фанатизма, и оно представляется мне столь же правомерным, как насилие применительно к самому насильнику. Если только учесть, какое действие искажение религиозного чувства оказывало в ходе мировой истории (вспомните ожесточённые войны христиан и мусульман, католиков и протестантов; преследования, пытки, домашнюю вражду, мелочную злобу, при этом *каждая* вера повинна в пролитии крови), то останется только изумляться, что человечество не поместило единогласно фанатизм в разряд первейшего из смертных грехов. И, без сомнения, утверждение о том, что ни чума, ни оспа не принесли человечеству столько несчастья и горя, как фанатизм, звучит вполне банально.

Меня нельзя обвинить в фанатизме, потому что я от всего сердца уважаю каждого доброго католика и каждого доброго протестанта, а также потому, что я охотно готов признать: каждая из этих форм веры была могучим орудием в руках непостижимого нам Провидения, управляющего всем и вся. Так же, как в ходе истории подчас обнаруживалось, что самые далеко идущие и восхитительные последствия могут проистекать от преступления, так оказывается оно и в религии: хотя вера основана на совершенно нелепом представлении о Создателе и Его путях, всё же она может оказаться весьма полезной для людей принявших её эпохи. Но если она правильна для тех, чьим интеллектуальным запросам она удовлетворяет, то со стороны тех, чьи запросы она удовлетворить не в силах, справедливо протестовать против неё; в результате именно этого процесса вся масса человечества постепенно приходит в брожение, а затем делает ещё один шаг вперёд в своём духовном восхождении.

Католицизм отличается большей проработанностью деталей, но протестантство более рационально. Протестантство приспосабливается к современной цивилизации, католицизм же рассчитывает на то, что цивилизация приспособится к нему. А народ перепрыгивает с одной большой ветки на другую и воображает, будто совершил великолепную перемену, в то время как ствол самого дерева треснул под тяжестью прыгунов и обе ветви в их нынешнем обличии раньше или позже обречены на общую гибель. Движение человеческой мысли, при всей его медлительности, неуклонно продолжается в сторону истины, и всевозможные формы религии, каждая из которых, повторяю, достойна восхищения в своё время, но которые человек отбрасывает по мере того, как продвигается, подобны буйкам, сбрасываемым с борта корабля, чтобы служить для указания скорости и направления его движения.

CXV. Римская вера подходит только для тех народов, которые не привыкли к самостоятельному мышлению. Люди малоразвитые не интересуются религиозными вопросами и верят в обычай, в то, во что им приказывают верить; Англия успела выйти из этих католических пелёнок.

CXVI. Положение вольнодумца в обычном обществе имеет то неудобство, что любая его попытка выразить своё мнение, отличающееся от общепринятого, рассматривается окружающими как проявление дурного тона; противники же его нисколько не скованы подобными ограничениями. Было время, когда требовалось мужество, чтобы быть христианином. Теперь же наступило время, когда мужество необходимо для того, чтобы не быть христианином.

CXVII. Я не являюсь последователем Римской католической церкви; более того, не был им со школьной скамьи. Мои давние связи с Католической церковью не оставили во мне никаких горьких чувств по отношению к этому глубокоуважаемому институту, в рядах которого состоят самые благочестивые люди из тех, что встречались мне на жизненном пути. Но каждый человек несёт в себе собственные душу и разум; руководствуясь их зовом, он и должен идти вперёд. Этот прямой путь открылся передо мной с той поры, как я оставил позади детские годы.

CXVIII. Католики и протестанты попрежнему грызутся. Поистине все эти люди живут по суровым заповедям Моисея и забыли об учении Христа. Римская Церковь навязывает узкое, упрощённое толкование многосложного мира. На религию же надо глядеть широко, ибо истина шире всех тех представлений и понятий, которые могут быть составлены о ней отдельными людьми.

Существование стола свидетельствует о существовании столяра. Таким образом, существование Вселенной говорит о том, что есть Творец вселенной, называйте Творца как хотите. Рассуждая таким образом, мы стоим на твёрдой почве разума. Для того, чтобы познать Творца, нам не нужно ни вдохновения свыше, ни учителей, ни посторонней помощи. Итак, Творец вселенной существует, и нам ничего не остаётся, как познавать Его по Его делам. Мы смотрим на великолепный небосвод, простирающийся над нами в своей красоте и бесконечности, мы созерцаем Божественную премудрость в растениях и животных. На что бы мы ни смотрели, везде мы видим великую мудрость Творца и Его могущество. Стало быть, Творец вселенной всемогущ и мудр. Заметьте, что к этому мы пришли логически, а не путём догадок и вдохновения. Вот что мы знаем наверное.

CXIX. Теперь спросим себя: для чего сотворён мир и люди? Всмотритесь в жизнь Вселенной – и вы увидите, что всё в мире непрестанно совершенствуется, растёт, увеличивается в своём качестве познаний и мудрости. Природа – это молчаливый проповедник, и проповедует он непрестанно, не только в праздники, но и в будничные дни. Мы видим, как жёлудь превращается в дуб, как из яйца вырастает птица и как из червяка развивается бабочка. Можем ли мы сомневаться в том, что по этому закону непрерывного совершенствования живёт и лучшее из творений – душа человеческая? А как может совершенствоваться душа? Только развивая свои добродетели и подчиняя страсти разуму. Иного пути совершенствования нет. Итак, мы можем сказать с уверенностью, что сотворены для того, чтобы обогащаться в добродетелях и познании.

CXX. Это положение лежит в основе всех религий, и для того чтобы признать справедливость этого положения, никакой веры не требуется. Это положение так же ясно и неопровергимо, как те теоремы Эвклида, которые все из нас проходили. Но на этом общем для всех фундаменте люди строили разные дома. Христианство, магометанство, веры далёкого Востока – во всех религиях основание одинаково. Разница в формах и подробностях. Будем лучше всего держаться христианской веры. Это великое учение любви, к сожалению, редко исполняется. Будем христианами, но не будем презирать и других людей, ибо всё человечество так или иначе причастно религиозной истине.

CXXI. Теперь давайте посмотрим, какой свет наши духовные наставники проливают на вопрос о христианстве. Мнения в том мире однородны не более, чем и в этом. Но всё же, прочитав некоторое количество посланий по этому предмету, можно сказать, что все они сводятся к следующему: над духами недавно усопших землян имеется множество других

духов, их превосходящих; духи эти бывают самого разного рода; назовите их «ангелами», если вы желаете говорить языком старой религии. Но и надо всеми этими верховными духами находится самый Высший Дух, знание о котором оказалось доступно нашим соплеменникам – не Бог, поскольку Бог столь бесконечен, что недосягаем для них, – но тот, который ближе других к Богу и который, до известной степени, представляет самого Бога: это Дух Христа. Целью и предметом его заступничества является планета Земля. Он спустился к нам и жил среди нас в пору великой земной извращённости, в пору, когда мир был столь же злополучен, как и сейчас, для того чтобы преподать нам пример идеальной жизни. Затем он возвратился в своё небесное обиталище, оставив нам учение, которому некоторые из нас следуют и поныне. Такова история Христа, в том виде, в каком нам рассказывают её духи; в ней нет и речи о первородном грехе или об искуплении; но она, на мой взгляд, содержит систему вполне совершенную и разумную.

CXXII. Если бы такой взгляд на христианство стал общепринятым, а его поддерживают авторитет и доводы Нового Откровения, идущего к нам из мира загробного, тогда бы мы получили такую религию, которая была бы способна объединить все Церкви, религию, которая бы примирилась с наукой, которая смогла бы противостоять любым нападкам и утвердила бы Христианскую Веру на неопределённо долгие времена. Наконец-то бы прекратилась война Разума и Веры, наконец-то из мыслей наших был бы изгнан кошмарный бред, а в уме нашем установился бы духовный мир. Я не вижу, как бы такие результаты могли быть достигнуты быстрым захватом власти в какой-либо стране или насильственной революцией. Скорее, это придёт как мирное проникновение, наподобие того как сейчас разные грубые идеи, вроде идеи о вечном аде, постепенно отмирают на глазах наших, уступая место более тонким и правдоподобным.* Тогда именно, когда душа человеческая переживает муки и разрывается от страдания, в ней могут быть заронены семена добра и правды, поэтому некий духовный урожай определённо сможет быть собран в будущем из посева дней нынешней нашей жизни.

CXXIII. Мне говорят, что критицизм, подобный моему, исполнен одной лишь страстью разрушения и ничего не в состоянии предложить взамен тому, что он упраздняет. Это не совсем так. Думаю, есть некоторые изначальные, доступные нам истины, не требующие от нас веры для их принятия. И этих истин вполне довольно, чтобы дать нам практическую религию, разумную в своей сути до такой степени, что она будет привлекать к себе думающих людей, вместо того чтобы отвращать их, как то было прежде.

Когда все мы вернёмся к этим немногим изначальным и неопровергимым фактам, появится наконец надежда, что можно положить конец мелким разногласиям и расприям между различными религиями, и тогда единая человеческая семья сможет влиться в единую обстоятельную систему мысли.

Когда я впервые вышел из пределов веры, в которой оказался воспитан, у меня какое-то время было такое чувство, что почва ушла у меня из-под ног. Не стану преувеличивать и говорить, будто ощущал свою никчёмность и погрузился в беспросветный мрак духовный. Нет, молодость от этого оберегается жаждой деятельности. Но я испытывал какое-то смутное, непрестанное беспокойство, какую-то мучительную пустоту и бесприютность, которых прежде в жизни не замечал. Я настолько, оказывается, отождествил религию с «Библией», что не мог помыслить их раздельно. Когда выяснилось, что фундамент ложен, то и всё здание моей религии с грохотом рассыпалось у меня на глазах. И тогда на помощь мне пришёл добрый старина Карлейль,* с его-то помощью и трудами собственных раздумий я воздвиг свой маленький домишко, в коем с той поры укрываюсь от религиозной непогоды сам и в котором, помимо того, могу приютить одного-двух своих друзей.

Самое первое и главное, что следует усвоить, так это то, что существование Создателя и указание на Его свойства ни в коей мере не зависят от слов древнееврейских поэтов, ни от

* Об этом смотрите особо: Аллан Кардек, «Небо и Преисподня. Рай и Ад, или Божественная Справедливость в разъяснениях Спиритизма и с конкретными примерами», перевод под редакцией Йога Раманантаты, Нижний Новгород, Издатель Москвичёв А.Г., 2019 г. (Й.Р.)

* Томас Карлейль (1795 – 1881) – английский философ, историк и публицист. (Й.Р.)

изготовленной людьми бумаги и типографской краски. Напротив того, все подобные попытки осознать Его неизбежно умаляют и принижают Его, заключая Беспредельность в узкие рамки человеческих понятий, причём сделано это было в ту эпоху, когда эти понятия в основном были гораздо менее духовны, чем ныне. Ведь даже самый материалистичный из современных умов покоробит утверждение, будто Божество требует от нас массовых казней, а пленных царей приказывает изрубить в куски на жертвенном камне.

Подготовив таким образом свой ум к принятию более высокой (хотя, быть может, и менее ясной) идеи Божества, начинайте изучать Его в Его делах, неподдельных и нерукотворных. Природа является истинным откровением Божества человеку. Ближайший зелёный луг – это вдохновенная страница, на которой вы прочтёте всё, что вам необходимо знать.

Признаюсь, я никогда не был в состоянии понять позицию атеиста. В конечном счёте я пришёл к тому, что вообще не верю в его существование и рассматриваю это слово лишь как форму упрёка со стороны теологов. Под атеизмом можно понимать лишь переходное состояние, временную fazu умственного развития, отрицательную реакцию на человекоподобные представления о Боге. Но я не могу себе и представить, будто человек, пристально изучающий Природу, станет отрицать, что законы, действующие в ней, указывают на существование ума и силы, давших им рождение. Само существование Вселенной является неопровергимым доказательством наличия её Творца так же, как существование стола автоматически указывает на предварительное наличие столяра. Таким образом, об этом Творце можно составить то или иное понятие, но невозможно быть атеистом.

Мудрость, сила и средства, направленные к достижению цели, – всё вписано в дивную систему Природы. Какие же ещё доказательства может нам дать после этого книга? Если человек, взирая на мириады звёзд, воображает, будто оне и их неисчислимые спутники движутся с безмятежным достоинством в пространстве, избегая пересекать орбиты друг друга; если, говорю я, взирая на всё это, человек не может осознать свойств Творца без помощи книги Иова, то его склад ума являет собой величайший абсурд во Вселенной. Но ведь не только в большом мы видим постоянно присутствующую заботливость некой разумной силы. Самая малая малость не оказывается оставлена ею без попечения. Мы видим, что мельчайшие хоботки насекомых идеально приспособлены для чашечки цветка; что микроскопический волосок и клетка служат в теле определённой цели во благо целого. И какая разница, происходит ли это в результате особого акта Творения или в результате эволюции? Ну, мы знаем, что фактически это произошло в результате эволюции, но ведь сама эта эволюция служит лишь указанием на действие определённых законов. Она указывает на них, но их не объясняет.

И если эта сила позаботилась о пчеле, снабдив её собирающим аппаратом и хоботком, позаботилась о невзрачном семени, наделив его множеством приспособлений, благодаря которым оно достигает наиболее подходящей для него почвы, то мыслимо ли, чтобы мы – высочайшее из всех Её творений – оказались обделёнными? Такое немыслимо. Сама эта идея несовместима с системой Творения в том виде, как оно предстаёт перед нами. И я ещё раз повторяю: чтобы достичь уверенности в существовании мудрого Провидения, нам не нужно никакой веры.

А вместе с этой уверенностью мы уже имеем всё необходимое для основополагающей религии. Что бы ни происходило после смерти, наш долг и обязанности в нынешней жизни вполне ясно очерчены перед нами. И этические нормы всех религий до такой степени совпадают, что никакого разногласия мнений по этому поводу быть не может. Последняя Реформация упростила католицизм. Грядущая же упростит протестантизм. И ещё одна реформация, когда мир созреет для неё, совершится в свой час. Постоянно совершенствующийся ум будет открывать перед нами всё более широкую религию. Разве не восхитительно думать, что эволюция продолжает жить и что дело её совершается, и что если предком своим мы имеем человекообразную обезьяну, то потомками нашими в конце концов окажутся архангелы?

CXXIV. Следует повторить, что если Новое Откровение и представляется разрушительным в глазах исповедывающих христианские догмы с чрезвычайной

непреклонностью, то на самом деле оно имеет совершенно противоположное влияние на ум, который, подобно столь многим нынешним умам, в конце концов пришёл ко взиранию на всю христианскую систему как на сплошное заблуждение и огромный обман. Ясно показано, что Старое Откровение имеет большое сходство с нынешним; хотя время, злоупотребления людей и материализм сильно обезобразили его и исказили, всё же в нём ещё просматривается тот же общий замысел, то же направление мысли, так что невозможно усомниться в том, что оба они исходят из одного источника. Если Старое Откровение говорит нам о жизни после смерти, о высших и низших душах, о зависимости нашего счастья от собственного нашего поведения, об искуплении страданием, о духах-заступниках (ангелах-хранителях), о высоких Учителях, о единой верховной власти во Вселенной, об Иерархии духовных сил, со ступени на ступень всё выше возносящей нас перед лицом Божиим, то все эти идеи и концепции появляются ещё раз и в Новом Откровении и подтверждены в нём множеством свидетельств. Только лишь притязания на непогрешимость и монополию, фанатизм и педантство теологов, равно как и созданные человеком обряды и ритуалы, изгоняют жизненную силу и самую жизнь из дарованных Богом мыслей – единственно это исказило истину.

CXXV. Принятие учения, принесённого нам из мира иного, должно глубоко изменить религию, условно именуемую сейчас христианством. Но эти изменения произойдут более в смысле разъяснения и развития, нежели опровержения. Оно устранит серьёзные недоумения, всегда оскорблявшие чувства всякого мыслящего человека; оно также подтвердит и сделает абсолютно определённым факт продолжения жизни после смерти, факт, лежащий в основании всякой религии. Оно подтвердит несчастливые последствия греха, хотя и покажет, что последствия эти никоим образом не определены на целую вечность. Оно подтвердит наличие существ более высоких, каковых мы называем «ангелами», а также существование надстоящей нам Иерархии, устремлённой вверх, в которой дух Христа занимает своё особое место; оно покажет, что Иерархия эта кульминирует на высотах Беспределности, с каковой мы связываем идею о Всемогущем Творце, или о Боге. Оно подтвердит идею о рае и временном состоянии искупления, которое соответствует более понятию чистилища, нежели ада. Таким образом, это Новое Откровение в самых жизненно важных своих точках никак не разрушает все прежние верования, и действительно серьёзными людьми, какой бы веры они ни придерживались, оно должно быть встречено как исключительно могучий союзник, а не опасный недруг, порождение дьявола.

CXXVI. Изучая Иерархию высочайших духовных существ, стоящих над ним, спирит понимает, что тот или иной архангел может время от времени посещать человечество с некой просветительской миссией, дабы вселить в него надежду. Даже смиренную Кэти Кинг с её сообщением о бессмертии, полученным от великого учёного, можно расценивать как «ангела во плоти». Франциск Ассизский,* Жанна д'Арк, Лютер, Магомет,** Баб-эд-Дин*** и другие реальные исторические персонажи и религиозные лидеры были среди этих «евангелистов». И первый из них – согласно верованиям Запада – Иисус, сын еврейского плотника, именуемый нами Христос. Наш разум, далеко не вселенский, не может позволить себе размышлений о степени святости самого Христа; единственное, что мы можем сказать с уверенностью, это то, что Христос был гораздо ближе к понятию святости, чем все мы вместе взятые. Его учение, по которому до сих пор пытается жить мир, наиболее бескорыстное, милосердное и прекрасное. С ним может сравниться только Будда, который также был

* Франциск Ассизский (1181 или 1182-1226) – итальянский проповедник, основатель ордена францисканцев, автор религиозных поэтических произведений. (Й.Р.)

** Магомет (Мухаммед) (ок. 570 – 632) – основатель ислама, глава первого мусульманского теократического государства в Аравии; почитается как пророк. (Й.Р.)

*** Баб-эд-Дин (настоящее имя Али Мухаммед) (1820 – 1850) – иранский религиозный деятель, последователь секты шейхитов, которые проповедовали идею о скором пришествии мусульманского мессии Махди; в 1844 году объявил себя *Баб'ом* – то есть *вратами*, через которые должен действовать ожидаемый мессия. Своими яркими проповедями привлек множество последователей. В 1847 году объявил себя Махди, был арестован и расстрелян по приказу шаха. В заключении написал книгу «Откровение». (Й.Р.)

посланником Господа, но эта вера более близка восточному, нежели западному складу ума.

Когда же мы обращаемся назад, к миссии нашего вдохновенного Учителя, то находим лишь частичное соответствие между его наставлениями и действиями его современных последователей. Мы отмечаем также, что многое из его учения оказалось безвозвратно утраченным. Чтобы восполнить потери, не нашедшие отражения в «Евангелии», необходимо вернуться к практике ранней Церкви, которой управляли те, кто был действительно связан с Господом. Подобные изыскания показывают, что всё то, что мы называем современным Спиритизмом, по всей видимости, было знакомо окружению Христа. В частности, те же способности, которыми духи наделили Св.Павла, сегодня проявляют современные медиумы, и те чудеса, которые подвигли людей прежних эпох к признанию существования загробного мира, могут случаться и сегодня. Человек не прекратил обращаться за помощью к загробному миру. Этот предмет обсуждался во множестве трудов. Резюмировать всё сказанное в них можно следующим образом: вместо того чтобы плутать в лабиринтах ортодоксальной веры, разумнее поверить в то, что простой, смиренный спирит, свободный от догм, напрямую общающийся с духами и святыми и приемлющий учение о Святом Духе, стоит гораздо ближе к раннему христианству, чем любая ныне существующая секта.

CXXVII. Поражает то, что в ранних церковных документах, особенно в записях Отцов Церкви, повсюду встречаются сообщения о психическом учении, которое было весьма распространено в то время, и его практическом воплощении. Ранние христиане жили в тесном контакте с миром духов. Их абсолютная вера в новое учение и преданность ему основывались на позитивных знаниях каждого из них. Они считали не подлежащим обсуждению тот факт, что смерть – это всего лишь переход к другой, бесконечной и содержательной жизни, который можно было бы более точно определить словом «рождение». Поэтому они не страшились смерти и желали её гораздо больше, чем доктор Ходсон, когда тот воскликнул: «О, я жду этого с нетерпением!» Подобное отношение к смерти никак не влияло на их земную жизнь, что отмечали неоднократно даже их враги. Если мысленно отправиться в отдалённые уголки Земли, то можно с грустью констатировать, что после принятия христианства и вплоть до наших дней многое там изменилось не в лучшую сторону, потому что христианство, которое они приняли, утратило свой непререкаемый авторитет и убедительность, составлявшие его славу в прежние дни.

CXXVIII. Кроме свидетельств ранних Отцов Церкви мы располагаем сентиментальным наследием ранних христиан, которое они оставили на надгробиях в римских катакомбах.^{**} Интересная книга об останках ранних христиан, захоронённых в Риме, принадлежит перу преподобного Спенса Джонса, настоятеля собора в Глостере, которому пришлось заниматься этими удивительными по своей патетичности надписями. Оне имеют неоспоримое преимущество перед всеми другими документальными свидетельствами той эпохи, поскольку подлинность их очевидна. Доктор Джонс, изучивший сотни их, говорит: «Ранние христиане говорят о мёртвых так, будто они живы. Они продолжают общаться с усопшими». Это совпадает с точкой зрения современных спиритов, но Церковь отказалась от неё давным-давно. Могилы ранних христиан, захоронённых в катакомбах, представляют странный контраст с могилами язычников, соседствующих с ними. Последние всегда говорят о смерти, как о свершившемся и окончательном факте, ужасном и бесповоротном событии. «Прощай навсегда!» – вот что является итогом их жизни. Христиане же, наоборот, убеждены в счастливом продолжении жизни. «Эгип, ты будешь жить вечно», «Виктория, покойся с миром и с Христом», «Пусть Господь укрепит твой дух», «Твоя жизнь – в Боге» – эти надписи достаточно убедительно доказывают, что новый и бесконечно утешительный взгляд на смерть снизошёл на человечество.

Можно отметить, что захоронения в катакомбах доказывают простоту и доступность

* Отцы Церкви – традиционное название деятелей христианской церкви II-VIII вв., создавших её доктрину и организацию. Главный Отец Церкви в католицизме – Амвросий Медиоланский. (Й.Р.)

** Римские катакомбы – подземные кладбища ранних христиан, которые вынуждены были прятаться от преследователей в пещерах. Тела умерших хоронили в нишах, выдолбленных в стенах скалы. (Й.Р.)

раннего христианства. Эти качества были характерны до той поры, пока эта вера не «обросла» разнообразными сложными понятиями и абстрактными терминами, которые распространились из Греции и Византии. Они не принесли миру ничего, кроме вреда. Символ, доминирующий в катакомбах, – Пастырь Божий, заботящийся о бедных и беззащитных своих овцах (идея, близкая сердцу человечества во все времена). Усыпальницы первого века нашей эры не содержат ни одного упоминания о кровавом жертвоприношении или девственном рождении. Вы найдёте там лишь атрибуты доброго Пастыря, якорь надежды, ладонь мученика и рыбу – словом, все те «шарады и ребусы», которые олицетворяли имя Христа. Всё это недвусмыленно указывает, каков был первоначальный характер религии. Христианство находилось в расцвете, пока оно было религией бедных, простых людей. Именно богатые, властные и сильные мира сего привели христианство в упадок, усложнили и разрушили его.

Изучение надписей на гробницах, однако, не позволяет сделать каких-либо заключений об их спиритическом характере. Для этого нам придётся обратиться к Отцам доникейской поры, и здесь мы находим такое множество сведений, что из них можно составить целую книгу. Проникновение в смысл этих сообщений потребует соответствующей перестройки нашего мышления и усвоения непривычной лексики: например, «пророчество» следует понимать как медиумизм, а «ангел» в нашем представлении – Высший Дух, или направник. Теперь проанализируем несколько типичных цитат из великого множества сообщений.

Блаженный Августин^{*} в своём труде «De cura pro Mortuis» говорит: «Духи умерших могут быть ниспосланы живым, они могут раскрыть им будущее, которое они узнали от других духов, или от ангелов (духовных наставников, – А.К.Д.), или посредством святого Откровения». По современным понятиям речь идёт о Спиритизме. Августин не мог выразиться точнее, так как, видимо, не был достаточно знаком со Спиритизмом, но мы не находим в его словах ни малейшего намёка на недозволенность последнего.

CXXIX. Блаженный Августин вновь обращается к этому вопросу в своём труде «О Граде Божьем», где говорит о практике, которая позволяла эфирному (неземному) телу человека общаться с духами и высшими направниками посредством видений. Сегодня мы называем таких людей медиумами – это название определяет их посредническую позицию между телесными и бестелесными существами.

Св.Климент Александрийский^{**} делает сходные намёки, и Бл.Иероним^{***} в своей полемике с Вигилантиусом Галльским^{****} также оставил похожие упоминания. Это, однако,

* Аврелий Августин (354 – 430гг.) – латиноязычный христианский писатель, выходец из Нумидии (Северная Африка). Изучал риторику, впоследствии преподавал её в Карфагене, Риме и Милане. Назван католическими богословами «блаженным». Как богослов и писатель, имел сильное влияние на оформление всей догматики католицизма. Один из Высших Духов, активно сотрудничавших с Алланом Кардеком в создании спиритического Учения. (Й.Р.)

** Св.Климент Александрийский (150 – 215гг.) – греческий теолог, применявший идеи греческой философии к христианской доктрине. Учитель известного теолога Оригена. (Й.Р.)

*** Блаженный Иероним (340 – 420гг.) – богослов, автор латинского перевода «Библии» (так наз. вульгата). За перевод «Библии» был причислен Католической церковью к разряду святых и Учителей Церкви. На нём лежит вина в недоразумении с Люцифером. Переводя стих из «Книги пророка Исаии», он неудачно построил фразу, и Люцифер (так римляне называли планету, которую мы теперь именуем Венерой, жалуя ей иногда титул «Утренней Звезды»; «люцифер» буквально значит на латыни «светоносец», т.е. «вестник утра») стал восприниматься не как небесное тело, а как некий претенциозный субъект, который «вознёсся на небеса» и был за это «низвергнут в ад».

Когда в Средние века христианство окончательно выродилось в мракобесие, тогдашние богословы разработали доктрину христианского ада (понятие, совершенно чуждое Христу и раннему христианству) и изобрали Князя тьмы – персонаж, также совершенно неведомый раннему христианству. Тогда-то они и вспомнили о персонифицированном Люцифере, и с той поры латинское название планеты стало одним из имён Духа тьмы. Стало быть, «носитель света» сделался у средневековых знатоков латыни «носителем мрака». Такая вот неумелая игра словами на уровне идиотизма, разросшаяся со временем в учение о сатанизме, каковое закономерно привело к дегенерации христианства. Описка с Люцифером оказалась самой что ни на есть настоящей трагедией для всего христианского мира, вот уже полтора тысячелетия являющегося жертвой чудовищной мистификации. (Й.Р.)

**** Вигилантиус (Вигилий) Галльский – дьякон, жил в первой половине V века в Галлии; автор

происходило в более поздний период – после Никейских соборов. ****

CXXX. Автором книги «Пастырь» считается Герма* – личность до конца не установленная. По некоторым сведениям, он был другом Св.Павла и прямым учеником апостолов. Впрочем, точное установление авторства не имеет большого значения; книга определённо написана кем-то из ранних христиан и отражает идеи, которые превалировали в то время. В ней говорится: «Дух не отвечает всем, кто его испрашивает, не отвечает он и обычным людям. Дух, который был послан Богом, должен говорить не по желанию человека, а по дозволению Господа. Когда человек, которому явился дух от Господа (т.е. дух-наставник, – А.К.Д.), после произнесения молитвы входит в общество истинно верующих, то дух наполняет этого человека и он начинает вещать согласно воле Божией».

Это в точности совпадает с нашим личным психическим опытом, с тем, что мы испытываем во время удавшихся сеансов. Мы не призываем духов, как говорят невежественные критики, мы не знаем, что нас ждёт, но мы молимся, читаем «Отче наш» и ожидаем развития событий. Затем избранный с позволения Господа дух приходит к нам и говорит или пишет через медиума. Герма, как и Августин, не приводит никаких подробностей, позволяющих сделать вывод, будто он имел личный опыт в проведении спиритических сеансов.

Толкования Оригена** также во многом напоминают психическое Учение. Мы могли бы продолжить наши ссылки, но остановимся, пожалуй, на краткой цитате, взятой из его дискуссии с Цельсом***: «Многие люди вошли в лоно христианства благодаря тому, что их души неожиданно чувствуют перемену в себе после общения с неким духом, снизошедшим к ним во сне или наяву». Именно таким путём лидеры материализма (и среди них доктор Эллиотсон) возвратились к вере в жизнь после смерти и определили своё отношение к этой жизни через изучение доказательств психического свойства.

Именно ранние Отцы Церкви наиболее определённо высказались по поводу этой проблемы и были ближе всего к её психическому источнику. Так, Иреней* и Тертуллиан, ** жившие в конце II столетия, писали о психических явлениях, хотя Евсевий*** позже скорбел о

монашеского устава. (Й.Р.)

**** Имеются в виду первые два Вселенских собора, проведённых в 325 и 381 годах во главе с императором Константином Великим в городе Никея (нынешняя территория Турции), на которых были утверждены основа православного вероучения – Никеоцарьградский символ веры, а также представления о единстве Бога, богооплощении, искуплении, воскресении из мёртвых, крещении, загробной жизни и т.п. (Й.Р.)

* Герма (II в.) – один из апостолических Отцов раннего христианства. Христианин, проданный как раб в Рим, был затем освобождён. Его известный труд «Пастырь» состоит из трёх частей: «Видения», «Наказы», «Образы». В книге содержатся откровения старой женщины и пастыря (ангела) о грехе и моральные наставления, исполнение которых ведёт к новой и светлой жизни. Многие ранние христиане рассматривали этот труд как часть Священного Писания. (Й.Р.)

** Ориген (185 – 254гг.) – греческий теолог, родился в Александрии, ученик Климента Александрийского. Причудливо, в аллегорической форме интерпретировал «Библию». Кастрировал самого себя, чтобы подтвердить приверженность обряду целибата, т.е. безбрачия. (Й.Р.)

*** Цельс (II в.) – греческий философ-платоник из Александрии, первый известный критик христианства, автор сочинения «Правдивое слово» (179г.), которое сохранилось в значительных цитатах у христианского автора Оригена в его труде «Contra Celsum («Против Цельса»), написанном в III веке. (Й.Р.)

* Св.Иреней Лионский (140 или 160 – 200гг.) – создатель католической теологии, выдающийся теолог II века. Был епископом Лигдунума (Лион), боролся с гностиками; наиболее известный его труд «Adversus Haereses» («Против ереси»). (Й.Р.)

** Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан (155 – 222гг.) – апостолический Отец раннего христианства, христианский теолог и писатель. Подчёркивал пропасть между библейским откровением и греческой философией; утверждал веру именно в силу её несоизмеримости с разумом. Развивал своеобразный мистический материализм: души и даже Бог – тела особого рода. В конце жизни сблизился с монтанистами – движением ранних христиан, пытавшихся вернуть Церкви прежнюю чистоту, и в конце концов порвал с Церковью, которую упрекал в непоследовательном проведении принципов аскетизма и мученичества. (Й.Р.)

*** Евсевий Кесарийский (Памфил) (между 260 и 265 – 340гг.) – римский церковный писатель,

том, что они неприемлемы для Церкви. Иреней писал: «Мы слышали о многих собратьях по церкви, обладающих пророческими (медиумическими, – А.К.Д.) дарами: говорящих посредством духа на всех языках, проливающих свет на общие достижения скрытых достоинств человеческих, излагающих таинства Господни». Что лучше этого отрывка может описать функции медиума высокого класса?

Когда Тертуллиан выступил с опровержением взглядов Марциона,^{***} он использовал спиритические возможности для проверки истинности аргументов спорящих сторон. Он утверждал, что подобные таланты проявляются в великом изобилии и упомянул о трансречевых сообщениях, о пророчествах и откровениях, проливающих свет на скрытую от глаз истину. Сегодня всё это вызывает насмешки и осуждается современными священнослужителями, а в 200-м году подобные способности поощрялись христианством. Тертуллиан в своём труде «*De Anima*» («О Душе») сообщает: «Среди нас сегодня находится сестра, обладающая природным даром Откровения. Она получила его от духа в церкви во время службы во славу Воскресения Господня, во время которого она испытала экстаз. Она разговаривала с ангелами (так он называет Высших Духов, – А.К.Д.), постигая тайны, читая в сердцах некоторых людей и принося исцеление тому, кто просил её об этом. «Среди прочих, – сказала она, – мне явилась душа, принявшая форму тела, похожая на духа, но не пустая. Казалось, что можно осязать её: она была мягкой, прозрачной и имела очертания человеческой фигуры, которую можно было разглядеть во всех подробностях».

CXXXI. Ещё одним источником информации об устройстве ранней христианской Церкви являются «Апостольские постановления».* В действительности они не принадлежат перу апостолов, но такие исследователи, как Уистон, Краббе и Бунзен, утверждают, что по крайней мере семь из восьми книг подлинные и относятся к доникейскому периоду, а именно к началу III столетия. Изучение их привело к открытию малоизвестных фактов. Во времена церковной службы использовались ладан и кадильница, которые присутствуют и в современном католическом богослужении. Священники и епископы были женатыми людьми. Существовала система негласного бойкота тех, кто нарушил церковные правила. Если кто-либо из священников продвигался по церковной лестнице, используя мирские связи, то его лишали сана. Верховенство епископа или Папы принималось безоговорочно. Вегетарианство и полный отказ от вина не одобрялись и даже наказывались. Последнее особенно удивительно: возможно, такие установления были направлены против ересей, связанных с этими привычками. Священник, которого заставали в таверне, временно отстранялся от службы. Всем священнослужителям согласно иудейской традиции разрешалось есть только бескровное мясо. Пост соблюдался строго: один день в неделю (как правило, по четвергам) и 40 дней в Великий пост.

Все эти древние документы пролили свет на споры о «даре», то есть о разных формах медиумизма, и на его психические корни. Тогда, как и ныне, медиумизм облекался в разные формы, как-то: речь, исцеление, предсказания и тому подобное. Гарнак^{**} пишет, что при каждой христианской церкви раннего периода числились три женщины: одна – для исцеления и две – для предсказаний. Этот вопрос подробно рассмотрен в «Апостольских

епископ Кесарии (ныне – Кесария, Израиль), автор труда «Церковная история» (истории христианской церкви до 324 года). (Й.Р.)

**** Марцион (умер в 160г.) – основатель христианской секты (марционизм). По его утверждению, Иисус Христос не мог иметь отношения к Богу-Создателю, воспетому в «Ветхом Завете». Он считал, что подлинное Евангелие Христа было искажено его учениками, которые воплотили в нём идеи иудаизма, а «Ветхий Завет» вообще не должен восприниматься христианами. Согласно Марциону только Св.Павел правильно понял учение Христа. (Й.Р.)

* «Apostolic Constitutions» – «Апостольские постановления», или «Каноны Св.Апостолов» (II – III вв.) – каноническое (церковное) право ранних христиан, отражает начало развития административного аппарата Церкви. (Й.Р.)

** Адольф фон Гарнак (1851-1930) – немецкий историк церкви и теолог. Один из лидеров либерального протестантизма. Гарнак известен своим многотомным трудом «История доктрины» (1888-89гг.), где прослеживает историю развития христианской доктрины. Он настаивал на том, что христианская Церковь испытала сильное влияние греков. Мечтал вернуть Церкви простоту раннего христианства. (Й.Р.)

постановлениях». Во избежание их самовозвеличивания над теми, кто не обладал подобным даром, они не получали никаких привилегий, ибо талант и добродетель не всегда совпадали.

Сами эти явления, как и в современном Спиритизме, способствовали обращению неверующих. Их целью было «не дарование преимуществ тем, кто обладает подобными способностями, но убеждение неверующих, тех, кого слово не может убедить в силе знамения. Кого-то могут смутить подобные знамения, но не нас – верующих, а скорее неверующих, иудеев и язычников».^{***}

Далее следует описание этих разнообразных талантов, которые при внимательном рассмотрении похожи на современные формы медиумизма: «Не каждый из тех, кто подаёт эти знамения и совершает чудеса, может судить тех верящих, кто не удостоился того же дара. Дары Божии, которые Он передал через Христа, различны: этот человек получает один дар, а тот – другой. Некоторые могут обладать словом мудрости (речь в трансе, – А.К.Д.), другие словом знания (наитие, – А.К.Д.), третья – духовной проницательностью (ясновидение, – А.К.Д.), иные – предвидением грядущего, словом веры (обращение к духам, – А.К.Д.), а иные – долготерпением». Все наши медиумы, несомненно, особенно нуждаются в последнем даре.

CXXXII. Те, кто не состоит в рядах спиритов, могут поинтересоваться, обнаружены ли упоминания о подобных духовных проявлениях в других Церквях, происшедших от одного раннехристианского корня? Да, присутствие высшего духовного начала признавалось всегда. Так, в «Рукоположении в сан епископа» мы находим следующие слова: «Святой Дух всегда с нами, так же как и духи праведников и духи-хранители». В целом, насколько я могу судить, мы сегодня более близки к полному пониманию психических явлений, чем авторы «Постановлений», которые, возможно, уже отошли от непосредственного общения со святыми, характерного для I века. Есть основание поверить в то, что психическая сила неизменна, что она набегает как волна прилива, но мы не знаем, насколько долго она сохраняет свою мощь.

Некоторые могут заметить, что поскольку наши знания о событиях, связанных с историей ранней Церкви, очень ограничены, возможно, полезно было бы вступить в связь с некоторыми высшими духовными умами, которые принимали участие в тех событиях и могли бы обогатить наши знания, предоставив нам новую информацию. На самом деле такая информация уже содержится во многих вдохновенных рукописях,^{*} и даже если доказательства, приведённые мною, подвергнутся уточнению, всё равно они дают возможность проследить историю вопроса и показать всему миру, насколько тесна связь между сообщениями из потустороннего мира и религией. Не так давно были обнародованы две пространные рукописи, написанные рукой леди-медиума мисс Камминз, находившейся в полуబессознательном состоянии и писавшей при этом со скоростью 2000 слов в час. Одна рукопись представляла собой описание миссии Христа Филиппом Евангелистом,^{**} а вторая – дополнения к «Деяниям апостолов», принадлежавшие, как утверждалось, руке Клеопы, который трапезничал с воскресшим Христом в Эммаусе.^{***} Первая из рукописей была опубликована,^{****} вторая скоро выйдет в свет.

Насколько мне известно, никто из критиков Спиритизма не изучал рукопись, написанную от имени Филиппа, но её внимательное прочтение убеждает в безусловных достоинствах этого документа. Рукопись ясно и последовательно объясняет многие факты, приводившие в недоумение исследователей. История с рукописью Клеопы, однако, более примечательна, и я склонен признать её наиболее значительным документом во всей истории движения, имеющим сверхъестественное происхождение. Она была передана доктору

^{***} «Апостольские постановления», кн. VIII, раздел I. (Й.Р.)

^{*} Прежде всего за этим можно обратиться к книгам Аллана Кардека, особенно к «Книге Духов». (Й.Р.)

^{**} Св.Филипп (I в.) – один из 12 апостолов, проповедовал Евангелие в Скифии и Финикии; был распят. (Й.Р.)

^{***} Эммаус – небольшое селение на северо-западе от Иерусалима. Здесь воскресший Господь узнан был двумя его учениками при преломлении хлеба. Одним из двух учеников, встретившихся в Эммаусе с воскресшим Спасителем, был Клеопа. – «Еванг. от Луки», гл.XXIV, ст.13, 18. (Й.Р.)

^{****} “The Gospel of Philip the Evangelist”.

Остерлею – капеллану епископа Лондонского – одному из выдающихся авторитетов церковных традиций и истории. Доктор утверждал, что рукопись несёт все признаки принадлежности её руке современника эпохи, тесно связанного с кругом апостолов. Многое указывало на высокую эрудицию автора: например, использование имени первосвященника иудея Ханаана, известного англоязычным читателям под именем Анания; это обстоятельство служило также доказательством подлинности рукописи. Среди прочих интересных фактов Клеопа описывает Пятидесятницу* и утверждает, что апостолы сидели по кругу, взявшись за руки, в то время как Учитель наставлял их. Эта рукопись может стать чрезвычайно ценным свидетельством, проливающим свет на историю раннего христианства.

Обе рукописи, по мнению автора, представляют собой неоспоримое подтверждение реального общения ранних христиан с духами, и это невозможно отрицать.

CXXXIII. Не презирайте скромных начал, которыми явились «пляшущие столы» или «летающие бубны», каким бы злоупотреблениям и имитациям эти явления ни подвергались, но помните, что падение яблока позволило открыть закон всемирного тяготения, котёл с кипящей в нём водой дал человечеству паровую машину, а подёрживание лягушачьей лапки направило исследовательскую мысль по новому пути, приведшему нас к открытию электричества. Точно так же и явления невысокого порядка, имевшие место в Гайдсвилле, принесли свои плоды, ибо, привлекши к себе на двадцать лет внимание лучших умов той страны, они оказались началом такой работы, которая, по моему мнению, предназначена оказать на прогресс человечества куда большее влияние, чем всё сделанное доныне.

CXXXIV. Можно возразить, и многие так и делали – как скептики, так и сами спириты, – что столь эксцентричные физические эффекты бесполезны и несерьёзны. Есть много сторонников этого мнения, однако есть и много других, чьи мыслиозвучны словам мистера П.Б.Рэндалла:

«Виноваты не бессмертные, а мы сами, ибо каков спрос – таково и предложение. Если до нас не достучаться одним способом, то прибегают – и успешно – к другому: мир вечной мудрости показывает племени слепцов столько, сколько оно способно воспринять, и не больше. Если в интеллектуальном плане мы младенцы, то должны довольствоваться ментальным пюре до тех пор, пока не станем способны к принятию более твёрдой пищи. И раз убедить людей в истинности вечной жизни способны лишь спиритические трюки и фокусы, то они и оказываются явлены людям. Зрелище радужной руки, появившейся в присутствии трёх тысяч человек, способно за десять минут взволновать больше сердец, глубоко впечатлить и дать веру в загробную жизнь большему количеству людей, чем это под силу целому полку священников, который бы трудился пять лет».

CXXXV. Наши оппоненты утверждают, будто стуки в Гайдсвилле не открыли ничего чудесного. Я же полагаю, что, открыв наличие разума, существующего отдельно от обычной материи, они уже открыли кое-что чудесное – воистину самое чудесное и удивительное из того, что удалось узнать нашему веку. Я согласен с тем, что многие проявления кажутся ребяческими, но если взглянуть на силу, стоящую за ними, их вызывающую и производящую, то они тогда перестают быть таковыми и становятся вместо этого отправной точкой важнейших размышлений и экспериментов. Обращение было сделано к невежественному и материалистическому поколению, и, чтобы вывести людей из их ограниченного самодовольства, потребны были именно такие грубые и примитивные явления. Нам бы показалось лучшим, если бы некий архангел появился на Трафальгар-сквер и сделал соответствующие заявления, но я подозреваю, что проблема была намеренно затемнена, дабы нам иметь заслугу в применении своих умственных сил и терпения.

CXXXVI. Странность, характеризующая, впрочем, дух той эпохи, состоит в том, что участники сеансов редко задумывались о религиозном смысле этого явления: в своих вопросах они чаще всего просили назвать второе имя своей бабушки или сообщить точное

* Пятидесятница – 50-й день Пасхи – день, празднуемый в память сошествия Св.Духа на апостолов. (И.Р.)

число своих дядьёв. Даже самые серьёзные люди задавали совершенно никчёмные вопросы, и никому не приходило в голову, какие перед ними открываются возможности для серьёзного обоснования религиозных верований.

С тех пор мир сильно изменился: добывается больше угля и железа, развивается промышленность, изобретены страшные орудия войны. Но можем ли мы сказать, что мир в такой же степени продвинулся в спиритическом Учении и стал более почтительно относиться к тайнам невидимого мира? Под руководством философии материализма человечество движется по ложному пути. Чем дальше, тем всё более и более ясно, что путь этот – путь страданий, и человечество должно приступить к постижению этих тайн или погибнуть.

CXXXVII. Мистер Джером К.Джером сравнил наши современные чудеса с теми, что описываются в «Новом Завете». Но я полагаю, что это всё *те же самые* чудеса. За исключением «воскресения из мёртвых», я не могу назвать ни одного чуда в «Новом Завете», которое бы не было авторитетно заверено как имевшее место при спиритических опытах.

Я сам на практике сталкивался с такими явлениями, как порывы ветра, языки пламени и прямой голос. Что же до налёта «забавности», лежащего на наших современных чудесах, и отсутствия такового на чудесах евангельских, то всё зависит от настроя, в котором описывается какое-либо событие. Я не сомневаюсь, что если бы некий циничный журналист рассказывал истории о хлебах и рыбе или о Гадаринских свиньях, то он вполне мог бы сделать их уморительными, хотя на самом деле это не отражает сути происходящего.*

CXXXVIII. Когда я читаю «Новый Завет», обладая тем знанием, какое даёт мне Спиритизм, у меня складывается глубокое убеждение, что учение Христа было во многих важных отношениях утрачено раннехристианской Церковью и не дошло до нас. Все эти намёки на победу над смертью имеют, как мне кажется, весьма мало значения в современной христианской философии, но тот, кто видел, хотя бы смутно, сквозь покров, руки, протянутые ему из загробного мира, и кто касался их, хотя бы слегка, тот действительно победил смерть. Когда мы сталкиваемся со множеством упоминаний о таких достаточно хорошо известных нам явлениях, как левитация, огненные языки, порывы ветра, духовные дары – одним словом, «создание чудес», то нам тогда становится понятным, что самая сокровенная суть этих явлений, непрерывность жизни и общение с умершими были древним более чем наверняка известны. Нас поражает, когда мы читаем: «Здесь он не совершил чуда, ибо в народе не было веры». Ведь разве не согласуется это целиком и полностью с известным нам психическим законом? Или другое место, когда Христос, после того как до него дотронулась больная женщина, восклицает: «Кто коснулся меня? Много добродетели ушло от меня». Мог бы он яснее выразить то, что сегодня сказал бы на его месте медиум-исцелитель, за исключением разве только того, что вместо слова «добродетель» тот употребил бы слова «сила» или «энергия»? И когда мы читаем: «Не всякому духу верьте, но испытуйте духов, дабы знать, идут ли они от Господа», то разве это не совет, который сегодня дают всякому новичку, приступающему к спиритическим исследованиям? Вопрос этот представляется мне слишком обширным, для того чтобы задерживаться здесь на нём подробно, но мне думается, что тема эта, подвергающаяся сейчас столь ожесточённым нападкам со стороны наиболее непреклонных христианских церковнослужителей, в действительности является краеугольным камнем всего христианского учения. Тем, кто желал бы основательнее познакомиться с подобным строем мыслей, я настоятельно рекомендую небольшую книгу д-ра Абрахама Уоллеса «Иисус из Назарета», если только тираж этой бесценной работы не распродан полностью. В ней автор самым убедительным образом доказывает, что чудеса Христа управлялись силами, действующими в рамках психического закона, как мы его понимаем теперь, и что они соответствовали характеру этого закона в малейших своих деталях. Два примера такого рода я уже привёл. Множество же других представлено в этой брошюре. В высшей степени точна и убедительна история материализации на горе двух пророков, если судить о ней по правилам психической науки. Прежде всего бросается в глаза то обстоятельство, что выбор пал на Петра, Иакова и Иоанна, которые составляли психическую

* Такого рода опыт был сделан Лео Таксилем в его «Забавном Евангелии». Весьма назидательное сочинение. (Й.Р.)

группу, когда умершего призывали к жизни: они, вероятно, были наиболее медиумически одарёнными по сравнению с прочими участниками сеанса. Далее указывается на необходимость чистого горного воздуха. Сияющие, ослепительные одежды, облако, слова «построим три молельни», которые можно понять также как «построим три кабинки», или «три кабинета» – всё это означает, что были созданы идеальные условия для того, чтобы осуществить явление (материализацию) духа умершего посредством сосредоточения психических сил. Во всём этом усматривается последовательное сходство приёмов и способов. Что касается прочего, то, например, свод даров, которые Св.Павел даёт нам как качества совершенно необходимые последователю христианства, является, по сути дела, перечнем способностей, которыми должен обладать сильный медиум, включая сюда дар пророчества, исцеления, сотворения чудес (или физических феноменов), ясновидения и многое другое («Послание к Коринфянам», I, XII, ст. 8,11). Первоначальная христианская Церковь была вся насыщена Спиритизмом и, видимо, не обращала никакого внимания на запреты «Ветхого Завета», который предоставлял этот дар в право исключительного пользования и выгоды духовенства.

CXXXIX. Многие писатели говорили о том, что современные психические исследования представили в новом свете библейские сказания. Лучше других это мнение выразил в своей книге «Человеческая личность и её сохранение после смерти тела» Фредерик Мейерс^{**}:

«Я осмелиюсь выразить свою твёрдую убеждённость в том, что (как я уже предсказывал, опираясь на полученные свидетельства) в Воскресение Христово будут верить во все времена не только все разумные люди, пусть и отрицающие новые сведения, но и неразумные тоже... Особенно после того, как была провозглашена концепция духовной жизни после телесной смерти. Совершенно очевидно, что этот факт найдёт лишь слабую поддержку со стороны традиционалистов, зато он может и должен быть подкреплён современными исследованиями. Предположим, мы собрали множество подобных историй, документальных свидетельств очевидцев, и допустим, что все эти повествования были опровергнуты критикой, которая отнесла их к разряду галлюцинаций из-за неточности описаний и других ошибок. Можно ли ожидать, что разумный человек поверит в столь чудесное явление? Ведь современный человек, живущий в наш критический век, всегда теряется, когда он, живя в современной Англии, должен заставить себя поверить в то, что случилось в восточной стране, склонной к суевериям, да ещё в столь давние времена. Были ли результаты психических исследований (я

* Надо сказать, что, действительно, «чудеса» Христа находятся все в пределах, в коих действуют силы, управляемые психическим законом в том его виде, понимание которого нам даётся теперь Спиритизмом, и что даже в самых мельчайших своих подробностях чудеса эти соответствуют природе этого закона. Согласно философии карденистского спиритизма, «чудес» в Природе не существует и не смогло бы существовать, есть только законы, нами не познанные, и действия, на их основе совершаемые знающим, воспринимаются профанами как чудо. По мнению спиритов, величие Божеское заключается отнюдь не в том, что с помощью каких-то чудес Бог постоянно вмешивается в нормальный ход вещей и произвольно его поворачивает в ту или иную сторону, но в том, что Он изначально создал такие законы, которые направляют развитие Вселенной в нужное русло без всякого последующего и могущественного вмешательства извне. Создание таких законов и является самым величайшим из Божьих чудес.

Христианская Церковь, запрещая вызывание духов, осуждая Спиритизм, формально опирается на запрет Моисея. Но этот запрет у него находится в той части его законов, каковые имеют временный, т.е. переходный и исторически обусловленный характер, и связан с конкретной исторической обстановкой, в какой жили руководимые им евреи. В самом же «Евангелии», созданном в совершенно иных исторических условиях, нет не только ни одного запрета на всё это или хотя бы какого намёка на запрет, но и недвусмысленно указывается на важность этого дела, и вся последующая деятельность апостолов и святых, как ясно всякому знающему предмет, связана с применением Спиритизма, о чём они сами недвусмысленно и говорят в оставленных ими сочинениях. И подводя итог сказанному об этом запрете, можно спросить, неужели Церковь ставит закон Моисеев выше закона Евангелического, т.е., иными словами, неужели же Церковь православных, католиков и протестантов есть Церковь более иудейская, нежели христианская? (И.Р.)

** "Human Personality and Its Survival of Bodily Death" by F.W.H.Myers.

имею в виду все известные мне исследования) однозначно отрицательными? Не подвергнутся ли свидетельства христиан – я уж не говорю об их чувствах – сокрушительному удару?»

CXL. В «Новом Завете» имеется множество эпизодов, которые можно взять в качестве отправных пунктов, чтобы проследить близкую аналогию между аномальными явлениями, ознаменовавшими первые годы христианства, и теми, что поставили в затруднение сегодняшний мир в связи с современным Спиритизмом. Многие из нас охотно допускают, что постоянные требования христианства к человеческой расе вызваны его специфическими доктринаами, которые совершенно независимы от чудес, единственное назначение коих имело целью оказать впечатление на ничем не пробиваемое самодовольство бездуховной расы и тем самым с силой направить внимание тогдашних людей к новой системе мысли, предлагаемой христианством. Совершенно то же самое можно сказать и о современном Откровении. Демонстрация силы, простирающейся за пределы человеческих возможностей и человеческого опыта, есть не более, чем способ привлечь внимание. Если повторить где-то уже использованное мною сравнение, то все эти явления не более, чем скромный телефонный звонок, возвещающий, что нам имеют сообщить нечто чрезвычайно важное. Применительно к Христу Нагорная проповедь была куда более значима, чем всё множество совершившихся им чудес. То же самое можно сказать о посланиях из мира потустороннего: они бесконечно важнее, чем какие-либо явления, их сопровождающие. Вульгарный ум может выставить историю Христа в весьма вульгарном свете, если он настаивает на чуде с хлебами и рыбой. Так же точно вульгарный ум может овульгарить психическую религию, настаивая на движении мебели и летающих бубнах. В каждом из этих случаев чудеса и явления – лишь неоспоримый знак способности, самая суть которой находится на более высоких планах бытия.

CXLI. Во второй главе «Деяний Апостолов» констатируется, что они, христианские вожди, были *единодушно вместе*. Словосочетание «единодушно вместе» как нельзя более удачно передаёт наличие симпатии, которая всегда присутствует в спиритических кружках как средство, способствующее достижению лучших результатов, и как раз симпатия настойчиво игнорируется определённым классом исследователей. Затем «внезапно сделался шум с неба, как бы несущегося сильного ветра», а потом «явились им разделяющие языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них». Здесь вполне определённый и ясный перечень весьма характерной последовательности явлений. Давайте же сравним с ним результат, полученный профессором Круксом в ходе его исследований в 1873 году. Он принял тогда против возможного подлога все меры предосторожности, какие ему мог подсказать богатый опыт наблюдателя и точного экспериментатора. В опубликованных им заметках сообщается: «Я увидел светящиеся точки, метавшиеся по комнате, а затем поместившиеся на головах присутствующих». Или вот ещё: «Этим движениям, и то же самое я могу поистине сказать о каждом роде явлений, обычно предшествуют порывы холодного воздуха, порой усиливающиеся до настоящего ветра, который сдувал у меня со стола листы бумаги...»

Итак, разве не странно, что мы сталкиваемся лицом к лицу не только с теми же самыми явлениями, но и что эти явления проявляются в той же самой последовательности: сначала порывы ветра, а после огни? При нашем незнании законов эфирной физики, незнании, которое понемногу начинает рассеиваться, мы можем лишь сказать, что в данном случае перед нами имеются определённые указания на некий общий закон, который увязывает воедино оба этих эпизода, несмотря на разделяющие их девятнадцать веков. Чуть ниже в «Деяниях» сообщается, что «дом сотрясся, где они находились». Многие современные наблюдатели психических явлений были свидетелями вибрации стен комнаты, как если бы мимо проезжал грузовой автомобиль. Именно на такие ощущения, по всей видимости, намекает Св.Павел, когда говорит: «Наше евангелие явлено вам не только в славе, но и в силе». Проповедник Нового Откровения может с полным основанием сказать то же самое. Так, по поводу знаков, явленных в день Пятидесятницы, я могу истинно сказать, что испытал их все на собственном опыте – внезапный холодный ветер, колышущиеся туманные языки огня – при медиумическом содействии г-на Феникса, психика-любителя из Глазго.

CXLII. Невозможно дать никакого философского объяснения явлений, известных как спиритические, которое бы не показало, что все они, несмотря на различия в форме их проявления, происходят из единого центрального источника. Св.Павел, по видимости, не раз утверждает это, когда говорит: «Но всё тот же самый дух совершаєт сие, разделяясь для каждого человека многажды по желанию». Разве наша сегодняшняя теория, которую нам диктуют факты, может быть выражена в более сжатом виде? Апостол перечислил различные дары, и мы обнаруживаем, что они весьма близки к уже известному нам. Во-первых, есть «слово мудрости», «слово знания» и «вера». Всё это, будучи взято в связи с Духом, по видимости, служит указанием на более высокий характер сообщений, приходящих из мира иного. Затем следует целительство, которое всё ещё практикуется при определённых условиях в высшей степени сильным медиумом, обладающим способностью передавать энергию, при этом он отдаёт ровно столько, сколько слабый получает, что подтверждается словами Христа: «Кто коснулся Меня? Много добродетели (т.е. энергии, – А.К.Д.) ушло из Меня». Затем мы подходим к совершению чудес, которое мы можем назвать просто *производством явлений*, сюда входит много феноменов разного рода: апорты (когда предметы переносятся на расстояние), левитация (поднятие в воздух как предметов, так и человеческого тела), производство огней и другие удивительные вещи. Затем следует дар пророчества, являющегося действительной и вместе с тем прерывистой, а зачастую и обманчивой формой медиумизма – всего более обманчива она была у ранних христиан, которые, повидимому, все ошиблись относительно приближавшегося падения Иерусалима и разрушения Храма, каковые они могли смутно предвидеть и отождествляли с «концом света». Эта ошибка повторялась ими столь часто и столь явно, что игнорировать её или отрицать поистине нечестно. Затем мы приходим к способности «различения духов», что вполне соответствует нашему ясновидению, и в конце концов любопытный и обычно бесполезный «дар языков», который наблюдается также и сегодня. Припоминаю, как некоторое время назад я прочитал книгу «И был мне Голос», изданную известным адвокатом,* в которой он описывает, как его юная дочь начала бегло писать по-гречески, правильно расставляя все надстрочные знаки. Сразу вслед за тем я получил письмо от не менее знаменитого врача, который желал знать моё мнение по поводу одного из своих детей. Ребёнок написал значительное количество текстов на средневековом французском. Оба этих недавних случая, несомненно, подлинны, но что касается третьего, когда один неграмотный человек нарисовал несколько невразумительных знаков, которые неким экспертом были объявлены раннекельтскими письменами, то эта история не представляется мне убедительной. Но поскольку огам (раннекельтское письмо, – Й.Р.) действительно представляет собой комбинацию прямых линий, то данный случай всё же можно принять с определёнными оговорками.

CXLIII. Таким образом, явления, связанные со становлением христианства, и те, которые заявили о себе в современном духовном движении, вполне аналогичны. При рассмотрении дара учеников, как сообщают о том Св.Матфей и Св.Марк, единственным дополнением к достигнутому в наши дни является только воскрешение из мёртвых. Если бы кто-нибудь из учеников Христовых действительно поднялся до такой высоты силы, когда жизнь, действительно угасшая, была бы возрождена, то он, несомненно, далеко бы превзошёл всё то, что сообщается в анналах современного медиумизма, но такое оказалось под силу только их великому Учителю. Ясно, стало быть, что такая способность должна быть чрезвычайно редка, иначе бы она была использована ранними христианами для оживления тел их мучеников, попыток к чему, по всей видимости, даже не предпринималось. Для Христа такая способность, без сомнения, допускается; более того: в описании воскрешения, проведённого Христом, имеются незначительные штрихи, придающие ему исключительную убедительность в глазах исследователя психических явлений. Так, при описании воскресения Лазаря, произошедшего после того, как он пролежал четыре дня мёртвый, – поистине самое изумительное чудо Христово – сообщается, как Христос приближался к могиле: он *стонал*.** Почему стонал он? Ни один исследователь «Библии», повидимому, не смог дать

* A King's Counsel, "I Heard a Voice", Kegan Paul edit. (Й.Р.)

** В русском синодальном переводе «Библии» это место – как и многие другие – завуалировано. (Й.Р.)

удовлетворительного ответа на этот вопрос. Но всякий, кто слышал, как стонет медиум в момент, предшествующий исключительно сильному проявлению медиумической энергии, увидит в этом пассаже тот самый штрих практического знания, по которому он может судить о достоверности описываемых событий. Само чудо, добавлю я, от того ничуть не становится менее чудесным и всё равно находится за пределами человеческих возможностей, потому что оно произведено за счёт раздвижения рамок естественного закона, и это раздвижение отличается своей степенью от того, что мы можем сами удостоверить или тем более совершил.

CXLIV. Хотя наши современные проявления никогда не достигали степени явлений, упоминаемых в библейских записях, они имеют некоторые особенности, о которых не сообщается в «Новом Завете». Яснослышание, т.е. способность слышать голос духов, присуща обоим, а вот «прямой голос», т.е. слышание голоса, который все присутствующие могут услышать своими материальными ушами, – это теперь хорошо удостоверенный феномен, о котором гораздо реже упоминалось в старые времена. Также и спиритическая фотография – явление, когда фотокамера запечатлевает то, что не может видеть человеческий глаз, – служит, естественно, новейшим свидетельством. Ничто не является уликой для тех, кто не изучает улик, но я готов под присягой удостоверить, что лично мне известно несколько случаев, когда образ умершего, получившийся на негативе, не только не составляло труда опознать, но он также совершенно отличался от любой фотографии, сделанной при жизни.

CXLV. Что касается методов, посредством которых ранние христиане общались с духами, или со «святыми», как они называли умерших единоверцев, то об этом у нас, насколько мне известно, свидетельств не имеется, хотя слова Св.Иоанна: «Братия, не всем духам верьте, но испытуйте духов, от Бога ли они», очень ясно показывают, что общение с духами было занятием привычным и что ранним христианам, как и нам, в процессе общения досаждали вторжения нежелательных духовных сущностей. Некоторые исследователи полагают, что «Ангел Церкви», о котором упоминается в выражениях, наводящих на мысль, что речь идёт о человеке, был на самом деле медиумом, освящённым для содействия той или иной конгрегации верующих. Поскольку у нас имеются ранние указания на наличие епископов, дьяконов и других церковных лиц, то трудно сказать, кем ещё мог быть этот «ангел». Это, однако, может оставаться чистым предположением.

Другое предположение, которое, быть может, окажется куда более плодотворным, касается принципа, в соответствии с которым Христос избрал двенадцать своих главных последователей. Из всего множества народа он выбрал двенадцать человек. И почему именно их? Не в связи с умом и образованностью, ведь Пётр и Иоанн, самые выдающиеся из них, нарочито описываются как «неучёные и тёмные люди». Не в связи с их праведностью, ибо один из них оказался большим негодяем, и все они оставили своего Учителя в его нужде. Не в связи также с их верой, ибо верующих было много. И тем не менее ясно, что они были избраны в согласии с неким принципом подбора, ибо они призывались по одному или по двое. В двух случаях это были пары братьев, как если бы некоторый семейный дар или особенность могли лежать в основании выбора.

В конце концов нет ничего невозможного в том, что дар этот был медиумической способностью и что Христос, как высший носитель этой способности, когда-либо появлявшийся на Земле, желал бы окружить себя другими её обладателями, наделёнными ею в меньшей степени. Он бы сделал это по двум причинам. Первая: медиумический кружок является огромным источником энергии для того, кто сам медиум, что постоянно подтверждается и нашим собственным опытом: сочувственное и готовое к помощи окружение создаёт атмосферу, благоприятную для проявления медиумических способностей. До какой степени Христос был чувствителен к такой атмосфере, нам показывает замечание евангелиста о том, что когда Христос прибыл в свой родной город, жители которого не могли отнести к нему серьёзно, то он оказался не в состоянии произвести никакого чуда. Вторая причина может заключаться в том, что он мог желать, чтобы ученики действовали как его заместители: как при его жизни, так и после смерти, и что для этого были необходимы определённые медиумические способности, данные от природы.

CXLVI. На тесную связь, существовавшую, повидимому, между апостолами и чудесами, указывает в своей интересной работе, выпущенной в свет в виде небольшой книги под названием «Иисус из Назарета» д-р Абрахам Уоллес.* Вполне определенно, что ни один из евангелистов не сообщает ни о каких чудесах помимо экзорцизмов до того времени, пока Христос не начал собирать свой кружок. В этом кружке наиболее, по всей видимости, были одарены в медиумическом плане трое: Пётр и двое братьев-рыбаков, сыновья Зеведеевы – Иоанн и Иаков. Эти трое и созывались всякий раз, когда была нужда в создании наиболее благоприятной психической атмосферы. Следует вспомнить, что когда дочь Яира воссталла из мёртвых, это случилось в присутствии и, возможно, не без содействия трёх названных ассистентов. Опять же при Преображении: невозможно читать отчёт об этом удивительном проявлении, не вспоминая на каждом шагу о своих собственных спиритических занятиях. Этот вопрос опять-таки замечательно разбирается в «Иисусе из Назарета», и было бы только хорошо, если бы эта небольшая книжка с её учёной интонацией, широтой взгляда и психическим знанием оказалась в руках каждого читающего «Библию». Д-р Уоллес указывает на то, что самое место – горная вершина – с чистым воздухом и невозможностью помех идеально подходило для манифестации такого рода; что дремотное состояние апостолов является полной аналогией того, что ощущают члены медиумического кружка, вносящие свою долю психической энергии; что преображение лица и сияющие одежды – хорошо знакомые явления; и, наконец, самое главное, что возведение трёх алтарей лишено всякого смысла, тогда как сооружение трёх шатров (или *кабинетов*), при альтернативном прочтении, – одного для медиума и по одному для каждой из материализованных форм, создаст абсолютно достаточные условия для получения самых совершенных результатов.

Данное объяснение Уоллеса является характерным примером работы современного ума и современного знания, выхватывающих лучом своего прожектора событие, остававшееся прежде в тени.

CXLVII. Когда мы переводим библейский язык в термины современной спиритической религии, взаимосвязь и соответствие между древним и современным знанием становятся очевидными. Так, вместо «Вот чудо!» мы говорим: «Это спиритическое явление». «Ангел Господен» становится у нас «Высшим Духом». Когда говорилось о «гласе с неба», мы говорим о «прямом голосе». «Его глаза отверзлись, и он узрел видение» попросту значит, что «он стал ясновидящим». Только оккультист может понять Св.Писания как действительную и точную запись событий.

CXLVIII. Есть много других менее значительных пунктов, которые, повидимому, приводят историю Христа и апостолов в очень тесное соприкосновение с современными спиритическими исследованиями и являются большой поддержкой точности значительной части повествования «Нового Завета». Самым впечатляющим эпизодом, на мой взгляд, являются действия Христа, когда ему был задан вопрос, требовавший незамедлительного решения, а именно об участии женщины, уличённой в прелюбодеянии. Что же он сделал? То, чего меньше всего можно было ожидать или придумать в подобном случае: прежде чем ответить, он наклонился и что-то написал пальцем на песке. Второй раз уже он делает это, когда ему задают коварный вопрос. Может ли кто из теологов дать объяснение такому действию? Я дерзну выдвинуть утверждение, что среди многих форм медиумизма, коими Христос владел в самой высшей форме, естественно, было и автоматическое письмо, через каковое, призывая подотчётные ему великие силы, он получал требуемый ответ. Охотно допуская, что природа Христа была сверхъестественна в том смысле, что по своим качествам он стоял выше и за пределами обычного человечества, можно всё же задаться вопросом, насколько эти силы всегда вмещались в его человеческом теле и сколь часто он обращался к духовным ресурсам за своими телесными пределами. Если бы он говорил единственno из своего человеческого тела, он, несомненно, оказался бы подвержен ошибкам, как и все мы,

* Опубликовано в шестипенсовом издании компанией «Лайт паблишинг», Лондон, Куин-сквер, 6. Это же издательство предлагает небольшую по объёму, но содержательную книгу д-ра Эллиса Паулла на ту же тему. (А.К.Д.)

ведь рассказывается же, как он спрашивал самаритянку о её муже, на что она ответила, что у неё никогда не было мужа. В случае же с женщиной, застигнутой в прелюбодеянии, можно объяснить его действие, лишь предположив, что он мгновенно открыл канал к надчеловеческому знанию и мудрости, что и дало сразу решение в пользу милосердия и терпимости.

CXLIX. Интересно проследить, какое впечатление эти явления или рассказы о них производили на тогдашних правоверных иудеев. Большая часть из них откровенно не верила в них, в противном случае они не преминули бы стать последователями Христа или, по меньшей мере, относились бы к такому чудотворцу с уважением и восхищением. Нетрудно представить, как они качали бородатыми головами, как заявляли, что с такими вещами им сталкиваться не приходилось, и, может статься, указывали на какого-то местного фокусника, который не очень честно заработал несколько динариев, подражая тем же явлениям. Были, правда, и другие, которые не могли отрицать, потому что либо видели сами, либо встречались с теми, кто видел. Такие резко заявляли, что всё шло от дьявола, лишая тем Христа одного из самых сильных доводов, основанных на здравом смысле – качестве, в котором ему не было равных. Те же два класса оппонентов – скептики и дьяволоборцы – противостоят сегодня и нам. Воистину ничто не ново под луной, и всё возвращается на круги своя.

CL. Есть одно направление мысли, на которое можно указать в надежде, что оно найдёт развитие от умов и писаний тех, кто глубоко изучил возможности психической силы. Вполне возможно, хотя, согласен, в нынешних условиях это не было достаточным образом доказано, что медиум, обладающий большой силой, может заряжать своей энергией других наподобие того, как магнит, если им потереть кусок ненамагниченной стали, может также и её сделать магнитом. Одной из наиболее хорошо удостоверенных способностей Д.Д.Хоума было то, что он мог без всяких последствий вынимать из огня горящие угли и держать их в руке. Он мог далее – и тут мы приближаемся к исходной теме – помещать их на голову того, кто не боялся обжечься. Зрители не раз описали, как Хоумом на серебряную шевелюру г-на Картера Холла возлагались пылающие угли, и г-жа Холл упоминала, что после этого она вычёсывала из его волос крупицы золы. По всей видимости, Хоум в этом случае был в состоянии передать свою силу другому лицу, совсем как Христос, когда он левитировал над озером, был способен передать ту же силу Петру, и она сохранялась в Петре, пока его вера была тверда. В этой связи возникает вопрос: если Хоум сосредоточивал всю свою энергию на передаче этой силы, то как долго эта сила у данного лица сохранялась? Эксперимент для выяснения этого никогда не проводился, но он имел бы прямое отношение для прояснения разбираемой темы. Ведь, допуская, что сила может передаваться, становится тогда вполне ясно, как кружок Христа был способен выслать семьдесят учеников, одарённых способностью творить чудеса. Ясно также, почему новые ученики должны были вернуться в Иерусалим – «для крещения духом», если использовать их выражение, перед тем, как продолжать свои странствия. И когда, в свою очередь, они пожелали выслать представителей, разве не возложили бы они на них руки, не сделали над ними пассы и не попытались бы *намагнитить* их тем же способом – если только это слово может выразить процесс? Не имеем ли мы здесь значение рукоположения епископом при ординации – церемонии, которой до сей поры придаётся большое значение, но которая вполне может быть пережитком чего-то действительно жизненно важного – дара сотворения чудес? Когда наконец по прошествии времени или из-за небрежения свежей культивацией эта сила иссякает, пустой ритуал может выполняться и благословляющий и благословляемый не будут понимать, что давали руки епископа и какая сила из них исходила. Сами слова «вложение рук», по видимости, наводят на мысль о чём-то, отличном от просто благословения.

CLI. Быть может, сказанного достаточно, дабы показать читателю, что возможно выдвинуть такой взгляд на жизнь Христа, который будет строго согласовываться с самым современным психическим знанием и который, вместо того чтобы упразднить христианство, лишь продемонстрирует поразительную точность некоторых дошедших до нас деталей и подтвердит новейший вывод, гласящий, что те самые чудеса, которые были камнем

преткновения для многих честных, серьёзных умов, в конце концов могут предложить какие-то весьма неоспоримые и убедительные доводы в пользу истинности всего новозаветного повествования. И эта ли линия мысли заслуживает огульных осуждений и анафем, сыпящихся на неё теми, кто претендуют говорить от имени религии? В то же время, хотя мы приносим поддержку «Новому Завету», было бы неправильно, если бы те или другие замечания этого рода цитировались как утверждение в поддержку его *буквальной* точности. Из идеи о его буквальной точности в прошлом произошло много зла. В самом деле, было бы хорошо, хотя это и недостижимо, если б оказалась предпринята понастоящему честная, сделанная с открытым умом попытка вы полоть из этой записи очевидные подлоги и вставки, её искажающие и снижающие ценность тех частей, которые действительно стоят выше подозрений.

CLII. Необходимо, например, сказать, что в «Новом Завете» со слов, якобы, самого Христа сообщается, будто Захария, сын Варахии, был забит до смерти в приделе Храма, когда – не правда ли курьёзное совпадение? – о данном инциденте независимо рассказал Иосиф Флавий, при этом он указал, что случилось сие тридцатью семью годами позже, во время осады Иерусалима?^{*} Это недвусмысленно указывает нам, что данное евангелие в его настоящей форме было написано после падения Иерусалима и что писатель внёс в свой рассказ по меньшей мере один посторонний инцидент, поразивший его воображение. К сожалению, такой пересмотр при всеобщем согласии был бы величайшим из всех чудес, ибо два самых первых текста, которые подлежали бы изъятию, оказались бы те, что относятся к «Церкви» – установлению и идее, совершенно неведомой во дни Христа. Поскольку предмет вставки совершенно ясен, то не может быть сомнений на счёт их подложности, но поскольку вся система папизма основывается на одном из них, то они скорее всего сохранятся ещё в течение какого-то времени. Невозможность текста, на который мы намекаем, помимо прочего, явствует из того факта, что признание его предполагает, будто Христос и его рыбаки разговаривали друг с другом на латыни и греческом вплоть до того, что каламбурили на этих языках. Определённо, недостаток нравственной смелости и интеллектуальной честности среди христиан покажется нашим потомкам столь же странным, как нам представляется удивительным, что великие мыслители античности могли верить или хотя бы утверждать, будто они верят в богов, живущих на вершине горы Олимп, делящихся на мужчин и женщин и ведущих друг с другом борьбу.

CLIII. Пересмотр, таким образом, в самом деле необходим, равно как и нужна перестановка акцентов, о которой я ранее уже говорил, дабы вернуть великую христианскую концепцию в русло разума и прогресса. Ортодокс, который из-за своей покорной веры или по какой-либо другой причине не вникает глубоко в такие материи, едва ли может понять, о какие камни преткновения разбили себе ноги его более критичные братья. Такая позиция не требует усилий, ибо рассуждение для веры невозможно. Выражения вроде «спасённый кровью Агнца» или «крещёный Его драгоценной кровью» наполняют их души приятным и нежным волнением, тогда как на более вдумчивый ум они оказываются совершенно иное впечатление.

Не говоря уже о явной несправедливости искупления чужой вины, исследователь вполне осознаёт, что в целом эта кровавая метафора на самом деле заимствована из языческих ритуалов митраизма, когда неофита действительно помещали под быком в обряде так называемого *taurobolium* (жертвоприношения быка) и он оказывался насеквозд пропитан льющейся на него сверху через решётку кровью убитого животного. Такие напоминания о более грубой стороне язычества непродуктивны для вдумчивого и впечатлительного современного ума. Но что всегда сохраняет свою свежесть, свою полезность и красоту, так это память об исполненном доброты и кротости Духе, который во плоти странствовал по горным склонам Галилеи, вокруг которого собирались дети, который встречался со своими друзьями в невинном товариществе, который избегал формализма и церемоний, страстно стремясь всегда к внутренней сути; который прощал грешника, который защищал бедного и который в своих

* Речь идёт об эпизоде, рассказанном в «Евангелии от Матфея», гл.ХХIII, ст.35 и в «Иудейской войне» Иосифа Флавия. (Й.Р.)

решениях всегда принимал сторону милосердия и широты взгляда. Если к этому характеру вы добавите те изумительные психические способности, о которых мы уже говорили, вы поистину найдёте самый превосходный характер во всей истории мира, характер, который, очевидно, стоит ближе к Всеышнему, чем кто-либо еще. Если сравнить общее воздействие его Учения с более суровым учением христианских Церквей, то поражаешься, как в своём догматизме, упорстве в формах, в своей исключительности, пышности и нетерпимости оне смогли так далеко отдалиться от своего Учителя, что когда смотришь на него и на них, то чувствуешь, что налицо абсолютный и непримиримый антагонизм и что нельзя говорить о Церкви и Христе, но только о Церкви или Христе.

CLIV. И тем не менее каждая Церковь воспитывает прекрасные души, хотя можно спорить о том, *воспитывает она их или попросту включает в себя*. Если мы прожили долгую жизнь и встречались с большим числом наших человеческих собратьев, то нам для подтверждения этой мысли достаточно обратиться к своему личному опыту. Я сам провёл семь наиболее впечатляющих лет жизни среди иезуитов – церковного ордена, наиболее пострадавшего от клеветы, и я нашёл их людьми достойными уважения и добрыми, достоинства их неисчислимы, и их единственный недостаток в узости, которая ограничивает Матери-Церкви мир. Они были атлетами, учёными и джентльменами, и я не могу припомнить ни одного примера той казуистики, в которой их постоянно упрекают. Некоторые из моих лучших друзей принадлежали к приходскому духовенству англиканской Церкви – мужи поистине доброго и святого характера, стеснённые финансовые обстоятельства которых зачастую были укором равнодушным людям, принимавшим их духовное руководство. Я знал также прекрасных людей среди нонконформистского духовенства, которые часто оказывались поборниками свободы, хотя их взгляды, повидимому, и не отличались особой свободой, когда оказывалась затронутой область их собственной мысли. Каждая вера выдвигала людей, которые делали честь всей человеческой расе. Мэннинг или Шрусбери, Гордон или Доллинг, Бут или Стопфорд-Брук – все в равной степени вызывают восхищение, сколь бы ни различались корни, из которых они выросли. Среди большой массы людей также имеются многие тысячи прекрасных душ, воспитанных по старинным понятиям, душ, которые никогда слыхом не слыхивали об общении с духами или о какой другой материи из тех, что обсуждались на этих страницах, и которые, однако, достигли такого состояния чистой духовности, что всем нам остаётся только им завидовать. Кто не знает о деве-тётушке, о вдовствующей матери, о благородном старце, живущих в высиях бескорыстия, распространяя вокруг себя добрые мысли и дела? Но их простая, глубоко укоренившаяся вера пришла к ним от отцов с санкции того или иного духовного авторитета. У меня была такая тётушка, я помню её маленьку, смиренную фигурку, истощённую постом и милосердием; помню, как в любые часы она брела в церковь из дома, который был для неё всего лишь комнатой ожидания между службами. И взгляд её печальных, удивительных серых глаз до сих пор обращён на меня. Такие люди достигали зачастую инстинктом, вопреки догмам, высот, до которых нас никогда не сможет вознести ни одна философская система.

CLV. Но в полной мере признавая прекрасные плоды каждой веры, которые могут служить лишь доказательством врождённой доброты цивилизованного человечества, нам приходится сказать, что христианство, вне всякого сомнения, потерпело жестокую неудачу и распалось и что этот распад стал явлен каждому ужасной катастрофой, которая случилась с миром.* Может ли самый оптимистичный апологет утверждать, будто это удовлетворительные плоды религии, столько столетий безраздельно господствовавшей в Европе? Кто из её воспитанников оказался хуже – прусские лютеране, баварские католики или народы, возвращённые в традициях православия? И если у нас, в Западной части Европы, дела обстоят чуть лучше, то не заслуга ли это в большей степени нашей более старой и высокой цивилизации, равно как и более свободного политического устройства, удержавших нас от всех жестокостей, эксцессов и безнравственостей, которые ввергли мир назад в тёмные века? Недостаточно сказать, что они случились вопреки христианству и что поэтому христианство

* Снова имеется в виду мировая война, а также, как видно из дальнейшего, октябрьский переворот в России, так называвшаяся «Великая Октябрьская социалистическая революция». (Й.Р.)

не подлежит осуждению. Правда, что учение Христа не подлежит осуждению, ибо при передаче оно часто искажалось. Но христианство взяло под контроль нравственную жизнь Европы и должно было стать движущей силой, которой надлежало обеспечить, чтобы моральные устои не рассыпались на куски при первом же натяжении. Ибо с этих позиций следует судить христианство, и приговор может быть только один: оно потерпело неудачу. Оно не было активной контролирующей силой над умами людей. А почему? Такое могло случиться только потому, что в нём не хватало чего-то существенного, чего-то важного. Люди не принимают его всерьёз. Люди не верят в него. Во множестве случаев его служба сводилась к словоизлияниям, а как раз значение слов в наше время в серьёзной степени ослабло.

CLVI. Сейчас, стало быть, религиозным корпорациям не время обескураживать своих слепых приверженцев; вместо этого нужно серьёзно рассмотреть, хотя бы ради самосохранения, как оне могут приблизиться к общему уровню человеческой мысли, оказавшейся теперь так высоко над ними? Я утверждаю, что Церкви могут добиться большего, чем только достичь уровня – оне могут вести за собой. Но для этого Церковь должна, с одной стороны, иметь твёрдую решимость отрезать от своего тела все отмершие ткани, безобразящие его и служащие только обузой. Она должна устраниТЬ всё, что в ней противоречит разуму, и приспособиться к требованиям человеческого ума, который отвергает, и совершенно прав отвергая, многое из того, что она ему предлагает. В конце концов она должна собрать свежие силы, вобрав в себя всю новую правду и всю новую энергию, которые в избытке предстаVляются новой волной вдохновения, ниспосланной в мир Богом и которую человечество, обманутое и смущённое мнимой мудростью, принимает с таким упрямым и настойчивым неверием. Когда Церковь совершиТ всё это, она обнаружит не только то, что она ведёт мир с очевидным правом на лидерство, но и то, что после долгих блужданий она вернулась наконец к своему Учителю, учение которого она так долго искажала.

CLVII. Мы не должны забывать, что каждый из нас сам является духом, и что любой человек способен производить психические эффекты, не выходя за пределы собственного тела.

CLVIII. Медиумическая сила во всём многообразии своих проявлений встречается именно в бедных кварталах, но это определённо было её главной особенностью ещё с самого начала: рыбаками, плотниками, погонщиками верблюдов – вот кем были пророки во времена античности. В настоящее же время самые высшие медиумические дары в Англии встречаются среди рудокопов, разнорабочих, грузчиков, барочников и уборщиц. Колесо истории, таким образом, вертится, и всё повторяется в нашей жизни.

Медиумическая способность вырабатывается и развивается упражнением. Можно почти сказать, что она «заразна». Это именно и имелось в виду в раннехристианской Церкви под «рукоположением». Оно означало передачу способности к «состворению чудес». Мы теперь не можем делать это так быстро. Однако если человек, будь он мужчина или женщина, принимает участие в спиритическом сеансе с желанием развить в себе эту способность и, в особенности, если сеанс этот происходит в присутствии настоящего медиума, то не исключена вероятность того, что силы проявят себя.

Но при некоторых обстоятельствах это их проявление может оказаться даже хуже фальшивого медиумичества, потому что оно может быть употреблено во зло. Уверяю вас, что разговоры о чёрной магии и злых сущностях не порождение предрассудка. Такие вещи действительно случаются и сосредоточиваются вокруг нечистого медиума. И вы можете тогда попасть в такую область, каковая сродни общепринятым понятиям о колдовстве. Кстати сказать, я довольно хорошо знаком с «историей колдовства» и могу заверить, что главной особенностью судебных процессов Средневековья была неграмотность и общая беспристрастность свидетелей, а отнюдь не их лжесвидетельства. В психическом мире подобное стремится к подобному себе, и вы в таких случаях получаете то, чего вы достойны. Среди спиритов считается чуть ли не аксиомой, что характер духов, проявляющихся во время спиритического сеанса, является в значительной мере выражением общей интеллектуальной и моральной природы участников сеанса. Если вы сидите за спиритическим столом со злыми

людьми, то к вам придут и злые посетители. Так что есть в этом деле и опасная сторона.

Но что, скажите, в нашем мире не имеет своей опасной стороны, будучи неумело применено или доведено до крайности? Между тем эта опасная сторона существует совершенно отдельно от правоверного Спиритизма, и наше знание – самый действенный способ противодействия ей. Я считаю, что ведьмы и колдуны Средневековья – вполне реальные факты и что самый лучший способ дать отпор таким приёмам – это культивировать высокие стороны души. Пустить же это дело на самотёк – значит оставить данную область силам зла.

CLIX. Кто-то, возможно, примется доказывать, будто предмет, таящий в себе подобные возможности, лучше вообще не трогать. Ответом на это, вероятно, может служить то, что злоторые проявления, по счастью, оказываются весьма редки, в то время как утешение, ежедневно доставляемое общением с духами, осветило новым светом не одну тысячу жизней. Мы ведь не прекращаем исследование неведомой земли из-за того, что там порой попадаются зловредные существа. Точно так же, повторяю, и здесь: отказаться от изучения этой области значило бы оставить её во владении этих самых сил зла и вместе с тем лишить самих себя этого знания, которое помогло бы нам понять образ действия этих сил и свести на нет их усилия.

Говорю об этих злых силах, потому что мы постоянно приходим в соприкосновение с ними. И когда происходит вторжение таких сил, мы, спириты, совсем не стремимся обязательно отделаться от них. Встреча с ними – часть нашего дела, предмет особых наших забот. Если мы можем помочь какому-либо низшему духу, то помогаем ему; а сделать это нам возможно, лишь побуждая его рассказать нам о своих заботах. Многие из них отнюдь не злы. Это лишь бедные, невежественные создания, развитие которых застопорилось и которые страдают от последствий узких и ложных взглядов, привитых им ранее в нашем земном мире. Мы стараемся помочь им, и нам это удаётся. Мы знаем, что это нам удаётся, потому что со временем они сами сообщают нам об этом, и развитие их продолжается. Такие методы часто используются нашими сторонниками. Кружки спиритов, занимающиеся подобной душеспасительной деятельностью, именуются «кружками духовного спасения».

CLX. Весомая доля психических заболеваний и преступлений является прямым следствием одержания и признание этого факта – первый шаг к решению проблемы.

CLXI. В чрезвычайно интересном случае, который был тщательно изучен исландским Обществом психических исследований в Рейкьявике, некая грозная и привязанная к земле сущность сама же объяснила, что в бытность свою человеком она была рыбаком весьма грубого и вспыльчивого нрава, покончившим жизнь самоубийством. Она подчинила себе медиума, буквально поработила его и последовала за ним на сеансы, проводимые Обществом, где неописуемо перепугала всех собравшихся, пока не была экзорцизована средствами, подобными описанным в моём романе.* Обстоятельный отчёт об этом случае приведён в «Протоколах» Американского Общества психических исследований, а также в «Сайик ризёч» за январь 1925 года, являющемся органом Психического колледжа. Исландия, следует заметить, – страна весьма продвинутая в спиритической науке, и соотношение между численностью её населения и предоставившимися возможностями убедиться в продолжении нашего посмертного существования, вероятно, таково, что ставит её впереди любой иной страны. Епископ Рейкьявикский является председателем Спиритического общества, что, несомненно, должно послужить уроком нашим английским прелатам, отмежевание коих от всякого изучения данного предмета находится на грани непристойности. Ведь предмет этот имеет самое непосредственное отношение к природе души человеческой и её участи в Мире Ином, и тем не менее среди духовных наших пастырей приверженцы этих исследований встречаются гораздо реже, нежели среди представителей любых иных профессий.

«Повторяю, мы стараемся помочь заблудшим душам мира иного – и нам это удаётся. Мы знаем о своих успехах, потому что они сами сообщают нам об этом. Среди скрупулёзных и достойных доверия исследователей в данной области можно назвать Таузера из Мельбурна

* Речь идёт о романе «Земля Туманная» («Страна туманов»), произведении пропагандистском; входит в серию приключений профессора Челленджера. (И.Р.)

и Мак-Фарлейна из Саутси. Оба они методично занимались в «кружках духовного спасения» с целью оказать помощь духам, привязанным к земле. Подробные записи экспериментов, проведённых лично мною в такого рода кружках, можно найти в четвёртой и шестой главах моих «Странствий спиритуалиста».** Могу добавить, что и в моём собственном домашнем кружке, при медиумичестве моей супруги, нам выпала честь принести надежду и знание некоторым из этих несчастных существ.

CLXII. Полные отчёты целой серии подобных драматических бесед можно найти на завершающих ста страницах последней работы адмирала Азборн-Мура «Проблески последующей жизни».* Следует отметить, что адмирал не присутствовал лично на этих сеансах, но что они проводились людьми, к которым он питал полнейшее доверие, и что результаты были подтверждены письменными показаниями под присягой со стороны участников сеансов. «Высокий характер г-на Линдера Фишера, – говорит адмирал, – является достаточной гарантией их достоверности». То же самое может быть сказано и о Э.Дж.Рэндалле, опубликовавшем множество аналогичных случаев. Он является одним из ведущих юристов Буффало, в то время как г-н Фишер – преподаватель музыки в том же самом городе.

Естественное возражение в этом случае сводится к тому, что, даже если не ставить под сомнение честность исследователей, то общее восприятие опыта всё же может оказаться некоторым образом субъективным и не соответствующим действительным фактам. Имея в виду это, адмирал говорит: «Я навёл справки касательно того, действительно ли каждый из духов, давших понять, что они вступили в новое состояние сознания, был удовлетворительным образом удостоверен. В результате выяснилось, что данные многих из них подтвердились, и это послужило достаточной причиной для того, чтобы счастье совершенно бесполезным разыскание их родственников и места их проживания в земной жизни на предмет подтверждения. Такого рода розыски требуют много времени и труда и всегда заканчиваются тем же результатом, именно – подтверждением сказанного». В одном из случаев, который приводится на стр. 524, говорится о некоей светской dame, умершей во сне. Во всех подобных случаях возвращающийся дух не осознаёт, что его земная жизнь завершилась.

Драматическая история, в которой речь шла о духе человека, проявившегося в самый момент несчастного случая, повлекшего за собой его смерть (на самом деле этот случай касался сразу нескольких человек и имена, при этом упомянутые, были впоследствии проверены по газетным сообщениям об этой катастрофе), приводится г-ном Э.Дж.Рэндаллом.

CLXIII. Однако, самые поразительные из всех этих посмертных сообщений находятся в книге «Тридцать лет среди умерших» доктора Викленда из Лос-Анжелеса.* Книгу эту, равно как и множество иных бесценных книг такого рода, можно приобрести только в Психическом книжном магазине на Виктория-стрит в Лондоне.**

Дело в том, что д-р Викленд и его жена, воистину героическая женщина, проделали работу, которая заслуживает самого пристального внимания психиатров всего мира. Если только автору удастся отстоять свою правоту, а позиция его в данном случае весьма сильная, то он тем самым не только революционизирует все наши представления о безумии и сумасшествии, но и существенно изменит наши взгляды в криминологии, поскольку нам станет ясно, что мы наказываем как преступников тех людей, которые гораздо более заслуживают сострадания, нежели осуждения.

Создав теорию о том, что многие маньяки являются попросту жертвами одержания, подчинёнными неразвитым сущностям, и экспериментально выяснив (впрочем, метода его в данном случае мне не вполне понятна), что эти сущности до чрезвычайности чувствительны к статическому электричеству, пропущенному через захваченное ими тело, д-р Викленд на основе этой гипотезы создал курс лечения, дающий замечательные результаты. Третьим фактором в его системе было обнаружение того, что подобные сущности значительно легче изгоняются из захваченного ими обиталища, когда для их временного приёма в наличии было предусмотрено некоторое свободное от души тело. В этом и заключается геройство г-жи Викленд, весьма очаровательной и культурной дамы, находящейся в гипнотическом трансе рядом с субъектом в готовности принять в себя захватчика, как только тот будет изгнан из одержимого им тела. Личность и характер этого неразвитого духа определяются, когда он говорит устами этой дамы.

Субъекта привязывают к электрическому стулу – это привязывание крайне необходимо, поскольку многие из них являются неистовыми маньяками – после чего включается ток. Эта

** “Wanderings of a Spiritualist” by Sir Arthur Conan Doyle.

*** “Glimpses of the Next State” by Admiral Usborne Moore.

* “Thirty Years Among The Dead” by Dr. Wickland.

** Библиотека-магазин, основанная и руководимая самим А.Конан-Дойлем. (Й.Р.)

электризация не воздействует на пациента, поскольку характер её статичен, но причиняет сильнейшие неудобства паразитирующему духу, каковой тут же старается найти приют в бессознательном теле г-жи Викленд. Затем следуют изумительные разговоры, подробнейшим образом приведённые в данном томе. Дух-одержатель подвергается перекрёстному допросу со стороны доктора, который увершевает его, объясняет ему все невыгоды его положения и в конце концов отпускает, либо передав его заботам какого-нибудь непременно присутствующего при этой процедуре Высшего Духа, либо, если держатель не проявляет готовности к раскаянию, отдаёт его во власть некоего более сурового духовного распорядителя.

CLXIV. Для учёного, не знакомого с психическими исследованиями, такого рода утверждение, будучи подано в неприкрытом виде, звучит просто дикостью, но мне-то нет надобности требовать от д-ра Викленда доказательств его правоты, я просто говорю, что наш опыт в кружках духовного спасения содержит в себе общую идею, и что, как было признано, д-ру Викленду удалось добиться полного исцеления в случаях, которые были неизлечимы всеми другими методами. Как бы то ни было, всё это является очень убедительным подтверждением нашей теории.

По всей видимости не каждый открыт для подобного вторжения, но лишь те, кто наделены необходимой для того психической чувствительностью. Это открытие, когда оно будет в полной мере разработано, станет одним из основополагающих фактов психологии и юриспруденции будущего.

Итак, повторю: медиумические способности даются лишь избранным и даются оне ради утешения человечества и доказательства бессмертия нашего. Оне никогда не предназначались для использования в бытовых, житейских целях. Когда же кто-то пытается употребить их для этого, то ничего, кроме неприятностей, как для медиума, так и для клиента не происходит.

CLXV. Что касается жизни после смерти, то нам могут возразить, будто религиозная вера уже дала нам уверенность в бессмертии души. Однако вера, как бы ни была она сама по себе прекрасна в отдельно взятом человеке, как явление коллективное всегда была палкой о двух концах. Всё было бы хорошо, если б всякая вера походила на другую и если бы предчувствия и наития человеческой расы были постоянны. Но мы знаем, что это не так. Верить – значит сказать, что вы абсолютно убеждены в истинности вещи, именно истинность которой вы как раз и не можете доказать. Один говорит: «Я верю в то», другой: «Я верю в это», но ни один не имеет свидетельств своей правоты и не в состоянии её доказать. И однако люди постоянно спорят как на словах, так и (в старые времена) на деле. Если один физически сильнее другого, то он устраивает гонения на своего оппонента, с тем чтобы обратить его в «истинную», т.е. в свою веру. Потому только, что вера Филиппа II была сильнее и понятнее (ему), он счёл вполне естественным убить сто тысяч нидерландцев в надежде на то, что все остальные их земляки обратятся в его, «истинную», веру. А если бы вместо этого было признано, что у нас нет никакого права провозглашать истинным то, истинность чего мы не можем доказать, то мы тем были бы вынуждены наблюдать факты, рассуждать по поводу их, и тем самым, возможно, достигли бы общего согласия. Именно в этом, в частности, и видится особая ценность спиритического движения. Его основание опирается на более твёрдую почву, чем только священные тексты, предания и предчувствия. Это религия с двойной точки зрения, религия в самой современной форме выражения, ориентированная на оба мира – этот и иной, тогда как старые верования сводились лишь к преданиям одного.

CLXVI. Некоторые из моих преподобных критиков не преминули повторить старую позорную историю об американских психиатрических больницах, якобы битком заполненных спиритами. В этой сказке нет ни слова правды. Единственные статистические данные, которые я смог обнаружить, собраны д-ром Юджином Кроуэллом, обследовавшим психиатрические больницы Новой Англии, где Спиритизм – явление вполне обыкновенное, и установившим, что из 16.000 душевнобольных спиритами являются только четверо, а 222 оказались (я очень сожалею) священнослужителями. Утверждение о том, будто Спиритизм сильно содействует умопомешательству, является полнейшей неправдою. Разумеется, существует определённый склад ума, который легко выводится из равновесия любой формою религии. Но религиозная мания поражает обыкновенно тех, чьи верования отмечены унынием, как, например, вера в предопределение. Спиритизм же есть вера, исполненная счастья, и за сорок лет исследований мне не встретилось ни единого человека, который бы как-то пострадал от него.

Что же до утверждений других клерикалов, будто спириты выказывают неуважение к Богу и Христу, то заявления эти обусловлены полнейшей неосведомлённостью в данной области, свойственной столь многим из этих джентльменов, вся работа которых, однако, по словам преподобного Оуэна, состоит лишь в том, чтобы как раз в этих самых вещах хорошо разбираться. Истинный Спиритизм не принадлежит ни к какому вероисповеданию, но лежит в основе всех религий, и его в равной мере могут исповедовать англиканец, католик, сектант и даже унитарий. При этом индуист и мусульманин могут быть спиритами точно так же, как и христианин. Компромисс не может быть достигнут единственно с материалистом, поскольку наши взгляды диаметрально противоположны.

CLXVII. Наши противники, полагая, что они нас тем сильно затрудняют, всегда укрываются за двумя родами возражений. Первое, это то, что факты, на которые мы опираемся, недостоверны или ложны; на это я уже дал ответ. Второе, то, что мы затрагиваем предмет запретный, который нам следует немедленно оставить. Поскольку я основывался на точке зрения относительно материалистической, то такое возражение никогда меня не волновало; но тем, кого оно смущает, я бы посоветовал принять во внимание следующие соображения. Основное из них то, что Бог не давал нам способностей, ограничивая нас в употреблении, которое мы можем им найти. Сам по себе факт нашего обладания ими является доказательством того, что наш неотъемлемый долг изучать и развивать эти способности. Правда то, что здесь, как, впрочем, и повсюду, мы можем совершить злоупотребления, если потеряем чувство меры. Однако я повторяю, что обладание этими способностями, как таковое, является веской причиной того, что пользование ими законно и обязательно.

Следует также напомнить, что этот вопль о «запретном знании», подкреплённый более или менее удачно подобранными цитатами, всегда раздавался только за тем, чтобы остановить всякий прогресс человеческого знания. Он прозвучал когда-то в адрес новейшей астрономии, и Галилей должен был отречься от своих взглядов. Он звучал в адрес Гальвани и электричества. Тот же аргумент был употреблён и против Дарвина, которого бы, несомненно, сожгли, живи оническими столетиями раньше. То же заклинание звучало, и когда Симпсон применил хлороформ при родах, ведь в «Библии» сказано: «В болезни будешь рожать детей». Воистину к доводу, который выдвигается столь часто и столь же часто оказывается несостоятельным, нельзя относиться очень уж серьёзно.*

CLXVIII. В конце концов, насущные нужды дня сегодняшнего для нас важнее, нежели предписания древних, в основном, как сейчас уже признано, не имеющие никакого отношения к условиям современной жизни. Серьёзная мораль не может основываться на зыбучих песках теологии; в её основе должна находиться забота о здоровье общества.

CLXIX. Тем, для кого теологический аспект является камнем преткновения, я советую прочитать две коротких книги, каждая из которых написана служителями Церкви. Одна из них – «Идёт ли Спиритизм от Дьявола?» преподобного Филдинг-Оулда. Другая – «Наше «Я» после Смерти» – принадлежит перу преподобного Артура Чамберса. Могу ещё порекомендовать сочинения преподобного Чарльза Туидэйла, посвящённые этой теме. Позволю себе также добавить, что, когда я впервые публично высказал свои взгляды по данному поводу, то одним из первых сочувственных откликов стало полученное мною письмо от покойного архиакона Уилберфорского.

Есть некоторые теологи, которые не только противятся Спиритизму как культу, но и идут дальше, утверждая, что феномены и послания исходят от демонов, принимающих личину умерших, которых мы знаем, либо утверждающих, будто они являются небесными учителями. Трудно предположить, что те, кто высказывает подобные утверждения, хотя бы раз лично наблюдали, сколь ободряющее, утешительное действие сообщения эти оказывают на тех, кому они адресованы. Рёскин заявил, что его убеждённость в грядущей жизни пришла к нему

* Синодальный перевод в этом месте, как и во многих других, неточен. На самом деле речь идёт здесь не о «болезни», но о боли, которая, по замыслу авторов «Библии», всегда сопровождает роды. Им было совершенно невдомёк, что это правило отнюдь не является всеобщим и имеет свои исключения. (Й.Р.)

от Спиритизма, хотя он и добавляет к этому (что совершенно нелогично и неблагодарно с его стороны), что, раз убедившись в её реальности, он не пожелал больше иметь к этому никакого отношения. Однако есть многие – *quorum pars parva sum*,^{*} – кто без всяких оглядок могут заявить, что они повернулись от материализма к вере в будущую жизнь, со всем, что она с собой налагает, благодаря только глубокому изучению Спиритизма. И если именно в этом заключается результат дьявольских трудов и стараний, то можно только сказать, что дьявол этот – работник весьма неловкий, ибо результаты, достигнутые им, слишком удалены от того, к чему он по природе своей должен был бы стремиться.

CLXX. Странно видеть, как некоторые спорщики настаивают на дьявольской природе спиритического общения.^{*} Неужели же им не приходит в голову, что если бы это дьявол учил человечество, то он неизбежно стремился бы внушить нам мысль, что нам целиком следует сосредоточиться на делах житейских и выжать из них последнюю каплю наслаждения, потому что после этого, якобы, нет уже ничего и что поэтому не надо бояться никакого возмездия? Разумеется, менее всего он стремился бы проповедовать, что после смерти жизнь наша продолжается и что качество этой будущей жизни определяется нашим поведением здесь. Если бы вместо того, чтобы использовать эвфемизм «домашний дух», люди заменили его «ангелом-хранителем», то они получили бы более ясное представление о том, что на самом деле значит Спиритизм. «Библия» также сделалась бы более понятной, если бы люди осознали, что «пророк» был передающим медиумом, а «ангел» – Высшим Духом. Тогда бы старые записи пришли в соответствие с современной мыслью и люди бы поняли, что Бог не мёртв и не дремлет, но что Он и сегодня трудится ради воспитания Своих бедных детей человеческих, как делал Он это в стародавние времена.

Никогда ёщё, по моему мнению, в истории мира не было эпохи, когда Божественное откровение проявлялось бы более явно, чем ныне. Но довольно обыкновенная ошибка человеческая состоит в том, чтобы возвеличивать и идеализировать то, что далеко, и недооценивать то, что близко. Через сто или двести лет сегодняшнее спиритическое движение будет рассматриваться с уважением, как один из величайших поворотных пунктов в истории человеческой мысли.

CLXXI. Увы, даже для того, кто полностью принимает спиритические взгляды, многое остаётся непостижимым. Вопрос о незаслуженных страданиях – часть более глобального вопроса предназначения боли и зла вообще, который можно объяснить, только предположив, что лишения воспитывают в нас смиренение и возвышают нас, и этот итог настолько важен, что методы его достижения в сравнении блекнут. Мы должны принять это временное объяснение – или столкнёмся с хаосом.

CLXXII. Существование боли и зла можно объяснить разве что на основании предположения о том, что с их помощью происходит духовное очищение и подъём, важность которых столь велика, что средства их достижения по сравнению с ней не имеют значения.

CLXXIII. Когда мы взираем на грех в свете знания, даваемого современной наукой, с присущей современному сознанию мягкостью, а также с характерным для него чувством справедливости и соразмерности, то грех перестаёт быть той чудовищной тучей, которая омрачала всё зрение средневековому теологу. Человек был гораздо более жесток и непреклонен по отношению к самому себе, нежели то может позволить Себе милосердный Бог. Правда, что после всех дедукций, которые необходимо сделать при таком понимании, остаётся ёщё многое, что указывает на необходимость индивидуального усилия, а также на возможность сознательной слабости воли и преступной испорченности характера, когда грешник, говоря словами Горация, «зрит высшее и ему рукоплещет, но влечься к низкому не

* к числу коих принадлежу и я (лат.)

* Фредерик Мейерс разъясняет нелепость такой критики, говоря: «Дьявол не есть существо, признаваемое наукой. Даже явление одержания ставит нас лицом к лицу всего лишь с духами, которые были когда-то людьми, подобными нам, и которые всё ёщё движимы теми же мотивами, какие вдохновляют и нас». (И.Р.)

перестаёт». Но когда, с другой стороны, мы делаем скидки – а разве может наше человеческое прощение итти в какое-либо сравнение с прощением Божиим? – на грехи, которые являются неизбежным производным недостаточного развития, на грехи, которые обусловлены наследственностью и врождённой болезненностью, а также на грехи, которые заложены в сугубо физических причинах нашего существования, то общая сумма активного греха значительно уменьшается. Можно ли, например, вообразить, чтобы Прорицание, всемудрое и всемилосердное, как то провозглашается каждой верой, могло наказывать злополучного негодяя, который вынашивает преступные мысли в своей низколобой голове? Ведь врачу порой достаточно бросить беглый взгляд на черепную коробку, чтобы предсказать преступление. В своих худших формах любое преступление – от Нерона до Джека-Потрошителя – было плодом абсолютного умопомешательства, и те ужасные национальные пороки, на которые делался намёк, повидимому, служат недвусмысленным признаком коллективного национального безумия. Вполне определённо, стало быть, есть надежда, что нет никакой надобности в грозной преисподней для дальнейшего наказания тех, кто были жестоко обделены на земле. Некоторые из наших умерших заметили, что ничто не удивило их до такой степени, как выбор тех, кому в том мире было оказано наибольшее уважение, так что ни в коей мере, разумеется, не оправдывая порока, вполне можно представить, что человек, чьё органическое устроение с непреодолимой силой ориентирует его именно в эту сторону, по справедливости может рассчитывать на соболезнование и симпатию. Возможно даже, что такой грешник, если он не настолько глубоко погряз в пороке, как был бы должен, стоит выше, чем человек, родившийся праведным и им оставшийся, но к концу жизни нисколько не улучшившийся. Ведь первый продвинулсь в своём развитии, а второй нет. Но самый обычный недостаток, тот, носители которого заполняют собой духовные госпитали иного мира и который служит временной преградой естественному счастью посмертной жизни, это грех Томлинсона из поэмы Киплинга, самый обыкновенный порок в респектабельном британском обществе – грех светской условности, грех недостатка сознательного усилия и грех недоразвитости, суррогата духовности, сдобренных самодовольством и удобствами жизни. Это человек, вполне удовлетворённый тем, что перепоручил заботу о своём спасении какой-либо Церкви или более высокой силе без упорного труда своей собственной души, именно такой человек находится в поистине смертельной опасности. Все Церкви, как христианские, так и нехристианские, хороши, пока они побуждают активную духовную жизнь индивидуума, и все они пагубны с момента, когда позволяют ему думать, будто через какую-то форму церемонии или какой-то особый фасон веры он сможет добиться для себя малейшего преимущества перед своим соседом или тем или иным образом может обойтись без своего личного усилия, которое является единственной лестницей на небеса.

Это, разумеется, в равной мере приложимо к сторонникам Спиритизма, как и всякой другой веры. Если вера не утверждается делами, то она тщетна. Можно весьма удобно прожить эту жизнь, следя без вопросов в процессии за каким-либо уважаемым лидером. Но умирают не в процессии, умирают в одиночестве. И тогда именно приходится в одиночестве принимать тот уровень, который уготован трудами всей жизни.

CLXXIV. Каково же наказание для неразвитой души? Таково: она должна быть помещена там, где она *будет* развиваться; сожаление и грусть при этом, по всей видимости, всегда будут неизменным уделом таких душ. Несомненно, наш жизненный опыт подсказывает нам, что невыносимо самодовольные и антипатичные люди смягчаются, характер их достигает красоты, а мысль – милосердия, когда жизнь достаточно долго и достаточно сильно обрабатывает их в своём горниле. В «Библии» говорится о «тьме внешней, где плач и скрежет зубовный». «Библия» – книга восточной поэзии, и зачастую она оказывала дурное влияние из-за нашей привычки читать её и понимать буквально, как если бы то была западная проза. Когда житель Востока говорит о стаде в тысячу верблюдов, он вместо этого обязательно скажет, что верблюдов так много, как волос на голове или звёзд на небе. Именно в этом духе скидки на восточную манеру выражать мысли и следует подходить к тем зловещим и ужасным описаниям, которые омрачили жизнь столь многим впечатлительным детям, а столь многих серьёзных взрослых поместили в дома умалишённых. Новое Откровение учит нас, что действительно существуют места «тьмы внешней», но как бы темны ни были эти неудобные

залы ожидания, из них из всех в конечном счёте открывается путь на небеса. Это конечный путь следования всей человеческой расы, и не будь оно так, то было бы упрёком Всеышнему. Мы не можем выдвигать догматических утверждений о мирах искупления, но у нас есть очень ясное учение о том, что они существуют и что «ничейная земля», отделяющая нас от собственно рая, то «третье Небо», на которое был вознесён Св.Павел, – странное непродолжительное переживание, выпавшее ему при жизни, – является тем самым местом, которое соответствует астральному плану у мистиков и «тьме внешней» в «Библии». Здесь томятся те самые привязанные к земному духи, мирские интересы коих обременили их и совлекли вниз, пока всякое духовное побуждение в них не угасло. Это люди, жизнь которых была сосредоточена на деньгах, на светском честолюбии или чувственном удовлетворении. Человек, одержимый единственной идеей, если только эта идея не была духовной, также наверняка попадёт туда. И совсем необязательно для этого быть злым человеком, ведь брат Джон из Гластонбери, так сильно любивший своё великое аббатство, что никогда не мог расстаться с ним, тоже находится среди духов, привязанных к земному. К самым материальным и наиболее выраженным категориям духов относятся те из них, которые врачаются очень близко к нашей материи и оказывались видны даже людям, не обладающим сильным психическим зрением. Насколько мы можем судить по известным нам материальным законам, управляющим *той* материей, призрак, вероятно, никогда бы не смог проявиться, если бы находился в одиночестве. Субстанция, необходимая для его появления, извлекается им из самого зрителя; озnob, шевеление волос и другие неприятные симптомы, на которые жалуются в таких случаях, в значительной мере обусловлены внезапным покушением на жизненные силы зрителя. Это, однако, уже теоретические рассуждения и отстоят весьма далеко от отношений психической науки и религии, рассмотрение которых было целью настоящих страниц.

CLXXV. Во все времена любая попытка как-то расширить горизонты мысли и раздвинуть сферу приложения милосердия в истолковании отношений между человеком и его Создателем всегда встречала решительное противодействие со стороны церковников. Однако история учит, что этому противодействию никогда не удавалось остановить постепенное высвобождение человеческого разума из железных оков ритуала и догмы; самое большее, что ему иногда удавалось сделать, это слегка затормозить подобное высвобождение. Мы в наш век достаточно удачливы уже тем, что в самом духовенстве, на всех ступенях его иерархии, имеются люди, которые признают, что их религии должны становиться более терпимыми и выказывать более понятливости, если только оне не хотят, чтобы цивилизованный мир от них полностью отвернулся.

Но тот, кто знает, сколь велик процент самых серьёзных и мыслящих людей в нашей стране, уже вышедших за пределы догматической веры, согласится, что такой исход ни в коей мере не является невероятным.

Слово «религия» по ходу полемики постоянно используется там, где, как мне кажется, было бы более уместным употребить термин «ритуал». Религия есть связь между каждой человеческой душой и Создателем, и внешним выражением её являются поступки индивида. Все канонические предписания, ритуалы и догмы являются орудиями души в её развитии. До тех пор, пока они содействуют этому развитию, существование их оправдано. Но как только их содействие прекращается, они становятся окаменелыми формами, препятствующими нормальному жизни и росту, и тогда существованию их нет уже никакого оправдания. Но всегда «по плодам их узнают их», и если применять именно этот критерий, то необходимо признать, что Англия сделала значительные шаги вперёд по пути улучшения и поэтому стала более религиозной в истинном смысле слова.

О каких, спрашивается, «благочестивых днях» скорбят здесь некоторые? Те ли это, что были отражены Хогартом и описаны Филдингом? Когда ещё Англия была столь рассудительна, столь разумна, столь благовоспитанна, столь процветающа и трудолюбива, как сегодня? Что же до упадка этих форм и церемоний, то, невзирая на то, что многие оплакивают их, другие могут видеть в этом упадке только зарю более здоровых, добрых и милосердных дней. Я верю, что наши потомки, оглядываясь на наш век, не только будут видеть в нём вехи и предрассудка, но и признают за ним значительный прогресс по сравнению с ещё более

тёмными веками, ему предшествовавшими.

Настаивать на догме и ритуале, или «религии» в смысле, в котором ошибочно употребляют это слово, значит неизбежно приводить человечество к вечному расколу на соперничающие фракции, поскольку невозможно себе даже представить, будто какая-то одна secta окажется в состоянии поглотить все другие. Мы все как бы стоим на палубе нашего небольшого земного корабля, плывущего по космическому морю с приданым ему компасом. Но по опыту мы ведь знаем, что нет двух людей, которые бы одинаково видели и читали показания компаса. Божественный Создатель действительно даровал нам такой компас, и это есть разум – благороднейшая из всех человеческих способностей. И разум этот говорит нам, что если только каждая secta ослабит непреклонность своей доктрины и станет настаивать на пунктах, которые объединяют её с соседями, вместо того чтобы подчёркивать и усиливать те, что её изолируют, то появится определённая надежда на постепенное примирение теологических разногласий, которые, как я уже сказал, не имеют никакого отношения к истинной религии и были на протяжении всей человеческой истории только источниками кровопролития и всяческих бедствий, причём в гораздо большей степени, чем все иные причины их, вместе взятые.

CLXXVI. Я не верю ни во что способное ограничить силу и доброту Всевышнего. И моя церковь всегда при мне. Кирпичи и известковый раствор не воздвигнут лестницы на небеса. Вместе с Христом я верю, что сердце человеческое – лучший храм Всевышнего. И мне очень жаль, что кто-то по данному поводу не согласен с основателем христианства.

CLXXVII. Мне представляется, что в значительной части материалов, публикуемых в связи с религией, настойчиво просматривается одно и то же заблуждение. И заблуждение это заключается в постулате, будто любая форма ритуала, включая сюда и ритуал хождения в большое каменное здание с целью причащения к великому Незримому, имеет некоторое отношение к истинной религии.

Урок, который преподала мне сама жизнь, гласит, что это совершенно не так. Я знал самых восхитительных людей, которые ходили в храм, и я знал самых дурных людей, которые делали то же самое. Я знал самых восхитительных людей, которые туда не ходили, и я знал самых дурных, которые также воздерживались от этого. Мне ни разу не встретился человек, который был бы добр потому только, что он ходил в церковь, или зол потому, что не ходил туда. И тем не менее в большинстве опубликованных статей такого рода практика расценивается как признак возрастаания или убывания религии. Но между этими вещами нет никакой связи.

Действительными признаками возрастаания истинной религиозности в обществе являются:

- 1) наличие более мягкого и вместе с тем более широкого взгляда на эти темы, что позволяет людям независимо от их веры жить в мире, дружбе и милосердии;
- 2) улучшение криминальной статистики;
- 3) снижение потребления спиртного, являющееся показателем того, что человек обретает больший духовный самоконтроль;
- 4) уменьшение числа незаконных связей, являющееся показателем того, что человек обретает больший контроль над своей животной природой;
- 5) появление большего интереса к чтению, к посещению лекций, к занятию наукой, являющееся показателем того, что ум берёт перевес над телом;
- 6) увеличение счетов в сберегательных банках, говорящее о бережливости и самоотречении;
- 7) процветание торговли, являющееся свидетельством большей деятельности и эффективности;
- 8) увеличение числа благотворительных учреждений и проявление со стороны человека чувства ответственности перед животными.

Такого рода практические показатели, которые действительно отражают происходящий прогресс, гораздо более ценны, чем сугубо поверхностные оценки, затрагивающие соблюдение ритуала, которое может итти, а может и не итти в ногу с качеством жизни.

CLXXVIII. Нашим преподобным критикам могу лишь сказать, что во все времена те, кто не соглашался по религиозным вопросам, стремились представить своих оппонентов связанными с нечистой силой. Главным примером, конечно, является сам Христос, на которого такое обвинение возвели фарисеи и который ответил им, что по плодам познаётся дерево. Я не могу понять склада ума тех поборников веры, которые желание доказать существование жизни после смерти и тем самым опровергнуть материалиста приписывают нечистой силе. Если это дело рук дьявола, то он, безусловно, сильно облагороженный персонаж.

CLXXIX. Куда бы я ни поехал, всюду встречаются два главных типа критиков. Один – это материалистически мыслящий джентльмен, который отстаивает своё право на вечное небытие. Второй – это джентльмен с настолько глубоким уважением к «Библии», что он никогда в неё не заглядывал.

CLXXX. Есть особая агрессивная форма религии, сама именующая себя «догматической верой». Она принесла человеческому роду больше вреда, нежели чума и голод. Ей мы обязаны не только всей кровавой историей мусульманства, но и всеми убийствами, которые покрыли позором, одно за другим, каждое из направлений христианства.

От имени Христа, этого Апостола мира, сия чудовищная школа мысли всего лишь через несколько веков после его смерти учинила такие распри и убийства, о каких и слыхом было не слыхано во времена язычества. Было подсчитано, что только по поводу гомиоусианского вопроса – филолого-теологической проблемы, связанной с произнесением дифтонга, – сотни тысяч людей лишились жизни как поборники и жертвы веры.* Крестовые походы, убийства альбигойцев и севеннов, Тридцатилетняя война, инквизиция, надругательства католиков над протестантами и не менее постыдные надругательства протестантов над католиками, преследования нонконформистов Церковью, преследования квакеров нонконформистами,

* Учения о *гомоусии* и *гомиоусии* – единосущие и подобосущие (греч.). Ариане утверждали, что Бог-Сын в Троице всего лишь подобен Богу-Отцу, их противники, – что Отец и Сын одинаковы по самой своей сущности. В другом месте Конан-Дойль по этому поводу пишет:

«В середине IV-го века состояние христианской религии было возмутительно и позорно. В бедах кроткая, смиренная и долготерпеливая, она сделалась, познав успех, самонадеянной, агрессивной и безрассудной. Язычество ещё не умерло, но быстро угасало, находя самых надёжных приверженцев либо среди консервативной знати из лучших родов, либо среди тёмных деревенских жителей, которые и дали умирающей вере её имя. Меж двумя этими крайностями заключалось громадное большинство рассудительных людей, обратившихся от многобожия к единобожию и навсегда отвергших верований предков. Но вместе с пороками политеизма они расстались и с его достоинствами, среди которых особенно приметны были терпимость и благодушие религиозного чувства. Пламенное рвение христиан побуждало их исследовать и строго определять каждое понятие в своём богословии; а поскольку центральной власти, которая могла бы проверить такие определения, у них не было, сотни враждующих ересей не замедлили появиться на свет, и та же самая пламенная верность собственным убеждениям заставляла более сильные партии раскольников навязывать свои взгляды более слабым, повергая Восточный мир в смуту и раздор.

Центрами богословской войны были Александрия, Антиохия и Константинополь. Весь север Африки тоже был истерзан борьбою; здесь главным врагом были донатисты, которые охраняли свой раскол железными цепами и боевым кличем «Хвалите Господа!» Но мелкие местные распри канули в небытие, когда вспыхнул великий спор между католиками и арианами, спор, рассекший надвое каждую деревню, каждый дом – от хижины до дворца. Соперничающие учения о гомоусии и гомиоусии, содержащие в себе метафизические различия настолько тонкие, что их едва можно было обнаружить, поднимали епископа на епископа и общину на общину. Чернила богословов и кровь фанатиков лились рекою с обеих сторон, и кроткие последователи Христа с ужасом убеждались, что их вера в ответе за такой разгул кровавого буйства, какой ещё никогда не осквернял религиозную историю мира. Многие из них, веровавшие особенно искренне, были потрясены до глубины души и бежали в Ливийскую пустыню или в безлюдье Понта, чтобы там, в самоотречении и молитвах, ждать Второго пришествия, уже совсем близкого, как тогда казалось. Но и в пустынях звучали отголоски дальней борьбы, и отшельники из своих логовищ метали яростные взоры на проходивших мимо странников, которые могли быть заражены учением Афанасия или Ария». (Примеч. Й.Р.)

неисчислимые семейные трагедии и тирании – воистину, если принять всё это во внимание, то читатель будет вынужден допустить, что вера в её положительно-агрессивном понимании принесла более зла, нежели голод и чума, вместе взятые.

CLXXXI. Все секты были введены в заблуждение людьми одного и того же склада ума, отмеченного нетерпимостью, и все они повинны в пролитии крови. Я знаю лишь четыре культа, сторонники которых могут, думается мне, сказать, что руки их не запятнаны кровью, и это – первоначальные буддисты, квакеры, унитарии и агностики. Разумеется, атеисты не могут претендовать на это, ибо их экспессы во Франции (во время Революции, а также в 1870 году) и в последнее время в России были столь же отвратительны, как и у Церкви.

И что же было коренной причиной всего этого? Только одно: говорить, будто вы верите в то, что ум ваш не может постичь, и в то, что ваш свободный разум зачастую бы отверг. Например, А. выдвигает утверждения, проверить которые нет ни малейшей возможности, и называет всё это своей верой. Б. имеет право делать то же самое. Затем А. и Б. ненавидят друг друга самой священной ненавистью, и вот вам начало одной из мрачнейших глав мировой истории. Мы же, подобные остаткам команды, спасающейся на утлом обломке того мира после кораблекрушения, движемся сегодня по поверхности безграничного океана и, живя в мире друг с другом, имеем и без того довольно дел, чтобы не устраивать яростных ссор по поводу того, что находится за линией горизонта.

Быть может, вы скажете, что как раз в этих самых словах я выказываю религиозную нетерпимость. Но это определённо не так. Если человек на своём пути получает помощь и поддержку от Папы римского, будучи католиком, или от епископа, будучи англиканцем, или от простого священника, будучи нонконформистом, то в каждом из подобных случаев это будет прекрасно, воистину прекрасно, если только всё это позволяет ему стать более добрым, более благородным человеческим существом. Каждая форма веры восхитительна, когда она совершаet это. Но когда она обращается в нетерпимость и презирает и оскорбляет тех, кто прибегает к иным методам, то всё это оказывается уже современной мещанской ярмаркой тех пороков, которые в истории отметили собой самые мрачные и самые кровавые из человеческих преступлений.

CLXXXII. Весьма важно попытаться проследить, до какой степени Спиритизм и психические исследования способствуют усилиению религиозности. Следует отметить, что мы имеем свидетельства многих людей, прошедших путь от материализма через Спиритизм к вере. Среди них профессор Роберт Гэр и профессор Мэйпс из Америки, Альфред Рассел Уоллес, доктор Эллиотсон, доктор Секстон, Роберт Блэтчфорд, Джон Рёскин и Роберт Оуэн из Англии. Можно было бы назвать и другие имена.

Принятие Спиритизма тем не менее оставляет открытym вопрос о его гармонии с религией. Определение сущности Спиритизма, повторяемое в каждом выпуске еженедельного лондонского спиритического журнала «Лайт», заключается в следующем: «Вера в существование духа отдельно и независимо от материального организма и в реальность духовного общения между духами бестелесными и духами воплощёнными». При этом он опирается на основные положения христианского вероучения.

CLXXXIII. Среди всех социальных групп существует одна, которая способна со всей ответственностью говорить о религиозных тенденциях Спиритизма: это священники. Многие из них выразили своё мнение по поводу этого предмета довольно недвусмысленно.

Преподобный Г.Р.Хоуэйс, магистр гуманитарных наук, в своей речи перед Лондонским спиритическим альянсом^{*} 20 апреля 1900 года говорил, что считает своим долгом заявить с этой трибуны следующее: он не видит ничего, в чём Спиритизм в крайней степени противоречил бы христианским истинам. Действительно, Спиритизм очень хорошо сочетается с христианством и, не являясь его антагонистом, имеет тенденцию к развитию последнего, а не к противоборству с ним. Священнослужители в великом долгу перед спиритами – если, конечно, они радеют за своё дело – прежде всего за то, что Спиритизм реабилитировал

* London Spiritualist Alliance.

«Библию». Трудно отрицать, что вера в «Библию» и её почитание канули в лету. Это было вызвано постепенно возраставшим сомнением в отношении описанных в «Библии» чудес. Её апологеты упивались совершенством христианской доктрины, но они не могли принять на веру ни единого сверхъестественного элемента из «Ветхого» и «Нового Заветов». Их принуждали верить в библейские чудеса и в то же время втолковывали им, что все они остались в прошлом. Сейчас взгляд на «Библию» полностью изменился; сегодня люди верят в «Библию» благодаря Спиритизму; и... не верят Спиритизму благодаря «Библии». Далее Г.Р.Хоуэйс сообщил о том, что в начале своей духовной карьеры он безуспешно пытался истолковать библейские чудеса, рассматривая их вне «Библии». Позже, как он думает, ему по этой же причине не удалось найти объяснение и исследованиям Крукса, Фламмариона и Альфреда Рассела Уоллеса.

CLXXXIV. Преподобный Артур Чамберс, бывший викарий из Брокенхерста близ Хантса, проделал неоценимую работу: он заставил нас задуматься о проблеме духовной жизни человека на земле и после смерти. Его книга «Наша жизнь после смерти»* выдержала 120 переизданий. В своём докладе «Спиритизм и свет, который он проливает на христианские истины» преподобный Артур Чамберс говорил:

«Спиритическое Учение, открыто заявившее в результате настойчивых исследований психических явлений, что общение между двумя мирами есть реальный факт, подвело огромные массы простого народа к пониманию того, что на земле и на небесах существует множество вещей, о которых оне даже не подозревали. Случилось так, что многие из них, будучи христианами и христианками, поняли великую истину, тесно переплетённую с религией; им открылась фундаментальная правда об истинном положении человека во Вселенной – правда, за которую человечество цепко держалось во все времена, несмотря на неодобрение учителей от религии. Наконец мне стала понятна та роль, которую учение Спиритизма сыграло в возвышении религиозных идей нашего времени: оно помогло сформулировать более близкое к истине и более величественное представление о Боге и целях Божественных».

Далее он говорит: «Да, Спиритизм сделал многое для лучшего понимания великих основ Евангелия Иисуса. Он помог людям ясно увидеть Великий Дух Бога-Отца, в сиянии которого мы живём, движемся и существуем, и ту необъятную духовную Вселенную, к которой мы все принадлежим и чьей составной частью являемся. Будучи христианским спиритом, я глубоко убеждён в том, что именно Спиритизму, который так много сделал для христианского вероучения, суждено избавить мир от пугающего призрака смерти и помочь всем нам лучше понять, каким величайшим истинам учили нас Христос, понять, что для нас значит Христос в свете спиритических истин».

Затем мистер Чамберс добавляет, что он получил сотни писем со всех уголков света от корреспондентов, которые обрели успокоение и отраду, прониклись большим доверием к Богу после чтения его книги «Наша жизнь после смерти».

CLXXXV. Преподобный Ф.Филдинг-Оулд, магистр гуманитарных наук, викарий церкви Христа на Риджент-парк в Лондоне – ещё один из числа священнослужителей, позитивно оценивавших Спиритизму. В своём докладе 21 апреля 1921 года «Об отношении Спиритизма к христианству» он говорил:

«Мир нуждается в спиритическом Учении. Меня изумляет великое множество нерелигиозных людей в сегодняшнем Лондоне. Существует неисчислимое количество людей, представляющих различные классы общества (я руководствуюсь своим личным опытом), которые полностью не приемлют никаких религиозных вероучений. Они не молятся, никогда не посещают церквей для отправления культа, в их сознании и в привычках укоренилось представление о смерти как о конечной точке на их жизненном пути. За этим – ничего, кроме плотного облака белой мглы, дальше которого их воображение не простирается. Они могут относить себя к англиканской, римско-католической или иудейской церкви, но всё равно напоминают скорее пустые сосуды в погребе, на которые некогда были наклеены разные

* «Our Life After Death» by Rev. Arthur Chambers.

этикетки, дабы не перепутать марки вин».

И далее: «Для страдающих и утомлённых душ уже стали привычными та помошь и та поддержка, которые оказывает им спиритическое Учение. Всем нам известны люди, долго блюджавшие в разнообразии религий и пришедшие всё-таки к собственному пониманию веры. Агностики, разуверившиеся в Боге и в бессмертии, которым религия казалась чистой формальностью, в конце концов полностью отвернулись от неё и стали поносить её во всех её проявлениях. Затем к ним на помощь пришли спириты как рассвет приходит к человеку, проводящему все ночи напролёт в лихорадке и бессоннице. Вначале агностики проявляли недоверие и изумление, но Спиритизм притягивал их, и они обретали духовность: Бог вернулся в их жизнь, после чего они не находили слов для выражения своей радости и признательности Учению».

CLXXXVI. Преподобный Чарльз Л.Тайдэйл, викарий из Уэстона в Йоркшире, – человек, который неистово трудился в этой области, обратился к рассмотрению вопроса о Спиритизме на конференции епископов, проходившей в Ламбет-Палац с 5 июля по 7 августа 1920 года.* Вот что он говорит о современных психических исследованиях:

«Как только мир в значительной своей части продемонстрировал пробуждение подлинного интереса к Спиритизму, Церковь, которая утверждала, что именно она являлась хранителем религиозной и духовной истины, как это ни странно, в последнее время предпочитает оставаться глухой ко всем современным доказательствам существования духовного мира. По правде говоря, именно она должна была бы засвидетельствовать его реальность. Но даже сегодня Церковь проявляет лишь слабый интерес и понимание того, насколько важен для неё этот предмет...

Знанием времени можно считать дискуссию о психических явлениях на конференции в Ламбете и вручение с согласия архиепископов моей брошюры «Современные психические явления и Церковь» всем епископам. Другим важным событием можно считать приглашение эра Вильяма Баррета для доклада о психических явлениях на Церковном конгрессе».

CLXXXVII. Отчёт, помещённый в «Трудах» Ламбетской конференции, так оценивал значение психических исследований: «Возможно, мы стоим у колыбели новой науки, которая в дальнейшем будет пользоваться иными методами, убеждая человечество в существовании потустороннего или загробного мира и в том, что нечто, находящееся внутри нас, позволяет контактировать с этим миром. Мы никогда не можем осмелиться установить предел тем способам, которые сочтёт нужным употребить Господь, дабы подготовить человека к принятию духовной жизни».

CLXXXVIII. Известный сотрудник «Лайт», который печатался под псевдонимом «Герсон», так комментирует некоторые выводы Ламбетской конференции епископов: «Существует несомненная опасность в «подчинении духам и влиянию неведомых сил или персон», но практика общения с духами, вопреки епископским представлениям, не обязательно требует подобного подчинения. Другая опасность, по мнению епископов, – это тенденция превратить Спиритизм в религию. «Лайт» и те, чьё отношение совпадает с позицией редакции журнала, никогда не стремились к этому. Возможность духовного общения – это просто явление природы, и мы не одобляем превращения природного явления в религию. В то же время даже самая высокая форма религии может быть связана с явлениями природы. Стремление к познанию красоты и устройства Вселенной – ещё не религия, но насколько оно вызывает преклонение перед источником этой красоты и гармонии, настолько же помогает окрепнуть духу религиозности».

CLXXXIX. На Конгрессе англиканских церквей, проходившем в 1920 году, преподобный М.А.Бэйфилд прочитал доклад «Психическая наука в союзе с христианством», в котором, в частности, сказал: «Многие священники относятся к психической науке с подозрением, а некоторые даже с явным антагонизмом и враждебностью. Получивший

* “Light”, October 30, 1920.

широкое распространение Спиритизм был объявлен антихристианским учением. Я же хочу доказать, что это Учение всегда находилось в союзе с нашей верой. Спиритом является по сути каждый «не материалист», христианство же и есть религия спиритуалистическая».

Далее он упоминает о той пользе, которую Спиритизм принёс христианству, сделав возможной веру в мистические элементы «Евангелия».

СХС. Доктор Элвуд Уорсестер на церемонии под названием «В союзе с религией»,^{*} происходившей в церкви Св.Стефана в Филадельфии 25 февраля 1923 года, говорил о психических исследованиях с позиций истинного сторонника религии, рассматривая значение Спиритизма как духовного наставника человека. «Это Учение освещает много важных событий в жизни Господа нашего и помогает нам понять и принять всё то, что казалось спорным. Я имею в виду, в частности, явления, сопровождавшие крещение Христа, его появление в Галилее, его Преображение и, кроме того, его Воскресение и появление перед учениками. Более того, Спиритизм – это единственная наша надежда на разрешение проблемы смерти. Мы вряд ли сможем получить объяснение этой проблемы из какого-либо другого источника».

СХСІ. Преподобный Дж.Вэйл-Оуэн напоминает нам о том, что Спиритизм не ограничивается одним лишь христианством. В Лондоне, например, действует и Еврейское спиритическое общество. Ведь смогла же Церковь, сначала рассматривавшая дарвинизм как своего противника, признать в конце концов эту теорию в свете христианского вероучения. Он заключает:

«Только признание процесса эволюции предоставляет христианству более полную и ценную концепцию Творения и Творца. Так же осознание величайших истин, на установление которых нацелена психическая наука, должно превратить агностика в верующего, должно сделать иудея лучшим иудеем, мусульманина – лучшим мусульманином, а христианина – лучшим христианином и, безусловно, более счастливым».*

СХСІІ. Из этих отрывков становится очевидным, что многие священники Англиканской и других Церквей положительно оценивали благотворное влияние Спиритизма на религию. Существует и другой важный источник информации, подтверждающий религиозную направленность Спиритизма – сам духовный мир. Накоплен богатый материал, полученный из мира духов, и мы сейчас ознакомимся с некоторыми его образчиками. Первый отрывок взят из известной книги «Учение Духов», сведения для которой её автор Стэнтон Мозес получил посредством собственного медиумизма:

«Друг, когда кто-нибудь потребует от тебя подтверждения полезности наших сообщений для тех, кому их направил Отец наш, скажи им, что они найдут объяснение в «Евангелии», которое проповедует о Боге милостивом, пребывающем в жалости и любви к человечеству, а не воспевает картины страданий, жестокости и страстей. Скажи им, что таков путь к познанию духовных умов, вся жизнь которых – любовь, сострадание, милосердие и помочь человеку в сочетании с поклонением Всевышнему».

Вот другой отрывок из того же источника: «Человечество постепенно выстраивало вокруг учения Иисуса стену из выводов, спекуляций и комментариев, похожих на те, которыми фарисеи снабжали Моисеевы законы. Стена отчуждения продолжала расти, и человек становился всё менее восприимчив к духовному миру. Это отчуждение вылилось в материализм бездушный и холодный, хотя в его основе лежат учения, предназначенные для вдохновения, а не для того, чтобы стать эстетическим ритуалом.

Наша задача – сделать для христианства то, что сделал Иисус для иудаизма. Мы будем опираться на первоначальные традиции, одухотворять их, вдыхать в них новую жизнь. Воскресение, а не уничтожение – вот к чему мы стремимся. Мы говорим снова и снова, что не отрицаем ни на йоту то учение, которое Христос дал миру. Мы делаем своё дело, мы лишь стираем плесень материализма, заново открывая человечеству утраченный им духовный смысл бытия... Наша миссия – возрождение той старой веры, от которой человечество так

* “American S.P.R.”, June, 1923, p.323.

* “Facts and the Future Life” by G.V.Owen, 1922, p.170.

неразумно отказалось».

CXCIII. Вот отрывок из книги «Письма от Джуллии»^{*} У.Т.Стеда: «Вы обрели духовную веру и вступили в общение с духами; вы говорите и поёте о том же, что и святые, которые там, в небесах, и здесь, на земле, были и остаются единой армией Вечного Бога. Но когда вам приходится на практике общаться с загробным миром в окружении свидетелей, это почему-то вызывает протест: «Это против воли Господа! Это искушение демонов!». О, друг мой, не поддавайся этим протестам! Разве же я демон? Разве же я дух-искуситель? Разве же я делаю что-либо против воли Господа, постоянно пытаясь вдохнуть в тебя всё большую веру в Него, большую любовь к Нему и всем Его созданиям, пытаясь всё более приблизить тебя к Нему? Ты ведь знаешь, что я делаю всё это, ведь в моих деяниях – моё вдохновение и смысл моего существования».

CXCIV. И наконец процитируем «Послания от Меслом»^{**}: «Любое учение или вера, помогающие человечеству поверить в то, что существует жизнь после смерти и что душа только крепнет в испытаниях, побеждая свои слабости, – это хорошее учение, которое несёт в себе истинную правду. Если же оно проповедует любовь Господа, то человечество, восприняв эту любовь, будет избавлено от страданий ещё на земле».

Эти возвышенные слова, определённо, имеют целью подготовку человеческого разума к более высоким материям и более глубокому осмысливанию своего жизненного предназначения.

CXCV. Если отвергать, что эта жизнь есть духовное испытание перед другой, и считать, что со смертью кончается всё и никакого опыта больше не предстоит, тогда невозможно верить в доброту или всемогущество Бога.

CXCVI. Фредерику Мейерсу утраченную веру в христианство вернул Спиритизм. В своей книге «Отрывки из поэзии и прозы»^{*} в главе «Окончательная вера» он пишет:

«Даже движимый самыми лучшими побуждениями я не могу сопоставить свою настоящую веру с христианством. Я бы скорее назвал её результатом развития научного отношения к учению Христа.

Вы спрашиваете меня, в чём же состоит моральная основа моей веры? Ответ на удивление прост и краток. Можно сказать, что она, безусловно, совпадает с тенденцией самого раннего и наиболее истинного христианства – этого основополагающего морального учения, величие которого подтверждается (в том числе и по свидетельствам последнего времени) упорством Христа в познании Истины, провозглашением им того, что слово убивает, а дух даёт жизнь, его стремлением к всеобщей справедливости, путь к которой лежит через любовь к Господу и к человеку».

CXCVII. Мы можем и дальше цитировать выдающихся людей. Сэр Оливер Лодж, например, пишет: «Несмотря на то, что я пришёл к своей позиции не через религиозную веру, всё, что я познал, только усиливает мою любовь и благодарность к той личности, которая является центральной фигурой «Евангелия».

CXCVIII. Леди Грэй из Фоллодона^{*} отдаёт дань уважения Спиритизму, описывая его как животворящую религию, приносящую отраду и утешение человечеству. Вот что она пишет: «Массы современных рабочих гораздо ближе к духу «Нового Завета», чем некогда церковные крестьяне. Церковь в Англии должна смотреть на Спиритизм как на ценного союзника. Он наносит сокрушительный удар по материализму и не только идентифицирует материальный мир с духовной вселенной, но и содержит множество полезных сведений».

Она продолжает: «Я считаю, что Спиритизм привнёс глоток свежего воздуха в старую веру... Мир, который мы не склонны были ассоциировать со Святым Писанием, в сущности идентичен сообщениям о нём, которые содержатся в старинных рукописях. Те из

* “Letters from Julia” by W.T.Stead.

** “Messages from Meslom”.

* “Fortnightly Review”, October, 1922.

нас, кто несёт Новое Откровение в сердцах, знают, что Спиритизм даёт современное прочтение «Библии», и поэтому Церковь должна рассматривать Спиритизм как мощного союзника религии».

Это смелые и правдивые слова.

CXCIX. Доктор Юджин Кроуэлл утверждает, что Римская католическая церковь считает спиритические проявления феноменами, происходящими по священной воле Церкви, а Протестантские церкви хотя и признают открыто, что спиритические проявления случались с Иисусом и его учениками, тем не менее отрицают, что они возможны в наше время. Он говорит:

«Таким образом, Протестантская церковь, как только к ней обращались изголодавшиеся по духовной пище люди (а таковых насчитывалось великое множество), ничего не могла предложить им; в лучшем случае она отделывалась рассуждениями или другой чепухой...

Протестантизм сегодня испытывает давление католицизма и материализма. Находясь в этом трёхслойном пироге, протестантизм должен сохранить прочность и единство, чтобы не рассыпаться в прах. Однако в своём современном состоянии он не обладает необходимой жизнеспособностью для сопротивления действию этих сил, остаётся только надежда на свежую кровь Спиритизма, готовую влиться в истощённые вены протестантизма. Это составная часть миссии Спиритизма, и я полностью уверен в её успехе. Моя уверенность базируется на способности Спиритизма к разрешению насущных нужд протестантизма».*

Доктор Кроуэлл считает также, что распространение знаний не заставит современного человека уделять меньше внимания вопросам духовной жизни и будущего существования. Но сегодня люди не могут относиться к вере формально: они требуют доказательств её истинности. Теология не способна предоставить их, и миллионы серьёзных умов занимают выжидательную позицию. Он утверждает, что Спиритизм был ниспослан для того, чтобы снабдить их этими доказательствами, что он является единственным их источником.

CC. Теперь обратимся к работам спиритов-унитариев, лидером которых является всецело преданный Учению Эрнст У.Оутен, редактор газеты «Ту уорлдз». Взгляды мистера Оутена разделяли многие экстремисты, склонные, впрочем, скорее реконструировать христианские идеалы, чем разрушить их до основания. После описания жизни Христа с позиций психического Учения он пишет:

«Люди считают, что я не чту Иисуса из Назарета. Я же склонен доверять суждению Христа скорее, чем суждениям этих людей. Думаю, что я знаю его жизнь лучше, чем любой другой христианин. Нет иной души в истории, которую я оценил бы столь высоко. Меня не удовлетворяет то место, которое он занимает в умах простого народа, понимающего его истинное значение не более, чем смысл египетских иероглифов. Я люблю эту личность и служу ей беззаветно. Он многому бы научил мир, который так и пребывает в неведении, пока не снял его с пьедестала поклонения и не проследовал за ним в сад.

Могут сказать, что моё прочтение его жизни чересчур натуралистично. Я был бы счастлив, будь оно действительно так. Нет ничего более священного, чем законы, управляющие жизнью. Бог, который задал тон подобным законам, сделал их достаточными для достижения Божественных целей, и они не нуждаются в замене. Бог, который управляет земными процессами, идентифицируется в моём понимании с Христом, который управляет процессами духовной жизни».

CCI. Спиритизм как система мыслей и знаний приложим к любой религии. В основе спиритического Учения лежат непрерывность существования личности и возможность общения после смерти. Эти два основных фактора имеют одинаково важное значение как в индуизме, мусульманстве, парсизме,*** так и в христианстве: Спиритизм обращён ко всему

* “The Identity of Primitive Christianity and Modern Spiritualism” by Eugene Crowell, 2 Vols., 2nd Edition, New York, 1875.

** “The Relation of Modern Spiritualism to Christianity” by Ernest W.Oaten, p.23.

*** Современное название – *зороастранизм* (по имени основателя – Зороастра, или менее правильно – Заратустры) – религия древних народов Индии, Персии и других стран Ближнего и Среднего Востока.

миру. Существует только одна школа, абсолютно не приемлющая новое Учение: материализм, который крепко держит мир в своих руках и является корнем всех зол. Поэтому постижение и принятие Спиритизма так важно для спасения человечества, иначе оно обречено опускаться всё ниже и ниже к чистому утилитаризму и эгоистическому взгляду на Вселенную. Типичным материалистическим государством можно считать предвоенную Германию.* Впрочем, любое другое современное государство можно отнести к тому же типу, независимо от уровня экономического развития.

Может возникнуть вопрос: почему старые религии оказались недостаточно сильны, чтобы спасти мир от духовной деградации? Ответ таков: они пытались, но не справились с этой задачей. Церкви, которые представляют эти религии, сами оказались близки к последней стадии деградации в прямом и в переносном смысле. Они утратили контакт с духовностью и удовлетворялись тем, что она осталась в далёком прошлом. Их неискренние заверения и восхваления существующей устаревшей системы, запутавшейся в своей невероятной теологии, вызвали у благородных умов тошноту. Ни один класс не показал себя настроенным более скептически по отношению к современным проявлениям Спиритизма, чем священнослужители, хотя они проповедовали веру в древние чудеса, имевшие, безусловно, спиритическую природу. Их крайнее неприятие этих проявлений в наше время можно расценить как меру искренности их заверений. Верой всегда злоупотребляли, пока проницательнейшие умы человечества, во все времена стремившиеся к знаниям и исследованиям, не отвернулись от неё и не обратили свой взор к Спиритизму. Это Учение обосновало веру в жизнь после смерти и в существование невидимых миров, не только обращаясь к древним традициям или следуя смутной интуиции, но и на основе доказанных фактов, на которые могла бы опереться и религия. Наконец-то человечество нашупало твёрдый путь среди зыбучей трясины разных вероучений!

ССII. Заявление о том, что Спиритизм не противоречит никакой религии, не подразумевает, что все религии равнозначны или что Спиритизм сам по себе не может быть самодостаточным и требует сочетания с каким-либо вероучением. Я полагаю, что Спиритизм даёт человеку всё то, в чём он нуждается, но мне встречалось множество людей высокой духовности, которые не могли отказаться от традиционных представлений о конечности человеческой жизни и принимали Новое Откровение, не отказываясь от ортодоксальной веры. Если же человек избирает Спиритизм своей единственной верой, он становится не противником христианства, а скорее, его толкователем. Оба учения признают жизнь после смерти, которая влияет на прогресс и счастье человечества. Они утверждают существование мира духов, олицетворяющих добро и зло, которых христиане зовут «ангелами» и «демонами», а спириты – «направниками» («наставниками») и «низшими духами». Оба учения проповедуют в основном одни и те же добродетели: бескорыстие, доброту, чистоту и благородство, которые имеют высшую духовную природу. Однако фанатизм, рассматриваемый спиритами как серьёзный проступок, одобряется большинством христианских сект. Спириты приветствуют любой путь к совершенству и полностью признают, что во всех вероучениях говорится о святых, высокоразвитых душах, которые интуитивно знают всё то, что спиритами облечено в форму Учения. Миссия спиритов направлена не на них: она обращена на тех, кто открыто провозглашает себя агностиками, или на тех, кто ещё более опасен, ибо проповедует некую форму вероучения и одновременно с этим носит в своих душах или в мыслях зачатки агностицизма.

С моей точки зрения, Новое Откровение прежде всего принесёт пользу человеку, который на практике ознакомился со всем разнообразием существующих вероучений и нашёл их одинаково несовершенными. Перед ним простирается долина тьмы, где его поджидает смерть, и ортодоксальная религия не может ему предложить ничего, кроме этой очевидной истины. Подобные обстоятельства породили многих замечательных стоиков, но не принесли им земного счастья. Затем на человечество снизошло позитивное доказательство автономного существования человека после смерти, которое одними принимается сразу, другими – медленно и постепенно. Облака рассеиваются, открывая новые горизонты. Человек более не

(Й.Р.)

* Речь идёт о Первой Мировой войне. (Й.Р.)

ощущает себя в долине смерти, он перемещается на границу загробного мира, который открывает перед ним перспективы более прекрасные, чем его прошлое. Всё просветляется, его больше не окружает тьма. День Нового Откровения сменяет завершающий день его жизни.

CCIII. Вся жизнь на земле – это тренировочная площадка для мира духовного. Это чрево, из которого выходит реальный человек, когда он умирает для всего земного. Новое рождение, которое проповедовал и продемонстрировал Христос, может произойти в любое время, даже при жизни человека на земле. Что такое день рождения для тех, кто находится по *ту* сторону? Для них настоящим днём рождения является день их смерти среди нас. Спиритизм доказывает выживание личности, но он не может дать роста вечному человеку. Для того, чтобы духовно расти, надо жить в соответствии с духовным законом наподобие того, как в соответствии с законами природы растёт и распускается цветок. Христианская «Библия» приводит эти законы. Дело Церкви интерпретировать их в факты и учить человека, как им следовать, дабы жить возвыщенно иечно. Спиритические сеансы доказывают возможность жизни после смерти; но только Бог может дать эту жизнь, когда человек внутри себя создал сосуд, способный вместить и хранить её.

CCIV. В загробной жизни, равно как и в земной, знания достигаются собственными усилиями, а не каким-то чудесным образом.

CCV. Теперь я очень ясно вижу, сколь прискорбно то, что цитированье явных нелепостей из Св.Писания продолжалось даже без всякой объяснительной сноски, которая могла бы как-то смягчить их в священном тексте, потому что последствием этого было то, что даже бывшее в нём действительно святым также оказывалось отброшенным в сплошном отрицании, ведь человека нетрудно убедить, что ложное в каких-то своих частях не может и во всех своих остальных составляющих содержать истины. У истинной религии нет врагов худших, чем те, кто выступают против всякого пересмотра и отбора в той странной массе истинно прекрасного и весьма сомнительного материала, который без всякого толка перемешан в одном-единственном томе, как если бы все эти вещи действительно обладали равной ценностью.* Том сей – не золотой слиток, но золото в глине, и если это всё-таки понято, то серьёзный исследователь не отложит этот том в сторону, если наткнётся в нём на глину, но будет тем больше ценить в нём золото, что он сам отделит его от глины.**

CCVI. В ответ на категорический вопрос г-на Поллока касательно моего взгляда на ряд текстов я могу лишь напомнить ему слова Основателя христианской веры о том, что *буква убивает и что добродетель обретается только в духе*.

Настаивать на буквальном значении текстов – значит, говоря словами Уинвуда Рида, «сбросить идолов из дерева только за тем, чтобы поставить на их место идолов из бумаги и типографской краски». Эти печатно-бумажные идолы были и являются оружием теологов и клерикалов, с помощью его они с самых первых дней христианства посеяли раскол и смуту. Каждая секта может найти себе подтверждение в тексте, и вместе с тем любая другая может найти там же подтверждение для того, чтобы оспаривать первую.

Когда, например, католик находит своё учение о причастии в буквальных словах текста: «Се есть тело моё, и се есть кровь моя», то, кажется, ничто не может быть в словах выражено более ясно. И тем не менее протестант решительно отрицает правомерность такой трактовки и настаивает на метафорическом понимании. Для унитария же существует множество текстов,

* Речь идёт о «Библии». (*И.Р.*)

** Нелишне, думается нам, процитировать здесь и мнение Зейме, который говорит о «Библии» следующее: «Покуда чистейшим источником божественной истины и святейшей нормы совершеннейшей морали будет признаваться книга, коей содержание темно и противоречиво, редко соотносится с реальной жизнью и полно нравственных несообразностей, книга, коей действительное и общеупотребительное благо поконится на непрочных основаниях сурового теософического энтузиазма, до тех пор подлинная и благодетельная просвещённость не сможет укорениться ни в Церкви, ни в государстве. Я сам знаю сейчас многих, чей и без того невеликий ум оказался безвозвратно погублен пророческой теологией. Нет ничего легче и обыкновеннее того превращения, которое совершается с кардиналом и делает его атеистом. И как показывает история, одно с другим прекрасно уживается». (*И.Р.*)

которые ясно показывают ему, что Христос не имел притязаний на Божественность.

Если мы примем во внимание источник происхождения евангелий, их перевод с языка на язык и сам по себе факт, что каждый пересмотр уличал текст в ложности, то нам будет совершенно непостижимо, как было бы можно из таких данных построить какую-либо абсолютно жёсткую и неопровергнутую систему.

Но дух «Нового Завета» в достаточной степени прозрачен, в нём и заключается оправдание христианства.

CCVII. Я не обладаю красноречием, у меня нет такой профессии. Но я говорю внятно и говорю не более того, что подразумеваю и могу доказать.

Я не претендую на то, будто знаю, что такое истина, ибо она безгранична, а я ограничен; но зато я очень хорошо знаю, что истиной никак не является. Неправда, что религия достигла своего апогея девятнадцать веков назад и что мы навеки вечные осуждены ссылаться на то, что было записано и сказано в те дни. Нет, религия – в высшей степени живое дело, она постоянно растёт и действует, она способна к бесконечному расширению, углублению и развитию, как и все другие сферы мысли. В старые времена было сказано и передано нам много вечных истин в книге, некоторые части которой действительно могут быть названы «святыми». Но осталось ещё и много такого, откровение чего нам ещё только предстоит; и если мы станем отвергать эти вещи потому только, что их нет на страницах «Библии», то мы уподобимся тому учёному, который не принимает в расчёт спектральный анализ Кирсгоффа потому только, что о нём ни слова не сказано в книге Альберта Великого. Современный пророк может носить пальто из тонкого сукна и печататься в журналах и тем не менее служить каналом, по которому передаётся тончайшая струя из хранилищ истины. Всевышний ещё не сказал Своего последнего слова роду людскому, и Он может говорить устами шотландца или американца с тем же успехом, как прежде говорил устами израильтянина. «Библия» – это такая книга, которая передаётся нам маленькими порциями и на последней странице коей должно быть написано не «Конец», а «Продолжение следует».

CCVIII. В «Библии», которая является основанием всей нашей нынешней религиозной мысли, мы имеем переплетённых друг с другом мертвца и живого; и мёртвый заразил живого, микробы тления разъедают живую ткань нашей веры. Мумия и ангел состоят в самом противостоящем товариществе. Не может быть ясного мышления, ни появиться здравого, логичного учения, покуда устаревшая часть этой книги не будет отделена от целого, поставлена на книжную полку в кабинете учёного и убрана с письменного стола школьного учителя.

Сегодняшняя «Библия» – поистине изумительная книга, значительная часть её представляет собой древнейшие записи, дошедшие до нас, книга, полная редкого знания, истории, поэзии, оккультизма, фольклора. Но она не имеет связи с современным пониманием религии и по сути своей глубоко ей антагонистична. В ней под одной обложкой оказались в обращении два взаимоисключающих законоположения, результатом чего явилось страшное смятение.

CCIX. В целом, позиция, занимаемая сегодня в этом споре духовенством, представляется мне довольно уязвимой. Так, оно поддерживает тезу об абсолютной и исключительной богоизбранности «Библии». Но разве оно не знает, что в этой книге есть утверждения, которые, как нам доподлинно известно, неверны? Следует ли эти неправды и заблуждения приписывать самому Божеству? Нелепость предположения очевидна. Неужели же Всевышний, обладатель всякого знания, мог бы впасть в ошибки, которым бы улыбнулся сегодняшний школьник? Принадлежит ли Ему авторство утверждения, будто мир был сотворён за шесть дней и что сотворение это состоялось всего лишь около пяти тысяч лет назад, или будто Иисус Навин приказал солнцу остановиться, нимало не считаясь с тем, что оно относительно Земли и так неподвижно, а вертится именно сама Земля? Если это так, то приходится тогда скрбеть о нас, раз мы создаём себе такие представления о Божестве. Если же это не так, то что остаётся от абсолютной богоизбранности Писания?

Мой взгляд на «Библию», равно как и на все иные святые книги, состоит в том, что оне

представляют собой золото, лежащее в глине, и что нашему уму предоставлено право отделять одно от другой. При этом в «Ветхом Завете» более глины, чем золота. В «Новом» же значительно более золота, нежели глины.*

ССХ. Один свод представленных в ней законов является схемой, построенной на отдельном племенном боже, подчёркнуто человекоподобном и исполненном гнева, зависти и мести. Такое понимание Бога пропитывает каждую книгу «Ветхого Завета». Даже в «Псалтыре», который является, быть может, самой духовной и прекрасной его частью, псалмопевец наряду со многим воистину прекрасным и благородным поёт о вещах в высшей степени ужасных, которые его бог сделает с его врагами: «Они низвергнутся живыми в ад». Таков лейтмотив этого древнейшего памятника письменности — памятника, пропагандирующего и отстаивающего массовую резню, мирявшегося с многожёнством, признающего рабство и приговаривающего к сожжению так называемых «ведьм».

Изложенные в нём Моисеевы законы уже давно отложены в сторону. Так, мы не считаем себя «проклятыми», отказавшись причинятьувечье своему телу, или если едим «запретную» пищу, если подстригаем себе бороды, если носим одежду, скроенную из двух разных материалов. Но мы не можем отказаться от этих законов, не переставая считать и сам свод их божественным.

Никакая учёная софистика никогда не сможет убедить честный серьёзный ум в том, что эти законы действительно божественны. Могут, конечно, на это возразить: «Каждый понимает, что эти законы устарели, и поэтому следовать им не стоит». Но это-то и неверно. Им постоянно следуют, и так будет продолжаться до тех пор, пока они являются частью Священного Писания.

Каждая облечённая властью жестокосердая скотина в человеческой истории, особенно когда дело касалось религиозных войн, черпала своё вдохновение в «Ветхом Завете». «Режьте и не давайте пощады!», «Око за око! Зуб за зуб!» — тексты всегда наготове, чтобы зазвучать на жестоких губах убийц-фанатиков. Франциск в Варфоломеевскую ночь, герцог Альба в Нидерландах, Тили под Магдебургом, Кромвель под Дрогедой, сторонники Ковенанта при Филлифе, ана뱁тисты из Мюнстера, мормоны из Юта — все они подкрепляли свои инстинкты к убийству в этом нечистом источнике. Кровавый след оставлен «Ветхим Заветом» во всей истории человечества. Даже там, где главенствует «Новый Завет», его учение оглушается и затуманивается мрачным соседом.

Давайте же сохраним это вполне заслуживающее внимания произведение литературы, но давайте смоем пятно позора, которое отправляет самый источник нашей религиозной жизни.**

* Мы бы вполне согласились с этой оценкой, если бы наш автор говорил здесь не о глине, а о навозе. Собственно, здесь вполне уместно употребить и более энергичное слово, ибо по части мерзостей и жестокостей, в ней собранных, эта книга может состязаться только с сочинениями маркиза де Сада и перечнем преступлений против человечности, совершённых германскими нацистами. Что же до глупостей, несоответствий и противоречий, вписанных в её строки, то здесь она и вовсе не знает равных.

И всё-таки главная гнусность этой книги не в том и не в этом, а в том, что она *клевещет* на Бога, наделив Его самыми скверными человеческими несовершенствами.

Не спорим, есть на этих страницах золотые истины, но оне нисколько не выигрывают от того, что окружены ветхозаветными мерзостями. В высшей степени небесполезной работой было бы собрать эти истины в одной небольшой книге, а всё прочее предать забвению. Пусть эту отверженную часть читают только специалисты.

Лорд Болингброк говорит о «Библии»: «Было бы хулой Богу и обидой людям серьёзно смотреть на это жалкое сплетение небылиц, в которых каждое слово есть или верх смешного, или верх ужасного». (Й.Р.)

** «Библия» представляет собой сумбурное собрание медиумических записей. И только безнадёжно наивные, доверчивые и легкомысленные люди могут поверить, будто этот свод противоречивых, нелепых и часто мерзостных рассказней продиктован «Духом Святым».

Двести лет назад великий духовидец и философ Сведенборг также состоял в общении с миром духов. И один из постоянных его собеседников представился ему Господом Богом (что, надо сказать, не редкость в подобных случаях). Он продиктовал доверчиво внимавшему Сведенборгу множество

ССХI. Уинвуд Рид в своей книге «Мученичество Человека» замечает, что в эпоху Реформации люди сбрасывали идолов из камня и глины, для того чтобы поставить на их место идола из бумаги и типографской краски. Давайте возьмём из «Библии» всё, что есть в ней хорошего, и употребим с пользою. Но во имя благоговения перед Создателем и уважения к собственному разуму давайте воздержимся от того, чтобы приписывать Всевышнему те свойства, каковые уподобляют Его самому заурядному, хотя и сильно увеличенному в своих размерах человеку, исполненному мелких страхов, зависти и мстительности – качеств, воистину достойных осуждения лишь в нас самих. Нам не нужна какая-то книга или некое откровение, для того чтобы сказать нам о Его мудрости и силе. Нам довольно звёздных небес, в коих врачаются над нами миллионы миров, дабы понять это с гораздо большей ясностью, чем то могли бы донести до нас слова какого-нибудь еврейского пророка, и есть в нас некое нравственное чувство, ведущее в равной мере как агностика, так и христианина. Чем шире наши взгляды, тем лучше, ибо какой бы широты ни достиг ум человеческий, он будет всё ещё бесконечно узок в сравнении с той конечной истиной, что должна обнять собою всю Вселенную и всё то, что в ней заключается. Пока что же лучшие наши устремления могут быть выражены словами поэта: «Нет вещи в мире, созданной без цели, нет в нём и *ни единой* жизни, которая была бы предназначена забвению или могла бы быть отринута, словно какой-то мусор, в небытие, ведь в мире, созданном Богом, каждая его частица необходима великому целому».*

ССХII. Некий джентльмен желает знать, в чём, собственно, современная мысль превосходит мысль века XVI-го. Один из признаков прогресса состоит в том, что сегодня дискуссия на эту тему может вестись с учтивостью и без того, чтобы у кого-либо из участников её возникла надобность, и тем более желание, сложить костёр из своих оппонентов.**

ССХIII. Уже было сказано, что из трёх направлений, по которым следует вести реформу религии, а именно: изъятие ветхозаветной части, большее внимание к жизни Христа сравнительно с его смертью и новый духовный приток, который даёт нам психическую религию – лишь последний является авторитетным источником сведений о потустороннем мире. И однако это-то обстоятельство и недооценивается. Ни в одном из сообщений духов,

хороших вещей, но также немало и небылиц, достойных не Всезнающего Бога, но духа, не очень высоко взошедшего в Духовной Иерархии. И хотя в писаниях Сведенборга нет глупостей и гнусностей, которыми так богата «святая» Библия, никому тем не менее не пришло тогда в голову признать его откровение за Божественное. Так случилось по той простой причине, что в умах тогдашних европейцев это место было безраздельно занято «Библией».

Эта книга, уже имевшая достойных критиков со стороны житейского здравого смысла в лице Болингброка, Вульстона, Вольтера, Гольбаха, Таксиля и других, ещё дожидается своего критика со стороны здравого спиритуализма. Основу этой критики уже заложил Аллан Кардек. См. его «Книгу Бытия, чудеса и предсказания в объяснении Спиритизма» и остальные его работы. Мы продолжаем это дело на этих страницах вместе с Артуром Конан-Дойлем. (Й.Р.)

* That *nothing* walks with aimless feet,
That *not one* life shall be destroyed,
Or cast as rubbish to the void,
When God has made the pile complete.

** Небесполезно по сходным поводам и суждение Г.К.Честертона. В одном из своих рассказов он говорит: «Когда, наконец, люди поймут, что бесполезно читать только свою библию и не читать при этом библии других людей? Наборщик читает свою библию, чтобы найти опечатки; мормон читает свою библию и находит многобрачие; последователь «христианской науки» читает свою библию и обнаруживает, что наши руки и ноги – только видимость. Распущенный человек протестантского склада тоже читает свою библию. И, живя под тропическим солнцем среди отбросов восточного общества, никем духовно не руководимый, он без всякого разбора впитывает в себя поучения этой восточной книги. Без сомнения, он читает «Ветхий Завет» охотнее, чем «Новый». Без сомнения, он находит в «Ветхом Завете» всё, что хочет найти: похоть, насилие, измену. И такой человек может быть честен в общепринятом смысле слова, но что толку в этом, если он честен в своём поклонении бесчестности?» (Й.Р.)

насколько мне известно, не обсуждались материи, имеющие отношение к «Ветхому Завету». Природа Христа и его учение, напротив, были непременным предметом обсуждения с тем или иным варьированием деталей, которое главным образом укладывалось в очерченные здесь рамки. У духов имеются индивидуальные точки зрения; некоторые из них унесли с собой в ту жизнь земные предубеждения, от которых им нелегко освободиться; но, читая большое число подлинных сообщений духов, можно обнаружить, что идея искупления в них едва ли даже была затронута, тогда как на силе примера жизни Христа и его учения духи постоянно настаивают. Согласно этим посланиям, Христос – самый высокий дух, известный землянам, сын Бога, как и все мы – Его сыновья, но он ближе к Богу и в силу данного обстоятельства в более партикулярном смысле является Его сыном. За исключением редких и особенных случаев, он не встречает нас в *том* мире, когда мы умираем. Поскольку духи (и днём, и ночью) переходят туда в среднем до сотни за минуту, то данное обстоятельство является не требующим доказательств. По прошествии какого-то времени мы, возможно, допускаемся в его присутствие, чтобы обрести в нём более нежного, сочувственного и вспомоществующего товарища и наставника, коего дух на всё оказывает своё влияние, даже когда его физическое присутствие неуловимо для глаза. Такова общая идея потусторонних сообщений касательно Христа – кроткого, любящего и могучего Духа, постоянно опекающего нашу планету, которая, среди многих миров, является предметом его особой заботы.

ССХIV. Не может быть внезапной перемены в застарелой рутине наших религиозных обычаев; так же невозможно помыслить, чтобы собрался конгресс теологов, которые смогли бы сделать столь героический шаг, как разделение «Библии» на две части, поставив одну из них на полку, а другую положив на стол. Не следует ожидать и того, что будет сделано какое-то формальное заявление христианских Церквей, в котором оне признают, что акценты в истории Христа были расставлены ими неверно. Моральная сила их никогда не поднимется на такую высоту. Но ускорение общения с духами и усиление серьёзности, пустив корни в этой кровавой страсти человечества, приведут к тому, что многие смогут разумно и истинно понять существование вопроса, и если даже «Ветхий Завет» и сохранится как атрофированный аппендиц в живом теле, то лишь за тем, чтобы указывать, через какие низшие ступени развития человечество уже прошло; он всё более и более будет признаваться как документ, утративший свою силу, которому больше не будет позволено оказывать влияние на поведение людей, за исключением указания на многое из того, чего мы должны избегать. Точно так же с учением Христа: мистические части постепенно утратят значение, как то произошло с грубыми понятиями о вечном наказании, которые отмерли буквально у нас на глазах, и человечество едва успеет осознать, как ересь сегодняшнего дня станет общим местом дня завтрашнего. Эти вещи произойдут сами собой согласно срокам, установленным Богом. А что одновременно ново и жизненно-важно – так это те свежие дополнения, почерпнутые из общения с духами, которые нам теперь и пришло время обсудить. Именно в них мы можем найти приметы того, как кости приходят в движение и как мумия обрастает плотью и оживает, побуждаемая импульсом дыхания. Вместе с единственной уверенностью в существовании определённой жизни после смерти и твёрдым чувством ответственности за наше собственное духовное развитие, ответственности, которую нельзя переложить на чужие плечи и которая, как бы велика она ни была, должна быть вынесена каждым из нас ценой его собственных усилий, произойдёт самое сильное укрепление нравственности, которое когда-либо было испытано человеческой расой. Мы сейчас находимся на его грани, но наши потомки будут взирать на прошедшее столетие как на кульминацию тёмных веков, в которые человек утратил веру в Бога и настолько погрузился в свою преходящую земную жизнь, что потерял всякое чувство духовной реальности.

ССХV. Различия между религиозными сектами – пустяк в сравнении с великой извечной дуэлью между материализмом и духовным пониманием Вселенной. Настоящая битва происходит именно здесь. В этой битве Церкви являлись признанными выразительницами антиматериального взгляда, но оне делали это столь невразумительно, всё время ставили себя в столь ложные положения, что в результате постоянно терпели поражения. Со времён Юма, Вольтера и Гиббона битва медленно, но неуклонно складывается

в пользу атакующей материалистической стороны. Затем явился Дарвин и со всеми атрибутами очевидности показал, что *падения человека* никогда не было, что он, напротив, всё время *поднимался*. Это нанесло сокрушительный удар по богословской философии, и глупо отрицать это. Затем появилась школа так называемого «высокого критицизма» и указала на новые возможные трещины и щели в самых основаниях церковного миропонимания. Всё это время Церкви уступали одну пядь своей земли за другой, и каждое их отступление давало противнику место для строительства нового плацдарма и продолжения атаки. Дело зашло настолько далеко, что в настоящее время весьма значительная часть людей в нашей стране, богатых и бедных, утратила всякое сочувствие не только к Церкви, но и к духовному миропониманию в целом. И вот в эту битву вступаем мы, спириты, вооружённые своим положительным знанием и действенными доказательствами – союзник настолько сильный, что мы способны изменить ход всего сражения и раз и навсегда покончить с материализмом. Мы прямо говорим материалистам: «Мы готовы схватиться с вами на вашей же почве и показать понятными вам материальными средствами и научными опытами, что душа и личность переживают смерть тела». Это и есть цель психической науки, и она ею полностью достигнута. Изучайте, понимайте, пропагандируйте наши знания – и материализм обречён, с ним будет покончено.

ССХVI. И однако это движение, движение Новейшего Спиритуализма, встречают улюлюканьем и поношением в Риме, в Кантербери и даже в Литтл-Бетеле, впервые все трое выступают дружным хором и зовут в свои ряды таких странных союзников, как научные агностики и воинствующие атеисты. Отец Боган и епископ Лондонский, преподобный Ф.Б.Мейер и мистер Клодд, «Чёрч таймс» и «Фрифинкер» объединились на поле браны, хотя боевые кличи их совершенно несходны: одни кричат, что Спиритизм от дьявола, тогда как другим не менее нашего ясно, что такого персонажа на свете вовсе не существует.

Сопротивление материалистов вполне разумно: ведь ясно же, что если человек провёл всю жизнь, говоря «нет» всем потусторонним силам, то он попадает в поистине жалкое положение, когда после стольких лет оказывается вынужден признать, что вся его философия построена на песке и что с самого начала «да» было единственным правильным ответом. Но что касается религиозных корпораций, то какие слова могут выразить их глупость и утрату ими чувства реальности, если оне не устремляются бегом навстречу своему крупнейшему за всю историю союзнику, который вмешался в сражение, дабы, внеся в него перелом, превратить их неизбежное поражение в восхитительную победу?

ССХVII. Спиритизм, несомненно, наиболее важное дело на свете и заслуживает того, чтобы ему уделили время. При этом людей следует порицать только за то, что они пренебрегают им, но не за то, что подходят к нему с осторожностью. Я повторил бы здесь от собственного имени слова Теккерея. Он сказал одному оппоненту: «То, что вы говорите, совершенно естественно, но если бы вы видели то же, что довелось видеть мне, вам бы пришлось изменить своё мнение». Нам следует приоравливать свои теории к фактам. Мы же до сей поры приоравливали факты к своим теориям. Если вы пока ещё не среди наших сторонников, то это и совершенно правильно с вашей стороны. Чтобы понять это учение, вам нужно время. Мне самому на то понадобилось много лет. Сейчас же для меня нет ничего важнее этого, потому что я знаю, что здесь истина. Ведь знать – не то же, что верить. Спиритизм неисчерпаем. Это понимаешь, когда начинаешь его постигать. В нём десятки разных, достойных изучения областей. Когда вещи эти коснутся лично вас, тогда только вы и сможете понять и оценить всю их силу.

ССХVIII. Я много выступаю с лекциями. Но у меня никогда нет желания обратить аудиторию в свою веру. Я вообще не склонен питать доверия к подобным внезапным обращениям. Всё это мелко и поверхностно. Я стремлюсь единственно к тому, чтобы представить людям дело с наибольшей ясностью. Я просто говорю им всю правду, как она есть, и объясняю им, почему мы знаем, что это правда. На этом моя задача, собственно, и исполнена. Люди могут после этого принять предложенное мною или его отвергнуть. Если они мудры, то они непременно исследуют пути, мною указанные. Если же мудрость им

несвойственна, то они просто упустят свой шанс. Я не хочу оказывать на них никакого давления или обязательно превращать их в своих сторонников. Это, в конце концов, их дело, а не моё. Как тонко подметил Лабрюйер: «Нужно стремиться лишь к тому, чтобы мыслить и говорить согласно истине, без всякого желания привить наши вкусы и убеждения другим: предприятие сие и без того грандиозно».

ССХIX. Я могу понять научный скептицизм, и я ему доверяю. Для меня, повторяю, высшая вера и высшая наука сливаются воедино.

Наука постепенно выметает из мира застарелую паутину предрассудков и суеверий. Мир походил до этого на старый, запылённый чердак, и вот в него ворвалось солнце и заполнило весь его светом; носившаяся при этом в воздухе пыль начала постепенно оседать на пол. И всё же, что касается до науки и учёных, я могу сказать только одно: именно научное мышление лежит в основании всего нашего материализма. Сколько велика могла бы быть наука, если бы только она смогла осознать собственную ограниченность! Показателен сам по себе факт, что многие учёные мужи, когда оказываются затронуты их симпатии и предрассудки, демонстрируют самое смеюхторное пренебрежение ко всем собственным принципам. Между тем среди принципов науки нет другого более непрекаемого, как тот, что всякий вопрос должен быть всесторонне рассмотрен, прежде чем его можно будет признать несостоительным. На примере беспроводной связи или летательных аппаратов тяжелее воздуха мы могли в последние годы наблюдать в суждениях учёных самые неприличные несообразности. Опаснее всего заявлять *a priori*^{*}, что какая-то вещь совершенно невозможна. Тем не менее это ошибка, в которую впал чуть ли не каждый критик, выступающий от лица науки. Такие учёные пользовались авторитетом, который они заслуженно приобрели в освоенной ими специальности, для того чтобы подорвать доверие к области, в какой они ничего не смыслят. Сам по себе факт, что человек был крупным авторитетом в физиологии или физике, никоим образом не делает его авторитетом также и в области психической науки.

В мире науки полным-полно глупцов и разных болванов, лишь тормозящих мировой прогресс. Они признаются в том, что ничего по данному поводу не читали, и я уверен, ничего также не видали. И тем не менее они используют положение и имя, приобретённое ими в других материалах, для того чтобы дискредитировать множество людей, которые, как бы к ним ни относились, несомненно, весьма серьёзны и вдумчивы.

ССХХ. Наука очень помогла нам в создании комфорта, но ещё вопрос, отвечает ли данный комфорт нашим действительным задачам в этой жизни. Несомненно то, что обыкновенно он был нашим бедствием, потому что комфорт этот назывался «прогрессом», и тем у нас создавалось впечатление, будто мы действительно движемся вперёд, «прогрессируем», тогда как на самом деле мы не только топчемся на месте, но и неуклонно сползаем назад.

На это, разумеется, могут возразить: «А беспроводочный телеграф? А сигнал SOS на море? Разве это не служит благу человечества?». Я целиком согласен, порой всё это оказывается и впрямь очень удачно. Я ценю, например, свою электрическую настольную лампу, а она ведь продукт науки. Наука даёт нам, как я уже сказал, комфорт, а подчас и безопасность. И тем не менее я не склонен превозносить её и её дары, потому что она затемняет и искажает самое для нас жизненно важное, именно – цель нашей жизни и наши задачи в ней. Мы были помещены на этой планете не за тем, чтобы ездить на автомобиле со скоростью 50 миль в час, или чтобы перелетать Атлантику на самолёте, или посыпать в другой конец Земли сообщения по проводам или без оных. Всё это лишь украшения и удобства нашей жизни, но не более того. Однако наши учёные настолько приковали всё наше внимание к этим украшениям, что мы, хлопоча с ними, забыли за этим занятием главную цель, ради которой мы здесь.

Не то важно, с какой скоростью вы едете, но цель вашего путешествия. Не то важно, посредством каких технических ухищрений вы посыпаете своё сообщение на расстояние, а то, сколь значимо само ваше сообщение. И тогда выясняется, что этот так называемый

* *a priori* – заранее, без знания дела, предубеждённо (*лат.*)

«прогресс» на каждом шагу оказывается нашим бедствием. И всё же до тех пор, пока мы пользуемся словом, мы будем путать этот мнимый прогресс с реальным прогрессом и воображать при этом, будто заняты тем, ради чего Бог послал нас в сей мир, а посланы мы сюда были за тем, чтобы готовиться к следующей фазе жизни. Есть подготовка ума, а есть подготовка духа, и мы пренебрегаем обеими. Стать на старости лет лучше и добрее, изжить в себе эгоизм, расширить свой умственный кругозор, сделаться сердечнее и терпимее — вот зачем мы здесь находимся, вот каковы задачи нашей жизни. Наш мир, вся наша планета — это фабрика душ, но она пока что выпускает скверную продукцию.

ССХI. Несомненно, прежде мир человеческий был более жесток, чем сейчас, но ведь никогда у него не было и таких преимуществ, как у нас, и всё же никогда ранее столько образованности, знания и так называемой «цивилизации» не превращалось во зло. Мы научились строить воздушные корабли. И мы пользуемся ими на то, чтобы бомбить города. Мы научились плавать под водой. И это умение пригодно нам лишь на то, чтобы убивать моряков и топить корабли. С помощью химии мы приобрели власть над материей. И мы пользуемся ею, чтоб изготавливать взрывчатые вещества и отправляющие газы. Наше положение всё ухудшается. В настоящее время каждая нация на земле строит тайные замыслы о том, как ей лучше всего отравить и извести все остальные. Разве Бог для этого сотворил нашу планету, и насколько вероятно, что Он позволит миру и далее итти в тартарары?

Наибольшая опасность для человека или нации наступает тогда, когда интеллектуальная сторона оказывается более развитой, нежели духовная. А разве не таково положение в сегодняшнем мире? Наши духовные проводники говорят о том, что все чаши вышнего терпения переполнены. Есть война, голод, мор, землетрясения, наводнения и иные напасти, но всё завершится в мире, в неописуемой радости и красоте.

ССХII. Я получил указание распространять послание всюду, где, на мой взгляд, есть уши, чтобы услышать. Наши наставники желают, чтобы человеческая раса постепенно поняла реальное положение вещей, с тем чтобы избежать потрясения или паники. Я один из тех многих, что выбраны нести людям благую весть.

Ситуация теперь достигла апогея. Самая идея прогресса была извращена, материализирована. Она связана с тем, чтобы быстро ездить, быстро передавать информацию, строить новые машины и механизмы. Всё это лишь ублажение самого заурядного честолюбия. Подлинный же прогресс — это прогресс духовный. Человечество уделяет ему внимание только на словах, а на деле бежит ложною дорогой материального знания. Даже в области психических исследований существует особая порода психических изыскателей, совершенно не способных воспринять самое очевидное. Они злоупотребляют своими умственными задатками, силясь найти окольный путь, в то время как пред ними лежит прямая и свободная дорога, по которой они никак не желают итти. Когда человеческая раса начнёт наконец своё продвижение в это новое для неё царство,* данные интеллектуалы составят её абсолютный тыл.

ССХIII. Высший Разум признаёт, что среди всей апатии, охватившей человечество, имеется также и много честного сомнения, переросшего допотопные религии и имеющего право на более свежие свидетельства, а не на те только, что были даны человечеству в античности. И вот свежие свидетельства эти были явлены нам, и они сделали жизнь после смерти столь же ясной и ослепительной, как ясно и ослепительно лишь солнце на небесах. И это-то свидетельство было высмеяно учёными, осуждено Церковью, сделано предметом насмешек для прессы и с презрением отброшено в сторону. Это было последним и крупнейшим промахом человечества. Положение сделалось безнадёжным. Ситуация вышла из-под контроля. После того как дар небес был отвергнут, возникла нужда в самых крутых мерах. И гром грянул. Десять миллионов юношей остались лежать убитыми на поле брани, а двадцать миллионов других оказались искалеченными. Это было первое предупреждение Бога

* «Царство Божие», которое, как сказано великим Учителем, обретается только «внутри нас». (И.Р.)

человечеству.** Но и оно было оставлено без внимания. Всё тот же тупой материализм, как и ранее, возобладал. Тем не менее снова человечеству были предоставлены годы на то, чтобы одуматься, но никаких перемен ни в чём так и не оказалось видно. Напротив того, к старым порокам нации добавили вороха новых, а всякий порок ведь необходимо требует своего искупления. И вот Россия стала выгребной ямой. Германия и не думала раскаиваться в своём поистине чудовищном материализме, ставшем первопричиной войны. Испания и Италия погрузились во мрак атеизма и предрассудка. Франция осталась без религиозного идеала. Англия оказалась во власти смятения и путаницы, переполненная твердолобыми сектами, напрочь лишенными силы и мысли. Америка злоупотребила предоставленными ей прекрасными возможностями и вместо того, чтобы стать младшей и любящей сестрой истерзанной Европе, затормозила в ней всякое экономическое восстановление, требуя денег; она обесчестила подпись собственного президента, а также отказалась присоединиться к Лиге Мира, в которой сосредоточилась тогда вся надежда на будущее и выживание человечества. Все, таким образом, прогрешили, но некоторые больше других, и кара всем будет отмерена в точной пропорции.

И кара сия грядёт. Под руководством философии материализма человечество движется по ложному пути. Чем дальше, тем всё более и более ясно, что путь этот – путь страданий, и человечество должно приступить к постижению этих тайн или погибнуть.

CCXXIV. Вот в точности слова, которые меня просили Вам передать:

«Мы не хотим, чтобы люди пугались, но чтобы они начали изменяться, развиваясь по более духовной линии. Мы не собираемся докучать людям, мы стремимся лишь подготовить их, пока ещё не поздно. Мир не может продолжать жить той жизнью, какой жил ранее. Иначе он разрушит самого себя. И прежде всего мы должны развеять тёмную тучу теологии, зависшую между человечеством и Богом.

Скоро придёт день, когда вся истина станет ясна, и все эти извращённые Церкви будут сметены с лица земли вместе со своими жестокими доктринаами и карикатурами на Бога, каковые оне распространяют. Любовь! – это и всё, что требуется. Какое значение, во что вы верите, если только вы сами добры, кротки и бескорыстны, как Христос был кроток, бескорыстен и добр в давние времена?

Откройте людям всю правду о смерти. Бог желает, чтобы они её знали. Именно за этим Он и позволяет нам общаться с вами. Смерти нет. Это то же самое, как если бы вы просто перешли в другую комнату. Попав сюда, вы оказываетесь не в состоянии поверить в то, что вы уже умерли. И мы тоже не могли поверить в это. Скажите людям всю правду! О, насколько же она важнее всего, о чём вы говорите между собою. Если бы ваши газеты хотя одну неделю уделили столько внимания психическим темам, сколько посвящают его футболу, то правда о жизни после смерти стала бы известна всем.

Когда мы говорим о материальном или механическом прогрессе, мы не можем не понимать, что прогресс этот ложный – это не настоящий прогресс. Если вы сконструировали автомобиль, для того чтобы проехать на нём тысячу миль в год, а затем придумали новый – для того чтобы в следующем году можно было проехать уже две тысячи миль, то не думайте, что достигли тем вершины прогресса! Мы же хотим для вас прогресса истинного: чтобы вы поняли силу разума и духа, удостоверились в том, что мир духов реально существует.

Мы можем оказать неоценимую помощь в достижении настоящего прогресса, если только люди всей Земли помогут нам в этом, но мы не можем навязывать свою помощь силой тем, кто не готов принять её. Это ваша задача – подготовить людей к этому. Некоторые из них безнадёжно невежественны, но мы должны заронить в них семена прогресса, даже если не сможем увидеть их всходы.

Духовенство ограничено в своих идеях и повязано системой, которая, на наш взгляд, давно устарела. Воздействовать на людей устаревшими взглядами – это всё равно что пытаться накормить их вчерашним обедом. Мы хотим свежей духовной пищи, нас не

** Напомним древнее изречение: кого Бог хочет наказать, того Он лишает разума. И разума оказались лишены Германия, Россия, а вслед за ними и вся Европа, ибо то, что творилось в Европе и в России с 1914 года, весь этот кровожадный апофеоз глупости, можно объяснить только массовым ослеплением и помешательством. (J.P.)

устраивают объедки. Мы знаем, насколько совершенен и велик Иисус, прекрасно ощущаем его силу и любовь. Он может помочь всем нам, но Христос всегда разжигал в наших сердцах яркий костёр, а не ворошил старые угли.

Вот чего мы хотим – огня энтузиазма, который будет разожжён на алтарях Знания и Воображения. Многие люди пытаются быть энтузиастами, используя своё воображение, но не знают того, что воображение – лишь врата познаний. Церкви дано право учить людей, но она не может осуществить его.

Кто-то должен показать, как действует спиритическое Учение на практике. Тот мир, в котором вы живёте, предоставляет вам единственную возможность воплотить своё знание и веру в действии. На нашем духовном уровне знание и вера – это дело, а не теория, и оно сразу даёт плоды. К сожалению, многие на Земле на словах согласны с этим, но дальше слов не идут. Церковные проповедники учат, но не могут подкрепить своё учение реальными делами. В этих целях иногда бывает полезна даже простая грифельная доска, в которой мы зачастую так нуждаемся. Вы должны не только читать лекции, но и для большей наглядности отображать свои тезисы на грифельной доске. Таким образом физические явления могут совершить переворот в сознании.

Нам трудно бороться за нашу веру, потому что против нас выступает мощная коллективная сила. Но когда наступит переворот в сознании людей и они отринут своё невежество и тупой антагонизм, это немедленно расчистит дорогу значительно более полному проявлению наших сил, чем те, которые мы можем продемонстрировать на сегодняшний момент.

На преодоление этой стоящей перед нами стены мы тратим более девяноста процентов наших сил. На что оне уходят? На поиски слабых мест в стене невежества, которая разделяет нас. Многие из вас подтачивают и крашут эту стену со своей стороны, чтобы помочь нам пробиться сквозь неё. Вы помогаете нам, потому что не вы выстроили эту стену. Пройдёт ещё немного времени, и мы разрушим её и объединимся. И это будет кульминацией всех усилий: мы увидим встречу духа и материи».

Вот что мне было велено передать Вам. Распространяйте эту весть всюду, где только могут быть души, способные воспринять её. Говорите им: «Покайтесь! Переделайтесь! Настало время».

CCXXV. Пусть все исследователи никогда не отчиваются в возможности получения личных доказательств продолжения жизни после смерти, но упорно продолжают работу, невзирая на любое количество неудач, пока наконец убеждённость не придёт к ним. А она непременно придёт. Пусть исследователь сперва заслужит успех своим терпением и серьёзностью – и он достигнет успеха. Но, самое главное, пусть каждый искатель истины помнит, что явления – это лишь средство для достижения цели, само по себе не имеющее смысла и полезное лишь в силу того, что оно даёт нам уверенность в существовании жизни после смерти, и к этой жизни мы должны подготовливать себя, изгоняя прочь все наши низменные животные чувства и поощряя возвышенные благородные порывы. Если человек переступает порог сеансной комнаты не с этими мыслями, то весь сеанс опускается до уровня театра или цирка, т.е. делается обычным прибежищем для увеселения глупого и праздного любопытства. Пусть человек осознает, что душа человеческая, выходя из телесной оболочки, определяет свою судьбу в точном соответствии со своим состоянием; что это состояние зависит от общего итога его дел и мыслей при жизни в теле; что всякий злой поступок запечатлевается в духе и влечёт за собой соответствующее ему наказание с тою же определённостью, с какою человек, шагнувший из окна третьего этажа, упадёт на землю; что ни запоздалое раскаяние, ни какие-либо уловки не помогут злодею укрыться от последствий его собственных действий и что закон этот претворяется сам собою и неотвратимо.* Таков, я думаю, урок, преподанный нам Спиритизмом, а всяческие явления и феномены – лишь свидетельства истинности этого ключевого, наиважнейшего факта.

* Здесь же хочется привести и слова Дж. Конрада: «Каждый шаг – поступок: за него неизбежно приходится отвечать. И тщетны слёзы, скрежет зубовный и сожаления слабых, кто мучается, объятый страхом, когда приходит миг оказаться лицом к лицу с последствиями собственных действий». (Й.Р.)

CCXXVI. Некоторые из интересующихся Спиритизмом утверждают, что публикация предсказаний, касающихся будущего нашего мира, в тех случаях, когда такие предсказания могут встревожить людей, должна решительно пресекаться. Это вопрос, о котором я много с тревогою думал, поскольку я не только получал такие пророчества, сделанные в очень настойчивой и детализированной форме, но и большое число независимых подтверждений, поэтому мне трудно усомниться в том, что за всем этим лежит некоторая основательная истина.*

Наш собственный рассудок всегда должен быть последней инстанцией в суждениях о такого рода вопросах, но нельзя всецело отмечать и взгляды, выдвигаемые нашими незримыми коммуникаторами, в особенности когда другие их сообщения указывают на их мудрость и познания. Если сведения, сообщаемые ими, мы принимаем серьёзно, то так же серьёзно мы должны отнестись и к их советам о том, как сообщения эти использовать.

Верно ли, ошибочно ли – лишь будущее может показать это, но они утверждают, что определённые изменения, духовные и физические, вскорости произойдут на Земле. И изменения эти должны быть вызваны ослаблением материализма и усилившимся духовности – словом, более серьёзной оценкой целей человеческого существования.* Если послания из мира потустороннего в какой-то степени содействуют этой перемене в мышлении, то ясно, что они не могут быть целиком пресечены.

Опять-таки они заявляют, что если бы такие события произошли внезапно и стремительно и оказались бы для нас совершенно неожиданными и необъяснимыми, то они нанесли бы гораздо более сокрушительный удар по человеческому уму именно в силу своей непредвиденности. Поэтому хотя бы самое смутное предвидение их должно у нас существовать, и конечная цель, к которой всё это сводится, должна быть нами понята. Цель эта, как объясняется в посланиях, исключительно благотворна, сколь бы мучительным ни показалось применяемое к нам лечение, ибо ею является исцеление человечества, которое пробудит его от сонной болезни, во власти каковой оно в настоящее время находится.

Поэтому я полагаю, что мы не можем легкомысленно отмахиваться от предлагаемых ими выводов, а это проявится как раз в том, что мы не будем поднимать по этому поводу сенсационных споров, но спокойно подготовимся вместо этого к тому, чтобы там, «где есть ухо, чтобы услышать», произошла соответствующая передача информации, а также общее и постепенное распространение новостей и доказательств среди тех, кто может вести и поддерживать людей в случае какого-либо космического кризиса.

Иногда я получаю и более решительные советы. «Внедрите эти идеи в сознание людей, и пусть они живут в них. Неважно, если это их испугает: они сонны и погружены в летаргию». Хотя я и чувствую, что время для таких действий ещё не пришло, тем не менее этот совет моего главного информатора является путём, которым мне следует идти. Я надеюсь, что, прочитав это, многие осознают, что решение такого вопроса не настолько просто, как им бы хотелось, и не зависит исключительно от нас самих.

CCXXVII. Некоторые люди не являются сторонниками общения с умершими по той причине, что это якобы препятствует продвижению отошедших. Но этому нет ни малейшего доказательства. Утверждения самих духов говорят как раз об обратном: они заявляют, что общение с теми, кого они любят, очень помогает им и придаёт сил. Не так много, на мой взгляд, существует трогательных в своём простом юношеском красноречии страниц, как те, на которых Реймонд** описывает чувства погибших на войне юношей, желающих послать весть

* Уже *после смерти* (См. его «Посмертное послание человечеству») Конан-Дойль по этому поводу сказал: «Почему я в своё время был буквально осыпан всеми этими пророчествами о несчастях и катастрофах, к которым идёт человечество? Потому, как я вижу теперь, что я был как бы осью вращения, точкой опоры. Тысячи людей в ту пору прислушивались к моим словам. Именно поэтому мне было предназначено послужить Великому Белому Братьству, чтобы дать людям более чистое, более истинное и точное знание о жизни в потустороннем мире». (Й.Р.)

* Судя по всему, с освобождением России от большевицкого ига время это для человечества наступило. (Й.Р.)

** «Реймонд» – название книги сэра Оливера Лоджа, выдающегося английского физика и проповедника Спиритизма. Реймонд – имя сына учёного, который был военным инженером и погиб во

родным и встречающих постоянной помехой этому стену невежества и предрассудка в умах последних. «Вам мучительно думать о том, что сыновья ваши умерли, и всё же множество людей думает именно так. Мне ещё более мучительно слышать, как мальчики говорят мне, что никто больше не хочет с ними разговаривать. Это ранит меня очень больно».

ССХVIII. Положение в целом сводится, на мой взгляд, к следующей альтернативе: либо надо предположить, что случилась неимоверная, невероятная, массовая эпидемия сумасшествия, охватившая два поколения и два континента и поражающая мужчин и женщин во всех остальных отношениях в высшей степени здоровых; либо же приходится допустить, что за несколько лет из Божественного источника до нас дошло Новое Откровение, которое далеко превосходит самые крупные религиозные события, произошедшие после смерти Христа, ибо Реформация была всего лишь оживлением омертвленного католицизма, тогда как данное откровение напрочь изменяет лицо самой смерти и всю судьбу рода человеческого. Между этими двумя предположениями нет места колебаниям: мнение, согласно которому Спиритизм лишь обман да ложь, не выдерживает никакой критики и не может устоять перед очевидностью. Либо явное безумие, либо же идеальная революция, позволяющая нам бесстрашно смотреть смерти в глаза и являющая собой для нас великое утешение в ту годину, когда те, кого мы любим, уходят от нас в мир иной.

ССХIX. «В недавно опубликованной работе «Жизнь после смерти» покойного профессора Гислопа, который преподавал логику в Колумбийском университете и стал главным авторитетом в Америке по вопросам «спиритуализма», содержится фраза, звучащая достаточно нетерпимо: «Человек, который не признаёт существования бесплотных духов и соответствующих доказательств, является либо невеждой, либо моральным трусом». Эти слова верны в буквальном смысле, но их язвительность смягчается тем соображением, что быть невеждой в этих делах – в наше время не упрёк. Многие данные были получены совсем недавно и содержатся в книгах, ещё не переведённых, дорогостоящих и малодоступных. Я попытался показать всем, кто способен воспринимать свежие факты, что этот чрезвычайно важный вопрос более не является всего лишь любопытной темой для дискуссий, он уже обрёл вполне определённые очертания – у нас есть теперь прочные основы для будущих исследований. Все новейшие открытия, такие как авиация, беспроволочный телеграф, да и вообще любые новшества материального порядка, несущественны по сравнению с разработками, открывающими нам новую форму материи, с неслыханными ранее свойствами, скрытую, по всей видимости, внутри каждого из нас. Сложилась парадоксальная ситуация, когда искатели духовных ценностей сумели больше узнать о материи и её поразительных возможностях, чем любой материалист».

ССХХX. Люди самых высоких моральных качеств не только в этой стране, но и в Америке, Франции, Германии, России и Италии подтвердили наблюдения друг друга, и многие, бывшие поначалу материалистами, смогли впервые получить более широкое представление о Вселенной благодаря именно спиритическим исследованиям. Некоторые смогли притти к таким результатам благодаря вере, но поскольку разные религии ведут человека по разным направлениям, то ему оказывается затруднительным узнать, какой же из них он должен следовать, если только он не достаточно самонадеян, чтобы поверить, будто ему посчастливилось родиться именно там, где религия исповедуется истинная.

Лично я не знаю, не ведаю ни одного весомого довода в пользу продолжения нашей жизни после смерти (ведь все аналогии, имеющиеся в природе, на первый взгляд, дают нам доводы как раз против такого её продолжения), помимо того только, который доставляется нам опытами в психических исследованиях. В самом деле, можно сказать, что единственный убедительный ответ материализму заключается именно в феноменах Спиритизма.

Эта тема имеет глубокое религиозное значение. Есть, на мой взгляд, нечто крайне удивительное в том, что Церкви проявляют так мало интереса к психическим исследованиям.

время Первой Мировой войны. В книге содержится большой объём фактического и теоретического материала, касающегося проблем Спиритизма. Особенность книги заключается в том, что основу её составляют спиритические послания Реймонда Лоджа своим родителям. (Й.Р.)

Этот предмет затрагивает самые основы существования Церкви. Это единственный путь доказать самостоятельность души, и по меньшей мере он означает собой *возможность* её существования отдельно от органов тела. Если мы признаём факт, что привязанный воздушный шар может висеть в воздухе и быть отдельным от того, к чему он привязан, то нетрудно сделать и следующий шаг, признав существование этого шара и после того, как привязывающая его к земле нить оборвётся. Самые последние успехи знания – а каждый такой успех воистину возобновлённое Божественное Откровение – дают нам причины для уверенности в том, что это так и есть. Мейерс, Герней и Ходсон – такие же посланцы истины из Мира Потустороннего, как Исаия или Амос, но только по британской моде они говорят холодно и ясно, не прибегая к страсти и декламации, украшающей речь на Востоке. Их послание коснулось слуха многих и укрепило их дух, но оно, как мне кажется, не оказалось никакого прямого религиозного влияния, чего мы вправе были бы от него ожидать. Лично мне не известен ни один довод в пользу сохранения нашей индивидуальности после смерти, помимо фактов, доставленных психическими исследованиями. Но они настолько сильны, что должны перевесить все прочие, подобно тому как положительное всегда должно перевешивать отрицательное. Одна сотня тщательно наблюдённых, изученных и удостоверенных фактов будет всегда более убедительна, нежели миллион отрицаний, не подкреплённых исследованием.

ССХХХI. Многие спириты придерживаются той точки зрения, что со временем, как мы узнали все эти утешительные и восхитительные вещи (а мир человеческий предпочитает попрежнему их игнорировать и не принимает в расчёт наших доказательств), мы имеем право довольствоватьсь своей собственной счастливой уверенностью. Такая точка зрения представляется мне безнравственной.

Если Бог послал на Землю некое новое великое послание, выполненное огромной радости, то тогда долг для всех нас, кому оно было ясно открыто, передать его людям, каких бы трудов, лишений, времени и денег это нам ни стоило. Откровение это даётся нам не для эгоистического удовольствия, но для общего утешения. Если больной отказывается от врача, то ему нельзя помочь, но ему по крайней мере должно быть предложено лекарство. Это новое знание очистит и уже очищает землю и революционизирует человеческие взгляды по всем вопросам, за исключением только основ морали, которые незыблемо покоятся на христианских принципах. Все современные изобретения и открытия погружаются в незначительность рядом с теми психическими фактами, которые в скором времени станут довльть над общечеловеческим умом.

Предмет был затемнён открыванием всевозможных боковых выходов; некоторые из них довольно интересны, хотя и не имеют жизненно важного значения, другие же совершенно к делу не относятся. Есть целый класс исследователей, которые любят блуждать вокруг да около и тянуть других за собой, если те достаточно слабы, чтобы принять такое водительство. Подобного рода исследователи постоянно силятся найти объяснения, выходящие за пределы возможностей их собственного ума, и никогда не могут согласиться с тем, что простое и очевидное объяснение также может оказаться истинным. Всё горе таких исследователей идёт от их ума, ибо они пользуются им для того, чтобы избежать прямого пути и пропасть какую-то странную окольную тропу, в конце концов заводящую их в тупик, и это в то самое время, как прямой и честный ум твёрдо держится широкой дороги знания.* Когда я встречаю людей подобного типа и затем общаюсь со скромными конгрегациями религиозных спиритуалистов, то всегда думаю о словах Христа, в которых он благодарит Бога за то, что Тот открыл вещи эти младенцам и сокрыл их от учёных и мудрых, которые себе на уме. Я думаю также об изречении барона Рейхенбаха: «Научный скептицизм может иногда превзойти в глупости даже тупость невежды».

Можно, помимо того, вспомнить и слова великого пионера английского Спиритизма, сэра Вильяма Баррэта: «Скептицизм, в высокомерии своём отказывающийся признать существование множества фактов, происходящих у него перед глазами, никак не может

* Ничего удивительного. Герцог Ларошфуко говорит: «Люди часто пользуются своим большим умом, чтобы делать ещё большие глупости». И английская пословица гласит: «У кого много ума, тому надо иметь его ещё больше, чтобы уметь управлять им». (Й.Р.)

претендовать на звание здорового. Такой скептицизм нуждается во вмешательстве врача».

Закрытый ум – это признак, по которому узнаётся душа, прикованная к земле, а это последнее обстоятельство неизбежно означает мрак и страдания в будущем. Если вам известно о надвигающейся опасности, вы можете избежать её. Если же вы ничего не станете делать, то подвергнете себя серьёзному риску. Тут уж потребен некий Иеремия или Савонарола, для того чтобы прокричать это в уши миру. Необходима совершенно новая концепция греха. Конечно, едва ли стоит смотреть сквозь пальцы на сугубо плотские слабости человечества, слабости тела, но оне не самая серьёзная часть человеческой порочности, которая ожидает своей расплаты. Гораздо более серьёзными пороками являются закрытость ума, узость кругозора, фанатизм, материализм – словом, грехи не тела, но духа, ибо они действительно постоянны и обрекают человека на пребывание в самых низших слоях и самых низших мирах, пока он не извлечёт в них свой урок.

ССXXXII. Есть много такого, над чем неопытные и недалёкие люди могут посмеяться, но опровергнуть факты им будет намного труднее, чем растянуть рот в усмешке. О нас, верящих в психическое откровение и понимающих, какое огромное значение имеет восприятие подобных вещей, точно можно сказать, что мы бьёмся с косностью своей эпохи.

Чем труднее снести стену человеческой апатии, невежества и материализма, тем сильнее оказывается вызов, брошенный нашему мужскому началу и побуждающий нас нападать и вновь нападать с тою же настойчивостью бульдога, с какою Фош^{*} вёл атаки на немецкие позиции.

ССXXXIII. Но как я могу знать, что есть истина, спрашивают меня. Да никак не могу. Но зато я знаю и очень хорошо знаю, что истиной не является. И это, определённо, уже немало. Неправда то, что великий Вселенский Ум, спланировавший все и вся, был бы способен исполниться зависти и мести, а также жестокости и несправедливости. Это чисто человеческие свойства, и книга, приписывающая их Предвечному,^{*} не может быть «богодухновенной», но также должна быть чисто человеческого происхождения. Неправда, что законы Природы могли оказаться произвольно нарушенными, что змеи говорили, что женщины превращались в соляной столб, что жезлами добывали воду из скал. Мы должны честно признать, что такие утверждения, услышь мы их впервые не детьми, а взрослыми, неизбежно вызвали бы у нас только улыбку. Неправда то, будто бы Источник всякой мудрости и здравого смысла мог наказать весь род людской из-за незначительной ошибки, совершённой когда-то человеком, уже давно умершим, и затем усугубить столь чудовищную несправедливость, переложив ответственность за все обиды на плечи одного-единственного безвинного козлика отпущения. Разве мы не видим, до какой степени подобная концепция лишена справедливости и логики, не говоря уже о милосердии? Как могли мы до такой степени ослепнуть? Отвлекитесь на минуту от подробностей, всмотритесь в идею, лежащую в корне общепринятой веры. Разве эта идея совместима с бесконечной мудростью и милосердием Создателя? А если нет, то что тогда остаётся от всех догм, таинств, символов, ото всей системы, построенной на этом основании из песка и пыли? Мужайтесь, друзья мои! Грядёт минута, и всё будет откинуто в сторону. Так человек, когда силы к нему возвращаются, отбрасывает палку, которая была ему верной опорой в дни бессилия. Но на этом перемены для него не закончатся, потому что, перестав ковылять, он сможет не только ходить, но и бегать. Нет предела его возможностям – не может его быть, так как вопрос касается Беспределности. Всё это хотя и представляется сегодня слишком смелым, через тысячу лет будет выглядеть реакционно и вполне консервативно.

ССXXXIV. Каждая ветвь христианства представлена в наших рядах, зачастую это оказываются и священнослужители самого разного ранга. Но в описаниях потустороннего мира, данных в Священных Писаниях, нет ничего определённого. Информация же, которой мы располагаем, описывает небо как мир, наполненный радостным трудом и не менее

* Фердинан Фош (1851 – 1929) – маршал Франции, выдающийся полководец времён Первой мировой войны. (И.Р.)

* Речь снова идёт о «Библии». (И.Р.)

радостной игрой со всеми родами умственной и физической деятельности, вынесенной из земной жизни, но перенесённой на более высокий уровень: небо искусства, науки, мысли и ума, созидания, борьбы со злом, домашнего уюта, цветов, далёких путешествий, спортивных игр и состязаний, соединения душ, полной гармонии. Вот что описывают нам наши «усопшие» друзья.

С другой стороны, мы слышим от них, и иногда напрямую, о разного рода «адах», каковые суть не что иное, как временные области очищения. Мы слышим о туманах, мраке, бесцельных блужданиях, умственном смятении, угрызениях совести. «Наше положение ужасно», – написал мне один из них на недавнем сеансе. Вещи эти и реальны, и живы, и вполне удостоверены для нас. Вот почему мы являемся огромной силой для воскресения истинной религии, и вот почему духовенство берёт на себя тяжёлую ответственность, когда оно выступает против нас.

Конечный результат нашего воздействия на научную мысль невообразим. Единственное, что вполне определённо, так это то, что источники всякой силы будут усмотрены скорее в духовных, нежели в материальных причинах.

В религии, быть может, можно видеть немного более ясно. Теология и догма исчезнут. Люди поймут, что такие вопросы, как число лиц в Божестве или непорочное зачатие, не имеют никакого отношения к развитию человеческого духа, которое является единственной целью жизни. Все религии станут равны, ибо все они воспитывают души кроткие и неэгоистичные, каковые суть избранницы Божьи. Христианин, иудей, буддист и магометанин соответственно сбросят различия своих учений и будут следовать собственным верховным Учителям по общему пути нравственности и забудут свою былую вражду, которая сделала религию скорее проклятием, а не благословением мира.

Мы будем в тесном соприкосновении с потусторонними силами, и знание вытеснит ту веру, которая в прошлом воткнула в землю дюжину различных указательных столбов, с тем чтобы они предопределяли путь по соответствующему числу разных направлений.

Таким будет будущее, насколько мне удаётся его разглядеть сквозь отделяющее нас от него расстояние. И всё это вырастет и расцветёт из семени, которое уже посажено и за которым мы сейчас ухаживаем и которое поливаем посреди холодных порывов ветра этого враждебного мира.

CCXXXV. Я пытаю самое высокое уважение к человеческому телу и считаю, что оно было опорочено и оклеветано богословами и святошами: «наша грубая оболочка», «наша недостойная смертная плоть» – такие и другие подобные им выражения, на мой взгляд, являются скорее богохульством, чем благочестием. Не хвала Творцу поношение Его творения.

CCXXXVI. Мне, как медику, довелось однажды иметь дело с дерматоидной кистой, и я остался под неизгладимым впечатлением. Эти кисты представляются мне одной из мельчайших трещинок, через которую можно глубоко заглянуть в тайну лабораторий природы. Пациент пришёл ко мне со вздутием над бровью. Вскрыв его, полагая, что это нарвы, я обнаружил внутри немного волос иrudиментарную челюсть с находящимися в ней зубами. Подобные случаи в хирургии не редкость, и нет такого музея патологии, в котором не имелось бы тому примеров.

Но о чём это нам говорит? Столь удивительное явление должно иметь глубокий смысл. И он, по моему мнению, может состоять лишь в том, что *каждая* клетка в теле обладает определённой латентной силой к воспроизведству всего индивидуума, вернее сказать, его физической оболочки, часть которой она составляет. И, может быть, при каких-то особых обстоятельствах, связанных, например, с какими-то нервными и вазулярными возбуждениями, одна из этих микроскопических единиц телесной структуры берёт и вдруг делает неуклюжую попытку в данном направлении.

CCXXXVII. Я считаю, что в будущем человечеству предстоит открыть несколько плазматических форм разной степени активности, что приведёт к возникновению новой науки, лучшим названием для которой будет «плазмология». Я также убеждён, что все психические явления во внешней среде, включая ясновидение, станут предметом

исследования учёных-плазмологов. Я уверен, что все явления такого свойства, происходящие через посредство медиума, имеют один источник. Так, ясновидящий медиум может так же успешно «излучать» подобную субстанцию, которая образует вокруг него особую атмосферу, позволяющую духу проявляться перед тем, кто обладает необходимой силой восприятия. Подобно метеориту, который, пронзая атмосферу Земли, вспыхивает на мгновение, дух, проникающий в психическую атмосферу эктоплазмы, становится заметным для медиума лишь на краткий миг. Подобные рассуждения выходят за пределы известных нам теорий, но Тиндалль показал, как такие гипотезы могут дать ростки истины. Причина, по которой одни люди могут видеть призраков, а другим это не дано, кроется в том, что некоторые призраки при своём проявлении облачаются в покровы эктоплазмы, а другие – нет.

CCXXXVIII. Одна из любопытных особенностей теологического склада ума состоит в неспособности удержаться от заявлений, которые основываются на спорной предпосылке, полагая её заранее для себя разрешённой. Я должен также отметить, что некоторые из моих преподобных критиков, по всей видимости, унаследовали духовный дар прорицания, поскольку они нападают на меня прежде, чем узнают, *что я скажу*.

Некоторые из церковнослужителей называют меня агностиком. Какою бы ни была моя личная вера, этот вопрос представляет для других весьма микроскопический интерес. Но поскольку слово сказано, то я должен заявить, что не являюсь агностиком, хотя и выказываю к этой школе мысли то уважение, которое питаю ко всем серьёзно мыслящим людям. Я сторонник христианской системы в её простейшей и наименее догматической форме, поскольку в целом она есть самая благородная школа мысли, выработавшаяся по ходу развития земного человечества, хотя она и была настолько сильно обременена фанатиками и формалистами, что порой вообще затруднительно увидеть её первоначальные черты. Не бритая голова [или чрезмерно длинные волосы и окладистые бороды, как то принято в православии, – Й.Р.], но всеохватывающее милосердие в сердце составляет суть этой веры. Я являюсь также убеждённым теистом и глубоко верю в непосредственное влияние, которое Направляющая Сила оказывает на дела этого мира. Высшая вера и высшая наука для меня сливаются воедино.

Я страстно выступаю в поддержку полной свободы совести и считаю, что любая заскорузлая догма недопустима и, в сущности, антирелигиозна, поскольку голословное заявление она ставит, вытесняя логику, во главу угла, чем провоцирует озлобленность в большей степени, нежели любое иное явление общественной жизни. Нет, наверное, ни одной книги, в которой я не пытался бы выразить это своё убеждение. Одна из них – «Письма Старка Монро» – целиком посвящена этой теме. Я терпим в своих религиозных взглядах, основывающихся на почтительном теизме, а не на учении той или иной секты. Думаю, самый благоприятный с точки зрения счастья человечества ход развития религиозной мысли в будущем состоит в том, чтобы представители различных вероисповеданий обратили своё внимание на имеющуюся между ними общность вместо того, чтобы делать упор на разделяющие их догматические и ритуальные элементы, к сути христианства не имеющие никакого отношения.

Наконец, я должен сказать, что не верю в то, будто Божественное Послание человеческой расе было раз и навсегда передано две тысячи лет назад, но считаю, что каждое произведение в прозе или стихах при условии, что оно содержит в себе нечто полезное для индивидуальной души, является в определённом смысле посланием Мира Иного – посланием, которое растёт и развивается, как то и положено всему живому.

Свои размышления на эту тему мне бы хотелось дополнить словами поэта,озвучными с тем, что было сказано выше: «Все системы и школы нашей мысли преходящи: оне приходят в свой день и затем исчезают. Но все оне суть искры, вспыхивающие от света Твоего, ибо Ты, Господь, ярче их всех».*

* Our little systems have their day;
They have their day and cease to be;
They are but broken lights of Thee;
For Thou, oh Lord, art more than they.

CCXXXIX. Каждый из нас идёт своей дорогой. Почему я должен обращать других в свою веру? Мне не хотелось бы ради абстрактной истины лишать других людей их детской веры, которая облегчает им жизнь и делает её богаче. В своих бессвязных записках я дал бы неверное понятие о себе, коли вы смогли бы углядеть в них ожесточение против общепринятых форм веры. Я далёк от того, чтобы утверждать, будто оне все ложны; и я гораздо лучше выражу свою позицию, если скажу, что все оне истинны. Провидение не пользовалось бы ими, не будь оне наиболее подходящими и в этом смысле божественными орудиями. Но то, что оне содержат окончательную истину, это я отрицаю, с этим я согласиться не могу. Более простая и более вселенская вера займёт их место, когда ум человеческий созреет для такой перемены. И я верю, что эта новая религия будет основываться на тех критериях абсолютной и доказательной истины, о которых я говорил. Но старые религии до сих пор более подходят к складу некоторых умов и возрастов. Если оне достаточно хороши для Провидения, дабы пользоваться ими в Своих целях, то оне достаточно хороши и для нас, чтобы мириться с ними. Нам остаётся только ждать выживания самой истинной. Если и казалось, что я говорю что-то против них, то на самом деле я говорил против их сторонников, желавших бы ограничить благодать Всевышнего лишь незначительной группой своих приверженцев, или тех, кто желают замкнуть религию за Великой Китайской стеной, не позволяя ей принять в себя новооткрывшиеся истины и без всякой надежды на развитие в дальнейшем. Именно с такими людьми первопроходцы прогресса не могут заключить перемирия.

CCXL. Известный английский поэт, литературный критик, тонкий мыслитель Джеральд Массей в следующих выражениях высказал своё отношение к Спиритизму: «Спиритизм стал для меня, как и для многих других, истинным расширением моего умственного горизонта и пришествием Неба, превращением веры в действительные факты; без него жизнь всего более походит на морское плаванье, совершающееся при задраенных люках в тёмном и душном трюме корабля, в коем единственным светом, доступным взору путешественника, будет одно только мерцанье свечи; и вот как будто этому путешественнику вдруг позволили великолепной звёздной ночью выйти на палубу и впервые увидеть величественное зрелище свода небесного, пылающего мириадами огней во славу Творца».

CCXLI. Почему воины Духа вечно каются, прячутся по кельям да подвалам, всегда заняты только самими собой и никто не видит и не слышит их, а мир, который им следовало бы исправлять, идёт своей дорогой?

CCXLII. Если бы человек мог видеть, слышать и чувствовать всё это и тем не менее оставаться неубеждённым в реальности незримых разумных сил вокруг себя, то у него были бы веские основания сомневаться в здравости собственной психики. Тот, кто видел, хотя бы смутно, сквозь завесу, руки, протянутые ему из загробного мира, и кто касался их, хотя бы слегка, тот действительно победил смерть. Есть нечто более сильное, чем просто *вера*, и это – *знание*. Так вот, я утверждаю эти вещи, потому что у меня есть знание о них. Я не *верю*, я *знаю*.

CCXLIII. Последние мгновения в этом мире можно сделать счастливейшими в жизни, если толком понять, что у тебя впереди.

CCXLIV. Отчего нам бояться смерти, которая, как мы знаем наверняка, есть врата к невыразимому счастью? Что нам страшиться смерти тех, кто нам дорог, если после неё мы будем совсем рядом с ними?

CCXLV. Врата загробного мира не заперты, а только прикрыты, если человек понастоящему искренен в своих поисках.

CCXLVI. Развитие человеческого духа составляет единственную цель жизни.

CCXLVII. Можно было бы на этом поставить точку. В своём повествовании я предпринял попытку показать, как вполне материальные знамения, дарованные невидимыми правителями Земли, утолили жажду вещественных доказательств, в которых так нуждалось мыслящее человечество. Эти материальные знаки сопровождались спиритическими сообщениями, возвращавшими нас к великим и простым религиозным истинам, к огню вдохновения, вспыхнувшему некогда ярким пламенем вероучения и угасшему со временем. Человечество утратило контакт со сверхъестественными силами, окружавшими его, и стремление к познанию оказалось в тисках сомнений, ограничивающих способность к восприятию нового учения. Спиритизм – величайшее движение, возникшее за последние два столетия – избавил человечество от той тьмы, в которую оно было погружено. Учение Духов придаёт людям новые силы и раскрывает безграничные перспективы, простирающиеся далеко за пределы человеческого влияния. Уже виден пик этой вершины, и солнце озаряет наши земные долины светом истины.

CCXLVIII. Когда я размышляю о будущем человеческой расы, мне вспоминается, как однажды, стоя среди холодного и унылого нагромождения скал и снега на вершине альпийского перевала, я смотрел вниз на раскинувшийся вдали ландшафт Ломбардии, купавшейся в лучах солнечного света. Великолепная панорама голубых озёр и зелёных холмов тянулась в бесконечную даль и расплывалась в золотистом тумане, окутывавшем далёкий окоём. Точно так же у самых наших ног сейчас лежит Земля Обетованная, в сравнении с которой, когда мы достигнем её, земля нашей нынешней цивилизованной жизни покажется нам скучной и бесплодной. Уже авангард наш преодолел перевал. И ничто не препятствует нам теперь достичь этой чудесной страны, горизонты которой вполне явственно раскинулись перед взором тех, кто открыл свои глаза, дабы увидеть мир, нас ожидающий.

CCXLIX. Человек идёт из тьмы в свет. Пробыв некоторое время в свете, он идёт опять во тьму. Наши дни кратки, не будем же тратить этих дней попусту. Немного их в нашем распоряжении. Помните ли, что говорит Петrarка: «Начинаящему жизнь кажется бесконечной, а уходящему в вечность она представляется ничтожеством». Каждый день, каждый час нашей жизни должен проходить в служении Творцу. Мы должны развивать все начатки добра, заложенные в нашей душе. Что такое наши горести, тревоги и болезни? Это облака, которые закрывают солнце только на одно мгновение. Суть жизни заключается в том, чтобы сделать хорошо то, что ты был должен сделать. Вот где вечность, вот что переживает века. Итак, не давайте себе отдыха. Успеете отдохнуть, ибо смертный час недалёк.

CCL. Свыкнитесь с неоспоримой очевидностью и примите её. Расширяйте и одухотворяйте свои мысли. Плоды этого покажите в своей жизни. Отсутствие эгоизма – вот движущая сила всякого нравственного развития. Осознайте не как вопрос отвлечённой веры, но как осозаемый предмет, столь осозаемый и явный, как, например, улицы города, по которым вы ходите, тот факт, что мы ступаем в иную жизнь, в которой счастье станет доступно всем, и что счастье это может быть задержано или даже отнято у нас лишь безумием и эгоизмом в течение этих немногих скоротечных лет. Проникнитесь этой величественной истиной!

1979 – 2015 гг.

(композиционный перевод с английского
Йога Раманантаты)

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Вскоре после смерти писателя в 1930 г. произошли события, повествование о которых само по себе представляло бы захватывающий рассказ, и в итоге их на спиритических сеансах в кругу родных и друзей писателя проявился дух, сообщивший, что он – Конан-Дойль и что он вернулся, дабы довести до конца свои спиритические исследования, начатые при жизни.

Первое потустороннее сообщение от Артура Конан-Дойля пришло 27 января 1931 г. и положило начало длинной серии посланий, в которых он, как и при жизни, полностью подтверждает высокое назначение Спиритизма, раз и навсегда показывая, что смерть и сохранение души после смерти тела, равно как и возможность при определённых обстоятельствах общения между мирами, являются нормальным и естественным процессом, составляющим такую же часть человеческой жизни, как и любовь между мужчиной и женщиной или рождение ребёнка.

В итоге этих встреч в 1933 г. была издана книга “Thy Kingdom Come”, или в русском издании – «Посмертное послание человечеству». Это записи (до известной степени фрагментарными) бесед, проведённых им уже не как обитателем нашего материального мира, а в качестве разнополочного духа. Предваряя последующие беседы, Белый Орёл,* говоря о Конан-Дойле, заметил: «Это гораздо более великая душа, чем могут полагать даже те, кто его лучше всего знали. И ему предстоит исполнить ещё одну благородную миссию на земле».

В данной книге собрана примечательная серия спиритических посланий Конан-Дойля, полученных на тех сеансах при посредстве медиума Грейс Кук. Чтобы получить эти послания, участники кружка в том или ином составе (разумеется, при неизменном присутствии г-жи Кук) собирались в течение 18 месяцев. Ими и их последователями была проделана огромная работа, чтобы подготовить книгу к публикации. Не обошлось и без досадных обстоятельств.

Дело в том, что Конан-Дойль говорил, естественно, по-английски. Но эта версия текста была утеряна, сохранился лишь перевод с неё на французский, выполненный французскими участниками сеансов и изданный ими в своём бюллетене, называвшемся «Bulletin des Polaires». Этот текст и является теперь оригиналом. С него был сделан обратный перевод на английский, который и издавался впоследствии. К сожалению, достать французский оригинал нам не удалось, и мы были вынуждены иметь дело с этим «рюкьюберзетцунгом». Естественно, что копия с копии, которая опять-таки является лишь копией безвозвратно утраченного оригинала, даёт лишь самое приблизительное представление об изначальном изображении. Неслучайно здесь приходит на ум любопытная параллель: та же участь, как известно, постигла в своё время «Евангелия», оригинальным текстом которых теперь (об этом говорит и само их название – *евангелие*) является греческий, хотя изначальный текст должен был быть на каком-то диалекте древнееврейского языка (причём даже неизвестно, на каком именно).

И всё же «Послание» Конан-Дойля рисует нам поразительную по своим масштабам живую картину посмертной жизни. Она включает полное описание уровней сознания, через которые эволюционирует человек и на которых, как утверждает и Артур Конан-Дойль (вслед за йогами и спиритами-карденистами), человек может находиться также при своей жизни в материальном мире. В итоге этих бесед возник по сути дела *Новейший Завет*, который дарит читателю огромный заряд надежды и веры в мир Духа, равно как и более глубокое знание своей природы и возможностей.

Английский оккультист Шоу-Десмонд писал: «Приидет Царствие Твое» (так *по-английски* называлось «Посмертное послание человечеству») – наиболее точное и достоверное из всех когда-либо данных описаний потусторонней жизни». Нисколько не умаляя достоинств и значения этой книги, мы не можем, однако, согласиться со столь категоричной оценкой. Ведь ещё более поразительные и ничуть не менее достоверные описания потусторонней жизни были даны семьюдесятью годами раньше в книгах Аллана Кардека, особенно в его «Рае и Аде в разъяснении Спиритизма». Более того, после смерти

* Высший Дух, направляющий деятельность общества английских спиритов, известного как *White Eagle Lodge*. Адрес английской штаб-квартиры общества: New Lands, Brewells Lane, Liss, Hampshire, England, GU33 7HY. Тел.: 01730 893300. (Й.Р.)

Кардек также сообщался со своими последователями, и некоторые из его посланий приводятся в книгах Леона Дени.

Чего мы вправе ожидать от умерших, когда они возвращаются, чтобы говорить с нами? Только ли новых воспоминаний и каких-то подробностей об их прошлой жизни? Или, быть может, чего-то ещё? Если они действительно живы, мы можем с полным правом ожидать от них рассказа об их новых переживаниях и ощущениях. Если прежде ушедший обладал глубоким, бесстрашным умом и открытым, прямым характером, презирал всё, что считал мелким и лживым, то от такого человека вполне естественно ожидать точного рассказа о его новой жизни. Если при жизни он был также проповедником Спиритизма и, более того, в чём-то заблуждался относительно некоторых положений Учения, то разве не постараётся он дать необходимые разъяснения людям, которые всё ещё разделяют его былые взгляды?

По прямоте характера, по манерам и учтивому обхождению, по знакомой энергичности и мужественности, по добросердечному энтузиазму и исходившей от говорившего симпатии люди, знавшие Конан-Дойля лично – его семья, мисс Эстель Стед, г-н У.Р.Брэдбрук (секретарь Мемориального фонда имени Артура Конан-Дойля), – без труда узнали его в говорившем. Он оставался таким же, как и при жизни, хотя теперь его характер ещё более сублинировался благодаря приобретению новых познаний и опыта. С другой стороны, ни медиум, ни её муж или друзья никогда не встречались с Конан-Дойлем до его кончины. Личность, говорившая через медиума, обладала знанием и силой выражения, а манера речи и литературный стиль записей были совершенно чужды медиуму. Изменения, произошедшие в наружности медиума (как в лице, так в манерах и жестах) были замечены всеми присутствующими. Не могло быть речи и о телепатии: человек говорил, вдаваясь во всевозможные подробности, в конце выступления обращался к слушателям с вопросом, всё ли им понятно, и при надобности давал дальнейшие пояснения. Не возникло мысли и что это высшее "я" медиума или кого-то из присутствующих. В действительности ощущалось, что сила характера у говорившего духа значительно превышает нравственную силу любого из присутствовавших на сеансе живых людей, в нём чувствовалась не только целостность, но и огромная широта человеческого понимания и симпатии. Это уже был не больной, усталый и старый Конан-Дойль, который умер в 1930г., но человек, чья сила и жизненность наполняли каждого, кто был в комнате. Личность Конан-Дойля ощущалась собравшимися вполне явственно, так же как и само его присутствие, его характер, духовная сила и чувство необыкновенного подъёма, исходившего от передаваемого им послания. Более того, встречи продолжались в течение двух лет, т.е. всего того времени, которое было необходимо для исполнения работы, задуманной духом сэра Конан-Дойля. Понятно, что это потребовало огромных усилий не только от него, но и ото всех участников сеансов по обе стороны занавеса, разделяющего наши миры.

Таким образом, тогда вернулся сам Конан-Дойль, полный нового опыта, возвышенно настроенный и в полном смысле слова живой; хотя некоторые его взгляды изменились, но сам характер его, прекрасно знакомый всем, кто знал его прежде, не изменился, а лишь ещё более усовершенствовался. Для своей семьи он всё ещё оставался отцом, но он желал (и был исполнен в этом отношении большой решимости), чтобы его послание было обращено не к одним только родным и близким, а более широко – ко всему человечеству. Он считал, что характер его послания таков, что, недвусмысленно удостоверяя его, Конан-Дойля, авторство, одновременно служит гарантией того, что с участниками кружка говорит именно он.

Какие, в самом деле, ему ещё оставались средства, чтобы удостоверить свою личность? Не обращаться же было через своего медиума к суду присяжных или какой-то государственной комиссии? Он предпочёл гораздо более действенный путь: обратиться ко всему миру, или по крайней мере к тем, кто пожелаю послушать его свидетельство.

Своим посланием он как бы говорил нам:

«Это я, Конан-Дойль. Я не могу явиться вам в материальном теле, подобном вашему; но определёнными средствами я всё же могу представить доказательства своей аутентичности. Пусть моё доказательство будет записано и прочитано. Моё письменное показание даётся в присутствии тех, кто знал меня при жизни и кто удостоверил бы мою подлинность, будь я теперь в материальном теле. Доказательство, представляющее мною

вам, убедительно и разумно. И если вы признаёте, что это я, тогда с беспристрастным и открытым умом выслушайте моё свидетельство:

Свидетельствую, что умершие живут и остаются самими собой. Я, естественно, не мог дать подобное свидетельство, пока находился в материальном теле. Но теперь обстоятельства таковы, что позволяют мне сделать это. Может ли это быть делом рук фокусника или мошенника, судите сами. С другой стороны, если утверждаемое мною не соответствует представлениям людей о жизни после смерти (равно как и отсутствию у них таких представлений) или их религиозным предубеждениям и предрассудкам, вы всё равно не можете ожидать от меня, чтобы я предложил в качестве моей единственной улики свод фактов, которые уже были известны мне и другим при моей жизни. Нужно на самом деле что-то новое, если я и вправду приобрёл новые знания и опыт. И всё-таки любое новшество, которое я принесу, вы можете в принципе увидеть, если в должном ключе изучите Священные Писания мировых религий и сочинения мистиков. Или если откроете себя для осознания той истины, что Бог есть Бог Любви и что гармония, порядок и разумность присутствуют во всей Вселенной. И тогда вы увидите, что прогресс человека в его движении через смерть к последующей жизни основывается на природе самого человека и его заслугах; что его последующее состояние – логичный результат его собственного роста и развития, и оно позволяет дальнейшее совершенствование его внутренней жизни, и что в конце концов после смерти вы продолжаете жить в рациональной, а не сказочной Вселенной, где факты всё ещё остаются фактами».

Таким образом, читатель, перед Вами всё ещё **жизненноважное послание**, но теперь уже дающее необходимую завершённость всему *Новому Откровению*. Характерно, что здесь Конан-Дойль ещё более отдаляется от англо-американского спиритуализма, так как взгляды, развивающиеся им здесь, целиком соответствуют учению Йоги и Карденизма. Так что те, кто с умом и внимательно прочитают «Послание» сэра Артура Конан-Дойля, не только освободятся от страха смерти, но и наконец действительно поймут смысл жизни, который откроет перед ними лишь перспектива бессмертия.

Сpirитическое Учение не было понято и признано земным человечеством в ту пору, когда оно было предложено ему Космическими Силами (вторая половина XIX века – первая четверть XX),^{*} и претерпело значительные искажения (отсюда и правомерная критика такого выродившегося спиритизма со стороны г-жи Рерих). И в результате этого человечество в XX веке погрузилось во мрак материалистического и безбожного варварства, закономерно приведшего к чудовищному геноциду.

Как бы то ни было, но есть и иной, истинный Спиритизм, к знакомству с которым мы предлагаем читателю обратиться в том числе и через многолетние искания такого человека, как сэр Артур Конан-Дойль. Ещё и сегодня не поздно, и если идеи Третьего Откровения будут человечеством признаны и претворены в жизнь, то участь нашей планеты может ещё измениться к лучшему. Не забудем, что главный принцип такого Спиритизма – ЖИТЬ ПО СОВЕСТИ, и главный девиз его: «Без любви к Богу и любви к ближнему – нет спасения!».

Свой рассказ о спиритуалистических изысканиях сэра Артура Конан-Дойля мы не могли бы, на наш взгляд, завершить лучше, нежели приведя слова итальянского писателя Курцио Малапарте:

«Chi ritorna vivo da quello straordinario viaggio nell’al di là, non può più guardare il mondo con gli occhi di prima. Non vede più le cose nei loro mutevoli aspetti, ma nella loro segreta natura. Tornerà mutato: tornerà libero, un uomo libero, nel senso più profondo. Poiche la libertà non è altro che la conoscenza del rapporto fra la vita e la morte, fra il mondo dei vivi e quello dei morti.»^{**}

^{*} Безусловно чистыми источниками такого спиритизма являются творения Аллана Кардека и Леона Дени, создавшиеся ими в сотрудничестве с Духовной Иерархией. (И.Р.)

^{**} Обрусим сказанное, дабы мысли эти ни для кого не оказались потерянными: «Кто возвращается живым из поразительного путешествия в мир потусторонний, тот не может уже взирать на мир физический прежними глазами. Ему становится зrima не изменчивая видимость вещей, но их сокровенная природа. Он вернётся из путешествия этого совершенно преображенными: он станет свободен, сделается свободным человеком в самом глубоком смысле слова. Потому что свобода – это не что иное, как знание взаимосвязи между жизнью и смертью, между миром живых и миром

ЧОР РАССКАЗЫ

Москва, 4 июня 1992 г.

умерших». (И.Р.)

LIFE AFTER DEATH: Spiritism to the World. Spiritualistic materials in Russian

We were born to die. This sentence sounds deeply in our minds as a result of an inexorable fact: we are condemned to the final day, when our bodies will suffer from the inevitable collapse, and then the unknown is the only word we still have to describe the consequences.

Is there life after death? Many try to deny such question by proposing death as exactly what the senses perceive. Death is not only the final day of our lives on Earth, but it is the end-line. Beyond death there is just the cold and senseless sea of the null existence, the nothing inside the vacuum.

While this view, if true, can not affect our lives after death, after all we would not exist in there, it still has a strong appeal for our present lives. Why should I obey an ethical request or moral code, if no gain from such a blind obedience is possible? Given this picture of death, why on earth should I become interested in the comfort and in the good of people around me, if my own interest is not only the priority but the only one? I should not waste my precious time with such foolish things. The consequences of this view, which may be properly called materialistic, are widely known nowadays.

For those who believe that this view is wrong, we have written these pages. Of course many others also deny Materialism, that is the point of Religion. Religion not only owes its origin to the terrible and distressing fear of the unknown or the feeling of God's existence, but to the denial of death as the end-line. By accepting life after death, our lives are happier; it is, so as to say, easier to live if we believe we will always exist.

Unfortunately tradition has established this consoling view as an act of faith, something that you believe or not. But what very few managed to discover was that it is possible to have positive evidences for our survival. That has been the greatest jewel found by Spiritism since its inception by Allan Kardec in the historical publication of «The Spirits' Book» in 1857. The positive facts of spirit communications have revealed the existence of a parallel world, where those who have been incorrectly called «dead» since then, and whose previous existences have been constantly forgotten by us, are alive. The delay in accepting this marvellous fact has complicated our improving toward a better world. We have conquered other planets in our solar system by space exploration, but we have failed even to grasp the existence of the spiritual world, that is everywhere around us and with which we are incessantly in contact. It is indeed very human such blindness to the spiritual things together with an abnormal cleverness to the material ones.

The first task of Spiritism was then to kill Materialism. The second one is to improve our lives. But Science has improved very much the way we live today. Again here spiritual improvement is what we seek after. How can we live better than now if we do not know why we are here and why the seeming injustice in the world exists at all? The doctrine contained in «The Spirits' Book» was able to restate the validity of the moral code in the Gospel of Christ which is unfairly disdained by religious men and by people in general that follow these men. The Spiritist Doctrine provides the rational basis to understand the Gospel according to what historical research has shown, and yet without failing to believe in God's justice and goodness. We now accept the Gospel as an ancient code of moral teachings which express certain laws that exist since the beginning of the World and that every living being, every spirit in the Universe is subjected to. The final task of Spiritism is now completed: to show our divine heritage as sons of God, a heritage that is expressed by the following words:

WE WILL LIVE FOREVER!

See also our texts in Russian containing excerpts from the works by Allan Kardec, Léon Denis, Sir Arthur Conan Doyle, Yogi Ramanantata etc.: <http://rassvet2000.narod.ru>

ЛЮДИ ПЛАНЕТЫ ЗЕМЛЯ!

Мы говорим вам: Знамя, высоко водруженное нами, есть знамя Христианского Спиритизма, Спиритизма Всего Человечества. К нему стекутся в свой день люди со всех концов земного шара, так как поймут, что это – якорь спасения, оплот общественного порядка, вестник новой эры для человечества.

Обращаем особое внимание Читателей на это словосочетание – Христианский Спиритизм. Помните? – «В начале было Слово». Так вот! в Мире Истинных Слов и Чистых Вибраций, т.е. в Мире Огненном, название Учения звучит по-латыни: *Spiritus Christi* (по-русски: Дух Христов). Таким образом, земное слово «спиритизм», стилизованное по модели «-измов» (в ряду с коммунизмом, ревматизмом и прочим) – всего лишьискажённое звучание, несовершенная транскрипция небесного названия Учения. Стало быть, слова Христианский Спиритизм и Спиритизм Всего Человечества означают собой единение всех душ земного человечества в Духе Христа, Учение которого оказалось возвещено нам в середине XIX века Духом Истины – тем Утешителем, действенное вмешательство коего и было обещано нам Спасителем в самом начале новой эры:

«Если любите Меня, соблюдите Мои заповеди, и Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек, Духа Истины, которого мир не может принять, потому что не видит Его и не знает Его, а вы знаете Его, ибо Он с вами пребывает и в вас будет. Утешитель же, Дух Святый, которого пошлёт Отец во имя Моё, научит вас всему и напомнит вам всё, что Я говорил вам». (Иоанн, гл.XIV, ст.15,16,17,26.)

«Пошлю Его к вам, и Он пришед обличит мир о грехе и о правде и о суде. Ещё многое имею сказать вам, но вы теперь не можете вместить: когда же придёт Он, Дух Истины, то наставит вас на всякую истину: ибо не от Себя говорить будет, но будет говорить, что услышит, и будущее возвестит вам; Он прославит Меня, потому что от Моего возьмёт и возвестит вам». (Иоанн, гл.XVI, ст. 7,8,12,13,14.)

Всё истинно так и сталося. Это было Третье Откровение, данное Землянам после эпохи Моисея и Христа, и наша неотложная и святая Задача – понять Великие Наставления, в этом Откровении изложенные, и, пройдя по предложеному Свыше пути, исцелиться и тем самым – спасти Нашу Планету и поднять её на более высокую ступень в Космической Иерархии Миров. Ибо сказано: Мир создан Радостью, и Мир придёт к Ней!

Мы приглашаем все серьёзные школы философской, оккультной, научной и религиозной Мысли, все серьёзные Общества и всех искренних искателей Истины содействовать этому подлинно Великому Делу и, забыв все свои мелкие и ребячливые разногласия, сплотиться вокруг этой великой Объединяющей Идеи. Пусть все Сотрудники Света братски протянут друг другу руки с одного конца мира в другой – и они заключат тем зло в нерасторжимые оковы!

Богъ разданната

Наш адрес в интернете:

http://go.to/Rassvet
или: http://rassvet2000.narod.ru
E-mail: rassvet2000@narod.ru

СОДЕРЖАНИЕ

От издателя
Сочинения сэра Артура Конан-Дойля о Спиритизме
Автор Шерлока Холмса и его детективный роман о Спиритизме длиною в жизнь (<i>Йог Раманантата</i>)
Размышления сэра Артура Конан-Дойля о Религии, Спиритизме и Бессмертии
Послесловие (<i>Йог Раманантата</i>)

(Текст на задней стороне обложки, белым курсивом на фиолетовом фоне):

Это произведение открывает русскому читателю совершенно неведомую ему сторону жизни и творчества Артура Конан-Дойля. На её страницах Конан-Дойль предстаёт как тонкий мыслитель, которого глубоко волнуют фундаментальные проблемы Бытия: душа, бессмертие, Бог, религия, психические исследования, прогресс человечества, его судьба и предназначение.

Сэр Артур Конан-Дойль (1859 – 1930) – крупнейший английский писатель, тонкий мыслитель, общественный деятель, публицист, доктор медицины и доктор права – почти 50 лет жизни посвятил изучению Спиритизма – учения, разрешающего загадку жизни и смерти, а также – все трудности философии и религии и кладущего конец противостоянию науки и религии.

Создатель знаменитого сыщика Шерлока Холмса и других полюбившихся читателям персонажей обладал блестящим, дедуктивным умом, острым, как бритва. Именно эти качества своего ума он использовал при критическом исследовании Спиритизма, а также, убедившись в его истинности и во всеуслышание заявив о своей горячей ему приверженности, – при дальнейшем его развитии. Сила анализа, тонкость и глубина его мыслей поражают современного исследователя своей актуальностью и всесторонним проникновением в предмет.

Сейчас мы предлагаем вниманию русской читающей публики квинтэссенцию мировоззрения Конан-Дойля по проблемам религии, Спиритизма и бессмертия. Всё это собрано в результате кропотливого труда со страниц многочисленных произведений нашего автора (как самых больших, так и самых малых) и затем переведено и тщательно отредактировано. Данное собрание представляет собой совершенно новое и оригинальное произведение, которое мы с чувством законной гордости и надеждой, что оно не будет бесполезным, выпускаем в свет. Несомненно, что даже те, кому хорошо известен затронутый здесь предмет, не потеряют напрасно времени, знакомясь с этими бесценными мыслями.